

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 20 (136) ЖОВТЕНЬ

2007

2007 жовтень № 20 (136)

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ**

ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Частина II

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 3783,
видане Держкомвидавом України 19.04.1999 р.

Друкований орган Луганського національного
педагогічного університету імені Тараса Шевченка
Видавництво ЛНПУ «Альма-матер»

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 2 від 28 вересня 2007 р.)

Виходить 2 рази на місяць

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор –
проф. Харченко С. Я.

Перший заступник головного редактора –
проф. Синельникова Л. М.
Заступник головного редактора –
проф. Ужченко В. Д.
Відповідальний секретар –
проф. Галич О. А.
Члени редколегії:
проф. Гриценко П. Ю.,
проф. Зеленько А. С.,
проф. Тараненко О. О.,
доц. Унукович В. В.

Засновник – Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка

*Збірник наукових праць,
ліцензований ВАК України
за напрямками: педагогіка,
історія, філологія, біологія
(Бюлетень ВАК України. – 1999. –
№ 4 (12))*

Матеріали номера друкуються мовою оригіналу

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief –

Prof. Kharchenko S. Y.
First Deputy –
Prof. Sinelnikova L. M.

Deputy –
Prof. Uzhchenko V. D.
Executive secretary –
Prof. Galich O. A.

Editor Board Members:
Prof. Gritsenko P. Y.,
Prof. Zelenko A. S.,
Prof. Taranenko O. O.,
Unukovich V. V.

Founder – Luhansk Taras Shevchenko National Pedagogical University

*The collection of studies on
Pedagogic, History, Philology,
Biology licensed by the Higher
Attestation Board of Ukraine (HAB)
(Bulletin HAB of Ukraine. – 1999. –
No. 4 (12))*

The materials are published in the original

Видавництво Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка «Альма-матер»:
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: mail@lnpu.edu.ua

Луганського національного педагогічного університету

імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Коректор – Крисло О. В.,
Ніколаєва В. А.

Відповідальна за випуск:
доктор філологічних наук,
доцент Зайцева І. П.

Здано до складання 03.09.2007 р. Підписано до друку 28.09.2007 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Умов. друк. арк. 28,75. Наклад 100 прим. Зам. № 459.

Видавництво ЛНПУ імені Тараса Шевченка
«Альма-матер»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

З М І С Т

1. Архіпова Н. П. Проблеми класифікації простого речення.....	5
2. Балакина З. Ю. Отражение национальной специфики концептов эмоций при сравнительном анализе материала словарных статей в русском и английском языках.....	12
3. Bekresheva L. A. <i>Talented and Gifted Children as Pedagogical Category</i>	20
4. Васильева Л. Г., Сура Л. Г. Метод проекта в процессе преподавания тем страноведческого характера.....	23
5. Волошина Є. Б. Проблеми перекладу конвертованих одиниць.....	26
6. Грищенко Е. В. Лингвокультурное своеобразие переводов поэмы Э. По «Ворон» (на материале переводов произведения 2-й половины XIX века).....	30
7. Долматова А. О. Влияв Internet на особистість підлітків.....	36
8. Зайцева И.П. Лингвистические сигналы инокультурности персонажа в современном драматургическом дискурсе.....	40
9. Зеленько А.С. Рецензія на книгу С.С. Єрмоленка «Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць».....	51
10. Игнатова О. В. Фразеологічні одиниці російської мови із зооморфним компонентом «волк» у світлі сучасної фразеології.....	66
11. Камышникова Я. С. Субстантивация в русской лингвистической традиции.....	72
12. Ковалёв В. И. Актуальные проблемы изучения суржика.....	77
13. Кравченко З.Ф. Многолетний опыт работы над лексикой в течение кандидатского семестра.....	83
14. Красовская О.В. Двуязычие с судебной коммуникации (на материале гражданского судопроизводства в Луганской области).....	91
15. Крысало О. В. Языковые маркеры англосаксонской культуры в переводной русской речи персонажей (на материале пьесы Теннесси Уильямса «Стеклянный зверинец»).....	98
16. Курєнкова Г. М. Дидактичний зміст самостійної роботи студентів у ВНЗ.....	105
17. Лучик А. А., Скриник Г. В. Еквіваленти слова з компонентом що в українській мові.....	108

18. Маевская В. Г. Поэтические воззрения славян на природу в осмыслении М. И. Цветаевой и А. Н. Афанасьева.....	117
19. Матвеева С. А. Интернет як специфічний комунікативний простір.....	131
20. Мороз Т. Ю. Семантично модифіковані оніми: симетричне й асиметричне на рівні морфологічної категорії числа.....	134
21. Неловкина Н. И. Лингвокультурологическое своеобразие женской печатной рекламы (на материале русского и английского языков).....	141
22. Ponikarovska S. V. To the Problem of Teaching Professional Vocabulary and Speaking in Technical Higher Schools.....	147
23. Сазонова Е. А. Преломление сонетных традиций английской поэзии в творчестве «озерной школы» (на материале произведений С. Т. Кольриджа).....	151
24. Сафронова Н. В. Влияние Пушкина на духовный мир Огарева.....	156
25. Сергеева В. Є. Міжкультурна комунікація як засіб формування загальнолюдських цінностей у підлітків на уроках іноземної мови.....	164
26. Слиская А. А. Размышления о русском менталитете в контексте истории (В. Пьецух, сборник «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории»).....	174
27. Тараненко О. Г. Репрезентация концепта «мудрость» в русском и английском языках (на материале фразеологических единиц).....	179
28. Ткач О. С. Интегрированный урок как средство воспитания гармонической личности.....	186
29. Фирсова И. В. Концепт пространства в теоретическом осмыслении современных лингвистических направлений (к постановке проблемы).....	191
30. Хомицкая З. Н. К вопросу о значении термина (полисемия и омонимия в психиатрической терминологии).....	198
31. Чернов А. А. Концепция литературно-художественного альманаха «Крылья».....	208
32. Четырешникова Л. В. Концепт: подходы в его понимании.....	211
33. Шаповалова И. В. Концептуально-подтекстовые формы проявления интертекстуальности в лирических циклах М. Волошина.....	219
Відомості про авторів.....	228

Н. П. Архіпова

ПРОБЛЕМИ КЛАСИФІКАЦІЇ ПРОСТОГО РЕЧЕННЯ

Майже у кожній лінгвістичній праці, у якій йдеться про просте речення, наявна його класифікація. Найчастіше, у праці цих класифікацій декілька, оскільки речення – це багатоаспектна синтаксична одиниця. «Три аспекти речення – структурний, семантичний та прагматичний – стверджує Г.Г. Почепцов, – визначають три основи для класифікації речень за їх структурою, семантикою та прагматичними властивостями» [9, с. 173]. При цьому слід відзначити, що структурна класифікація є, як показав аналіз, найважливішою, оскільки вона зустрічається в усіх проаналізованих джерелах. Аналіз також показав, що структурна класифікація, як правило, супроводжується комунікативною класифікацією, а в окремих випадках й семантичною.

Наша стаття присвячена саме структурній класифікації простого речення, тобто класифікації речень за інвентарним складом (за наявністю членів речення)..

Актуальність дослідження зумовлена важливістю простого речення як центральної одиниці синтаксису та невирішеністю цілої низки проблем, пов'язаних з його класифікацією.

Метою статті є порівняльний аналіз структурних класифікацій простого речення за інвентарним складом, визначення точок перетину цих класифікацій та встановлення причин їх відмінностей між собою.

Найперше, що слід відзначити, це те, що далеко не всі проаналізовані класифікації мають чітку ієрархічну структуру. Деякі автори обмежуються переліком дихотомічних відношень у межах простого речення, не об'єднуючи їх в єдину систему. Подібні «класифікації» знаходимо у працях таких дослідників як М.Я. Блох, Б.С. Хаймович et al та А.М. Коваленко et al.

Останній автор виділяє найбільшу кількість ознак, за якими можна класифікувати просте речення. У його праці знаходимо **три** опозиції типів речення: *поширені – непоширені* речення, *повні – неповні*, а також *двоскладні – односкладні* [5, с. 104].

М.Я. Блох та Б.С. Хаймович et al обмежуються лише **двома** парами ознак речення – *поширені-непоширені* та *двоскладні-односкладні* [2, с. 297; 11, с. 241]. Що ж стосується такої опозиції як *повні-неповні* речення, на яку вказує А.М. Коваленко et al, то у праці М.Я. Блоха ця опозиція згадується лише мимохідь [2, с. 300]. Б.С. Хаймович et al, проте, поділ речень на повні та неповні взагалі не включає до своєї класифікації, на тій підставі, що він вважає еліпсис явищем суто мовленнєвого порядку. «Еліптичні речення, – стверджує цей автор, – є цілком повними на своїх належних місцях у мовленні» [11, с. 249].

Однак, більшість праць, все ж дають ієрархічні класифікації простого речення. Розглянемо ці класифікації детальніше. Першим, що впадає у вічі на початку їх аналізу, є те, що вони різняться між собою вже на першому етапі поділу, щодо принципу якого існують три точки зору.

Згідно з **першою** точкою зору, яка є найбільш розповсюдженою, прості речення поділяються на *двоскладні* та *односкладні*. Представники **другої** точки зору, починають свої класифікації з поділу речень на *предикативні* та *непредикативні*. Найменш представленою є **третья** точка зору, згідно з якою першим етапом класифікації простих речень є їх поділ на *нееліптичні* та *еліптичні*. Зупинимось на кожній точці зору окремо.

Перша точка зору представлена такими граматистами як Н.О. Кобріна et al, В.Л. Каушанська et al, С.І. Потапенко et al, Е.Я. Мороховська та Б.О. Ільїшем [4, с. 9; 13, с. 232; 8, с. 10; 7, с. 234; 3, с. 195] та ін. Ці дослідники, як було вже вказано вище, починають свої класифікації з поділу речень на *двоскладні* та *односкладні*. *Двоскладними*, вважаються речення, структурне ядро яких містить два головних члени – підмет та присудок, тоді як *односкладними* – речення, структурне ядро яких складається лише з одного головного члена. При цьому природа останнього трактується дослідниками по-різному. Одні автори, зокрема Н.О. Кобріна et al, В.Л. Каушанська et al та Б.О. Ільїш [4, с. 6; 13, с. 234; 3, с. 224] вважають, що головний член односкладного речення не є ані підметом, ані присудком, інші ж (їх меншість) трактують його як злиття підмета та присудка. Це такі мовознавці як Е.Я. Мороховська [7, с. 236] та С.І. Потапенко et al [8, с. 10]. Як бачимо, серед представників цієї точки зору, немає чіткого уявлення про те, що саме слід розуміти під головним членом односкладного речення та під односкладним реченням взагалі.

Аналіз теоретичних джерел також засвідчив, що у межах розглядуваної точки зору, класифікаційні дерева двоскладних речень суттєво різняться між собою, тоді як односкладних, попри різне трактування головного члена, фактично збігаються. А тому розглянемо класифікації двоскладних та односкладних речень окремо.

Зосередимось спочатку на порівняльному аналізі класифікацій двоскладних речень, як таких, що мають найбільше розбіжностей. Ці розбіжності виявляються зокрема у тому, що ці класифікаційні дерева у різних дослідників мають різний ступінь розгалуженості. Найкоротшою з них, як показав аналіз, є класифікація Б.О. Ільїша, який взагалі відмовляється від поділу двоскладних речень на різновиди. Інакше кажучи, класифікаційне дерево двоскладних речень у Б.О. Ільїша має лише одну гілку, яка одночасно є як початковою, так і кінцевою [3, с.195]. Дещо більш розгалуженою є класифікація Н.О. Кобріної et al – вона складається з двох гілок, тобто є двоступеневою [4, с. 9]. Переважна ж більшість класифікацій двоскладних речень зазвичай є триступневими.

Окресливши загальні контури двоскладових класифікацій, перейдемо до порівняльного аналізу кожної гілки цих класифікацій окремо.

Першим етапом поділу у більшості представників цієї групи є поділ двоскладних речень на *повні (нееліптичні)* та *неповні (нееліптичні)*. Цей погляд зустрічаємо у таких працях як граматики В.Л. Каушанської et al та Н.О. Кобріної et al [13, с. 220; 4, с. 9].

Дещо менш розповсюдженим є поділ двоскладних речень на першому етапі на *поширені* та *непоширені* (С.І. Потапенко et al [8, с. 10]).

Окремо слід виділити класифікацію Е.Я. Мороховської, перший етап поділу двоскладних речень у якій здійснюється на основі типу пропозиційного ядра, що лежить у основі речення [7, с. 238].

Цей підхід, на відміну від попередніх бінарних, дає 4 типи двоскладних речень: *речення з пропозиційним ядром NV*, *речення з пропозиційним ядром N is A*, *речення з пропозиційним ядром N is D*, та т. зв. *безособові речення з підметом it* [7, с. 241–242].

Свій відхід від традиційного поділу речень на повні та неповні Е.Я. Мороховська пояснює тим, що, «еліптичні речення неповні тільки за своєю формою, семантично ж вони є повними реченнями» [7, с. 156]. Це дає їй підставу вважати цю ознаку речення суто мовленнєвим явищем і не включати її до класифікації. Аналогічно трактується у її класифікації і опозиція поширене-непоширене речення.

Що ж стосується другого ступеня поділу двоскладних речень, то він (на відміну від попереднього, де ще можна знайти точки перетину) є різним в усіх розглянутих класифікаціях. Нагадаємо, що цей етап наявний лише у трьох розглянутих класифікаціях двоскладних речень, а саме у класифікаціях В.Л. Каушанської et al, С.І. Потапенко et al та Е.Я. Мороховської.

Так, В.Л. Каушанська et al далі поділяє повні та неповні двоскладні речення на *поширені* та *непоширені* [13, с. 224].

У класифікації ж С.І. Потапенко et al, подальшому поділу підлягають лише поширені двоскладні речення, які далі поділяються на *повні* та *неповні* [8, с. 10]. Порівнюючи обидві класифікації – В.Л. Каушанської et al та С.І. Потапенко et al бачимо, що перший та другий етапи поділу двоскладних речень у цих класифікаціях є, певною мірою, взаємооберненими.

Як вже відзначалося вище, класифікація Е.Я. Мороховської суттєво відрізняється від усіх інших класифікацій. Особливістю цієї класифікації є обраний дослідницею інший принцип поділу – поділ, як вже вказувалося вище, за типом пропозиційного ядра. Цей принцип було застосовано на першому етапі поділу двоскладних речень та перенесено на другий. Однак, подальшому поділу підлягає тільки один тип двоскладних речень – т.зв. *безособове речення з підметом it*. Ці речення поділяються на такі типи як *it-Vfin* та *it V-be – A* [7, с. 242].

Як бачимо, проаналізовані класифікаційні дерева мають багато розбіжностей. Ці розбіжності виявляються як по вертикалі (різна глибина класифікаційного дерева) так і по горизонталі (різні принципи поділу, різна ширина гілок). Як результат цього – різна кількість та якість типів двоскладних речень на виході. Амплітуда розбіжностей у кількості кінцевих типів речень коливається від 1 (Б.О. Ільш) до 5 (Е.Я. Мороховська). При цьому, у різних авторів, ці речення можуть належати до абсолютно різних, а іноді і прямо протилежних типів. Так, класифікація Б.О. Ільша дає на виході такий тип речень як двоскладні [3, с.195]. У Н.О. Кобріної et al цих типів 2 – повні та неповні двоскладні [4, с. 9]. Дещо більше типів – 3 – виділяє С.І. Потапенко et al. Це поширені повні та неповні речення та непоширені речення [8, с. 10]. У В.Л. Каушанської et al таких типів налічується аж чотири: повні поширені та непоширені та неповні поширені та непоширені [3, с.195; 13, с. 224]. Найбільше типів, як було вже вказано вище, виділяє Е.Я. Мороховська: речення типу NV, *N is A*, *N is D*, *it-Vfin* та *it V-be* [7, с. 241–242].

Закінчивши аналіз класифікації двоскладних речень, перейдемо до *односкладних*. Як вказувалося вище, у основі поділу односкладних речень, на відміну від двоскладних, лежить один принцип – частиномовний. Він полягає у поділі односкладних речень на типи у залежності від характеру частини мови, якою виражений головний член: іменного чи дієслівного. Цей принцип спостерігається у більшості розглянутих праць (В.Л. Каушанська et al Н.О. Кобріної et al, С.І. Потапенко et al, Е.Я. Мороховська та Б.О. Ільш [13, с. 224; 4, с. 7; 8, с. 10; 7, с. 235; 3, с. 251]). Невеличка різниця у поглядах, яка все ж таки спостерігається, зводиться до певного типу безособової форми дієслова, якою виражений головний член.

Так, В.Л. Каушанська et al та С.І. Потапенко et al вважають, що у реченнях дієслівного типу головний член виражається виключно інфінітивом, з огляду на що, усі односкладні речення поділяються ними на *іменні* та *інфінітивні* [10, с. 224; 7, с. 10]. На думку ж Е.Я. Мороховської, головний член дієслівного речення завжди набуває форми імператива, що дає цій дослідниці підставу класифікувати односкладні речення як *іменні* та *імперативні* [6, с. 235; 5, с. 106].

Що ж стосується Н.О. Кобріної et al, то вона, на першому етапі, поділяє односкладні речення на *іменні* та *дієслівні*. Форма, якої набуває дієслово, розкривається лише на наступному етапі поділу [4, с. 7].

Дотримуючись того ж самого принципу, Б.О. Ільш виділяє не два, як попередні автори, а три типи односкладного речення – *іменні*, *інфінітивні* та *імперативні*, залишаючи, до того ж, цей список відкритим [3, с. 251].

Що ж стосується глибини класифікаційних дерев, то у Б.О. Ільша та Е.Я. Мороховської класифікації односкладних речень є

одноступеневими, у той час як у працях В.Л. Каушанської et al, С.І. Потапенко et al та Н.О. Кобріної et al наявний ще один етап поділу.

В.Л. Каушанська et al та С.І. Потапенко et al далі поділяють іменні та дієслівні односкладні речення ще й на *поширені* та *непоширені* [13, с. 224; 8, с. 7].

Дещо особливою, на цьому етапі поділу, є позиція Н.О. Кобріної et al. Ця дослідниця поділяє на *поширені* та *непоширені* виключно іменні односкладні речення, тоді як дієслівні речення, за її переконанням, поділяються на *інфінітивні* та *герундіальні* [4, с. 9]. Як бачимо, Н.О. Кобріна et al використовує різні критерії поділу щодо іменних та дієслівних типів речення, що, звичайно, є порушенням формально-логічних вимог до класифікації, згідно з якими класифікація має на кожному етапі поділу мати єдину базу поділу.

Таким чином, амплітуда розбіжностей прикінцевих типів односкладних речень коливається від 2 (Е.Я. Мороховська) до 4 (В.Л. Каушанська et al, С.І. Потапенко et al та Н.О. Кобріна et al).

Перейдемо до розгляду **другої** точки зору, представники якої, як вже вказувалось вище, починають свої класифікації з поділу простих речень на *предикативні* та *непредикативні*. Цей підхід представлений, зокрема, у збірці «Структурний синтаксис англійської мови» та граматиці А.К. Корсакова [10, с. 168; 6], у яких, незважаючи на спільність термінів, під «предикативністю» розуміються різні речі.

Так, у першій праці, предикативність розуміється суто формально, як наявність у реченні особової форми дієслова [10, с. 168]. Звідси й поділ – на предикативні, у яких ця форма наявна, та непредикативні, у яких вона відсутня [10, с. 168].

А.К. Корсаков, на відміну від попередніх авторів, розуміє предикативність, як єдність форми та змісту. Під формою розуміється узгодження між підметом та присудком, а під змістом – конкретний елементарний процес [6].

Класифікації різняться між собою й обсягом явищ, які підпадають під поняття т.зв. «непредикативного речення». Це стосується, зокрема, таких випадків, як *You to come here!*, якими ілюструються непредикативні речення у першій праці [10, с. 165]. У теорії ж А.К. Корсакова, попри детальне вивчення цього явища його учнями [12, с. 125] та їх детальну класифікацію, жодного подібного випадку ми не знайшли. Отже, ці випадки, з незрозумілої для нас причини, залишилися поза межами його класифікації.

Цілком природно, що розбіжності у трактуванні предикативності не могли не позначитись на подальших етапах класифікацій, які містяться у розглядуваних працях.

Так, перша відмінність полягає у симетричності класифікації, наведеної у збірці «Структурний синтаксис англійської мови» та асиметричністю класифікації А.К. Корсакова. Під симетричністю, у цьому випадку слід розуміти паралельний поділ предикативних та

непредикативних речень на *двоскладні* та *односкладні*. На цьому, однак, симетричність поділу вичерпується, оскільки для предикативних речень цей етап класифікації є кінцевим, тоді як непредикативні речення мають ще один ступінь поділу – за частинами мови. Вони поділяються на *іменні, прислівникові, дієслівні та вигуківі* [10, с. 158]. Таким чином, ця класифікація дає 7 прикінцевих типів простого речення.

Як вже вказувалось, класифікація А.К. Корсакова є асиметричною, оскільки розвивається лише предикативне дерево, що ж стосується непредикативних речень, то вони структурно взагалі не класифікуються. А.К. Корсаков поділяє їх лише за семантикою.

Повернімося до класифікації предикативних речень і розглянемо її більш детально. Згідно з класифікацією А.К. Корсакова, предикативні речення поділяються на *еліптичні* та *нееліптичні*. Далі еліптичні речення поділяються за кількістю наявних у них головних членів на *двоскладні* та *односкладні*, у той час як нееліптичні речення є, за переконанням А.К. Корсакова, завжди двоскладними. Наступний етап поділу – це поділ за ознакою *поширеність–непоширеність*. Під цей поділ підпадають усі типи виділені на попередньому етапі. У результаті – отримуємо 6 прикінцевих типів предикативних речень.

Ще однією особливістю класифікації А.К. Корсакова та його школи є те, що він, порівняно з традиційним підходом, розширяє межі предикативного ядра речення, включаючи до присудка ще комплєменти, які мають 4 різновиди: об'єктний комплємент, суб'єктний комплємент (тобто предикатив), адвербіальний комплємент та дієслівний комплємент. Усі ці комплєменти, згідно з його теорією, є обов'язковими компонентами структури предикації, а саме – присудка [6].

Що ж стосується *непредикативних* речень, то їх семантичний перелік є досить розгорнутим: *вітання, вигуки, посилення на об'єкт думки (object-of-thought reference)* та ін.

Як бачимо, серед розглянутих класифікацій, класифікація А.К. Корсакова є найбільш розгалуженою. Перевагою її перед іншими класифікаціями є те, що вона спирається на досить обґрунтовану синтаксичну теорію автора. Окрім цього, у частині предикативних речень, ця класифікація є досить стрункою і послідовною.

Третя точка зору представлена єдиною з проаналізованих праць, а саме граматиною Л.С. Бархударова [1, с. 176]. Особливість цієї класифікації полягає у тому, що її основною базою поділу є поділ речень за ознакою *еліптичність–нееліптичність*. При цьому нееліптичні речення подальшому поділові не підлягають, тоді як еліптичні поділяються ще на *синтагматично відновлювані* та *парадигматично відновлювані*. На цьому поділ еліптичних речень завершується [1, с. 180]. Отже, ця класифікація дає усього три прикінцевих типи речення і за ступенем глибини є двоступеневою, тобто однією з найкоротших розглянутих класифікацій.

Підсумовуючи вищезгадане, відзначимо, що у класифікаціях простого речення існує багато розбіжностей та суперечностей. Причиною цього можна вважати відсутність чіткого розуміння дослідниками природи простого речення та його властивостей. Ми переконані, що це ті основні напрямки, у яких повинно йти дослідження цього складного синтаксичного явища.

Література

1. Бархударов Л.С. Строй простого предложения современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1966. – 442 с. **2. Блох М.Я.** Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 423 с. **3. Ильиш Б.А.** Строй современного английского языка. – Л.: Просвещение, Лен.отд., 1971. – 366 с. **4. Кобрин Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А.** Грамматика английского языка: синтаксис: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1986. – 158 с. **5. Коваленко А.М., Павлов В.В.** Теоретичні основи граматики сучасної англійської мови. – Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка. – 148 с. **6. Корсаков А.К.** Синтаксис. Рукопись. – Одесса, 1982 **7. Мореховская Э.Я.** Основы английской грамматики. – М.: Высш. шк., 1984. – 288 с. **8. Потапенко С.І., Харитонов І.К.** Сучасний англійський синтаксис. Теорія і практика. – Ніжин, 2003. – 106 с. **9. Почепцов Г.Г.** Предложение // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 164 – 185. **10. Структурный синтаксис английского языка /** Под ред. Л.Л. Иофик. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976. – 176 с. **11. Хаймович Б.С., Роговская Б.И.** Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высш. шк., 1967. – 297 с. **12. Чумаков А.Н.** Грамматический статус и употребление простых предложений и их компонентов в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Одесса, 1989. – 159 с. **13. Kaushanskaya V.L.** A Grammar of the English Language. – М., 2000. – 320 p.

Статья посвящена сравнительному анализу структурных классификаций простого предложения в современном английском языке, а именно классификаций простых предложений по инвентарным составляющим. При этом ставилась цель выявить точки пересечения этих классификаций и причины их отличий между собой.

Ключевые слова: классификация, структурный аспект, простое предложение, член предложения, тип предложения.

Статья посвящена порівняльному аналізу структурних класифікацій простого речення у сучасній англійській мові, а саме класифікацій речень за інвентарним складом. При цьому була поставлена мета виявити точки перетину цих класифікацій та причини відмінностей між ними.

Ключові слова: класифікація, структурний аспект, просте речення, член речення, тип речення.

The article is dedicated to the comparative analysis of the structural classifications of the simple sentence in contemporary English language, namely the sentence member inventory classifications. The goal of the article was to trace the similarities and differences between these classifications.

Key words: classification, structural aspect, simple sentence, member of the sentence, sentence type.

УДК 811.161.1'374+811.111'374

З. Ю. Балакина

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ КОНЦЕПТОВ ЭМОЦИЙ ПРИ СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ МАТЕРИАЛА СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В исследовании концепта немаловажную роль играет лингвокультурологический анализ в русле лексикографии. В сопоставительных исследованиях русского и иностранных языков лингвокультурология представляет одну из активно изучаемых областей знания. По мнению В.И. Карасика, категории лингвокультурологии формируются на базе осмысления этносоциокультурных особенностей языкового сознания и речевого поведения носителей той/иной лингвокультуры при ее *сопоставлении* с другими лингвокультурами» (курсив наш. – З. Б.) [6, с. 4.]. Такого же мнения придерживается Г.Д. Гачев, считающий, что национальное следует искать в сопоставлении разных языковых картин мира [4, с. 50].

В данной статье мы попытаемся выявить общее и национально специфичное в концептах эмоций (ЭК) на материале словарных статей в русском и английском языках. Анализируя материалы словарной статьи, мы можем предположить наличие некоторых характеристик (доминант), которые могут вмещать в себя некоторые свойства русской и английской культур. Сопоставительный анализ словарных статей, в особенности их иллюстративных частей, зафиксированных в разноязычных толковых словарях, позволяет выявить этнокультурную специфику ценностно-образных компонентов того или иного концепта. Другими словами, посредством анализа словарных статей можно установить особенности этнического менталитета, его характера, темперамента, жизненных установок.

Изучение словарных статей к словам, номинирующим эмоции «страх – fear», «гнев – anger», «печаль – sadness», «радость – joy», позволило обнаружить, что и в английской, и русской языковых картинах мира часто присутствуют совпадающие лингвокультурные

характеристики указанных выше концептов; в то же время наблюдается и проявление национально-культурной специфики, имеющей различные формы проявления.

В двух лингвокультурах страх переживается как незащищенность, неуверенность, чувство опасности и надвигающегося несчастья, как угроза своей жизни, своему здоровью, своему психологическому «Я». Ассоциативно-образные представления концептов группы «fear – страх» имеют следующие общие признаки:

1. Страх влечет за собой соматические изменения внешности человека. Одним из наиболее характерных симптомов страха является дрожание всех мышц тела. Когда страх возрастает до агонии ужаса, то происходят следующие эмоциональные реакции: сердце бьется совершенно беспорядочно, останавливается, лицо становится бледным; дыхание затрудняется и т.д. (*to shake in one's boots; лицо побелело от страха*).

2. Страх может ассоциироваться со смертью (*to frighten someone to death; умирать от страха; под страхом смерти*).

3. В состоянии страха организм человека испытывает те же ощущения, что и при холоде (*to grow cold with fear; леденеть от страха; кровь в жилах стынет*). Ю.Д. Апресян, рассматривая языковые средства, при помощи которых выражаются различные эмоции, отмечает, что внешние симптомы многих эмоций сходны с симптомами различных биологических ощущений. Так, по словам ученого, «реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод» [1, с. 459]. Например, как от страха, так и от холода можно дрожать, цепенеть, онеметь. Об этом же писал исследователь Б.А. Ларин, который указывал на связь слов, обозначающих нравственный дискомфорт человека, и лексем с семантикой холода [7, с. 154].

4. Страх – пассивно оборонительная реакция. Он указывает на опасность, исходящую от кого-то более сильного, на опасность, которую нужно избежать, от которой надо устраниваться, т.е. страх может провоцировать человека на какое-либо действие (*The people ran from the enemy in terror, «Задавши страху дерзновенным, пошел я храбро»*).

5. Человекоподобное проявление страха наблюдается и в русской, и в английской лингвокультурах (*наводит страх; fear sees danger everywhere*).

6. Различные градации страха выражаются по-разному: *ужас, паника, боязнь, тревожность, боязливое ожидание, запуганность, забитость*. Вышеуказанные эмоции мы находим в семантической группе «интенсивность переживания страха» (*that dog gave me a terrible fright; панический страх; панический ужас*).

Материал показывает, что слова, номинирующие страх в английском и русском языках, метафоризируются. Переживание страха выражается часто антропоморфной и натурморфной метафорами (сравнение действий этого чувства с действиями человека, напр., *страх*

может обнять, напасть на человека, *fear took his breath away* и т.п.; сравнение данного чувства с природными явлениями, в частности холодом – *to grow cold with fear*; *леденеть от страха*; *кровь в жилах стынет* и т.п.). Переживание страха ведет к соматическим изменениям состояния человека (*дрожать от страха, to shake in one's boots* и т.п.).

В русских лексикографических источниках указан такой признак, как корреляция страха с душой (*душа в пятки ушла; вселять страх в чью-то душу; душа леденеет от страха – страх обуяет, и растеряешься*). О сильно испугавшемся человеке говорят, что у него *душа ушла в пятки*. О сильно встревоженном человеке говорят, что у него *душа не на месте*. Этот лингвистический факт объясняется тем, что «центральное положение в русской языковой картине мира занимает душа, которая соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального» [8, с. 19]. Душа человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств [2, с. 25]. А. Вежбицкая подчеркивает принципиальные различия между русской и англо-саксонской психологией: если в русском языке в контрастивную пару со словом *тело* входит слово *душа*, то в англоязычном мире *тело* обычно контрастирует с сознанием (*mind*)... [Там же, с. 22].

Только в русском языке представлены такие семантические группы, как «инстинктивность переживания страха» (*инстинктивный, животный страх*) и «суеверность страха» (*судеверный ужас*).

Анализ русскоязычных и англоязычных иллюстративных примеров номинантов эмоций «гнев – *anger*» позволяют выявить как сходства, так и отличия в семантических группах. И в русском, и в английском языках гнев у человека проявляется соматически: у разгневанного человека краснеет или багровеет лицо, иногда оно становится бледным, рот крепко сжат, зубы стиснуты и скрежещут, появляется дрожь, тембр голоса повышается и т.д. («Вздурился Лев ... в ярости скрежещет зубами» (Крылов); *His face turned red with rage; He gritted his teeth in anger*).

Гнев может проявляться в действиях человека (*to vent/wreak one's anger on smb.*; «Его ярости не было границ. Он с бешенством толкнул ногой бак» (Н. Островский)); возникать с указанием/без указания его продуцента (*вызывать гнев; to fly /to get/ into a rage*); в гневе человек может потерять над собой контроль (*срывать на ком-л. гнев; he found it hard to contain (=control) his anger*).

В сравниваемых языках мы также наблюдаем такие общие семантические группы, как: «градация эмоции» (*быть в крайнем возмущении; unbridled anger*); «полнота переживания эмоций» (*полный ярости; deep anger*); «иррациональность переживания эмоции» (*гнев – плохой советчик; blind anger*); «исчезновение эмоции» (*где гнев, там и милость; his anger soon passed*).

Исходя из иллюстративных примеров, можно заключить, что гнев в обеих лингвокультурах может ассоциироваться:

1) со взрывчатым веществом (*она была готова взорваться от гнева; to explode in anger*). Это объясняется тем, что разгневанному человеку может казаться, что он взорвется, если не сможет выплеснуть свой гнев наружу;

2) с огнем (*в порыве (в пылу) гнева; распаляться гневом; flushed with ire; his soul is seething with anger*). Возможно, это связано с физиологическими изменениями в организме человека (повышение давления и температуры тела), испытывающего гнев;

3) с жидкостью (*изливать свой гнев; to vent one's anger*). В состоянии гнева человек испытывает сильное напряжение, его мышцы напрягаются, кровь “кипит”.

М.К. Голованивская делает наблюдение, что гнев в русском языке имеет образные ассоциации с диким зверем (*укротить гнев, обуздать гнев*); с сильным теплом или светом, пламенем (*закипеть от гнева, побагроветь от гнева*); с жидкостью (*излить, выплеснуть свой гнев*) [5, с. 235–236]. В исследовании Дж. Лакоффа и З. Кевечеса мы также находим основные метонимии: гнев – это температура тела, внутреннее давление, покраснение лица и шеи, волнение, нарушение точности восприятия. Отсюда возникают две метафоры: гнев – это жар или жидкость в сосуде [9, с. 217].

Данные ассоциации обнаружены нами в вышеуказанных семантических группах не только в русском, но и в английском языке.

В английских лексикографических источниках эмоция гнева представлена более полно, на что указывает количество семантических групп и иллюстративных примеров. Также следует обратить внимание на то, что в русском языке по сравнению с английским не указывается на необходимость контроля и преодоления эмоции гнева; не говорится ничего и о способах избавления от него. В английском языке семантическая группа «необходимость контроля человеком за переживаниями гнева» представлена довольно полно (*to hide/dissemble one's anger; to repress/swallow one's anger; to contain one's indignation*); менее широко представлена группа «способы избавления от гнева» (*«The best way to escape His ire/Is, not to seem too happy» (Robert Browning)*).

Эти языковые факты согласуются с суждениями А. Вежбицкой о том, что англо-саксонской культуре присущи «приглушенные и контролируемые эмоции», стремление к сдержанности и подавлению негативных эмоций, в то время как в русской культуре человек не всегда умеет контролировать и сдерживать свои чувства, для русского народа характерны импульсивность, экспрессивная эмоциональность и открытость чувств. Самоконтроль занимает у англичанина центральное место, англичанам не свойственно отдаваться чувствам [2, с. 43].

Ассоциативно-образные представления концептов группы «печаль – sadness» имеют следующие общие признаки:

1. В двух сопоставляемых языках представлена семантическая группа «соматическое выражение эмоций» (*тоска в глазах; горе оставило глубокие следы на его лице; his face is seamed with sorrow*).

2. Следующая семантическая группа, представленная в обоих языках, это «печаль – боль в сердце» (*тоска сжимает, давит, теснит сердце, душу, грудь; «Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска» (Чехов); he is sick at heart*). Эта группа широко представлена в русском языке, так как душа и сердце являются вместилищем эмоций. Понятие души русского человека тесно связано с понятием сердца. Эти понятия являются, как отмечают многие ученые, спецификой русской ментальности.

3. В русско- и англоязычном материале имеет место семантическая группа «печаль – это смерть» (*смертельная, смертная тоска; с тоски, от тоски пропасть, умереть; mortal agony; to die of grief*). Примечательно, что в отличие от страха, не осознаваемого разумом, печаль чаще всего осознана и часто является чувством приятным, которое возникает у человека при духовном осмыслении самого себя и окружающего мира. Именно поэтому среди общих семантических групп мы обнаруживаем группу «отрицательная/положительная знаковость эмоции» (*сладкая тоска; «Nor was Mr. Bumble's gloom the only thing calculated to awaken a pleasing melancholy in the bosom of a spectator» (Ch. Dickens «Oliver Twist»)*).

4. В английском и русском языках мы выделили также семантические группы: «градация эмоций печали» (*шумная радость — тихая грусть; тихая печаль; great, enormous, bitter grief; I felt a deep sadness*); «поглощение человека эмоцией» (*«Князь печально отвечает: “Грусть-тоска меня съедает”» (Пушкин); «But the three in the car were joyless and dispirited, some melancholy had grown upon them» (A. Coppard)*); «переживание эмоции с указанием/без указания их продуцента» (*наводит печаль, предаваться грусти, унынию; to feel or express sorrow*).

5. Эмоция печали ассоциируется с тяжелым грузом, ношей (*«Пала грусть-тоска тяжелая / на кручинную головушку» (Кольцов); his heart is heavy*).

Таким образом, мы можем констатировать, что в русском языке репрезентация ЭК «печаль» более полная, чем в английском. Мы обнаружили следующие семантические группы, которые не наблюдаются в англоязычном материале: «противопоставление печали радости», «человекоподобное действие эмоции», «скрытая форма переживания печали». По нашему мнению, важным культурологическим фактом являются понятия, представленные в семантической группе «цветовая характеристика эмоции» (*тоска зелёная; «темное уныние» (Горький)*). Не менее релевантна группа «причины появления эмоции» в

русском языке (*грусть о доме, о родных; тоска по родине обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительной лихорадкой; мать по сыну, а жена по мужу тоскует*). Наличие данной семантической группы – это свидетельство такой особенности русского менталитета, как национальная гордость и любовь к родине, родным.

В английских словарных статьях мы выявили такую семантическую группу, которая не находит отражения в русскоязычном материале – «способ избавления от отрицательной эмоции». Можно предположить, что эта семантическая группа имеет место в лексикографическом материале английского языка по той причине, что одним из важнейших признаков английской лингвокультуры является умение человека подавлять внешние выражения своих эмоций, не выражать их открыто, а также высокий уровень самоконтроля своего поведения, что заставляет представителей данной культуры искать способы преодоления такой эмоции, как печаль.

Сопоставив иллюстративные части английских и русских словарных статей, мы видим, что эмоция радости имеет ярко выраженную положительную знаковую направленность.

Следует отметить, что по сравнению с другими базисными ЭК *радость* и его английский эквивалент *joy* в обоих языках образуют более значительные смысловые сходства, что выражается в совпадении семантических групп.

В русском и в английском языках эмоция радости может выражаться соматически (*her eyes sparkled with joy; радость светится в глазах*). Следующие семантические группы также представлены в обоих языках: «градация эмоций радости» (*great joy; «Воспоминание об этом времени разливало тихую радость в душе моей» (Аксаков)*); «временность переживания радости» (*«Радости для меня миновались» (Гончаров); all joy passed out of my life when I heard the terrible news*); «проявление эмоции в действиях человека» (*to jump for joy; вне себя от радости*); «положительная знаковость эмоции» (*отрада для души; what joy / delight*); «пребывание в состоянии положительных переживаний с указанием/без указания их каузатора» (*испытывать, доставить, радость; to feel joy*); «противопоставление радости негативным переживаниям» (*he has been a good friend both in joy and sorrow; радости и горести жизни*).

Следующая семантическая группа «локализация эмоции радости (сердце, душа)» (*her heart sang for joy; сердце дрожит от восторга, сердце запрыгало от восторга, отрада для души*).

В русских иллюстративных примерах мы наблюдаем употребление лексем *сердце* и *душа*, которые позволяют увидеть сущность этнического сознания, специфику русской картины мира. В английском языке лишь эмоция радости связана с понятиями «сердце» и «душа», тогда как наличие такой семантической группы при описании остальных базовых эмоций не наблюдается.

Рассмотрев иллюстративную часть словарной статьи групп номинантов эмоций «страх – fear», «гнев – anger», «печаль – sadness», «радость – joy», мы обнаружили, что в русской и английской языковых картинах мира в целом наблюдаются часто совпадающие, общие характеристики указанных концептов. Однако, как и ожидалось, ЭК, описанные в словарных статьях, обладают определенной этнокультурной спецификой в сопоставляемых нами лингвокультурах.

Во-первых, обращает на себя внимание четко выраженная корреляция русских ЭК (в особенности, концепта «печаль») и эксплицируемых в них синонимами к одноименным словам с понятиями «душа» и «сердце». Языковые примеры, в том числе и художественные, размещенные в соответствующих словарных статьях, со всей очевидностью показывают место нахождения и переживания отмеченной эмоции.

В английской языковой картине мира в отличие от русской только концепт «joy» обнаруживает фрагментарную корреляцию с понятиями души и сердца.

Во-вторых, семантическая группа «причины возникновения эмоции» в русском языке включает в себя активно используемые в разных лексикографических справочниках словосочетания «тоска по родине», «тоска по дому», «тоска по родным». Подобные словосочетания в английских источниках не имеют места. Этот языковой факт мы объясняем особенностями русского национального менталитета, а именно гордостью и любовью русских к родине и родным.

В-третьих, материал словарных разноязычных статей показывает, что в английской (и, вероятно, в целом в британской) лингвокультуре не приветствуется публичное выражение эмоций. В английском социуме поощряется сдерживание эмоций, умение их контролировать. Не случайно в проанализированном нами материале называются способы преодоления переживания отрицательных эмоций. В русском же социуме, как наглядно показывает материал, не порицается открытое выражение чувств. В русском языке по сравнению с английским не указана необходимость контроля и преодоления этой эмоции, а также не предлагаются способы его преодоления и профилактики.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – Том I. – 472 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 146 с.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. – М.: Сов. писатель, 1988. – 445 с.
5. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка (контрастивный анализ лексических групп со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии»),

«основные мыслительные категории», «базовые эмоции»). – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 279 с. **6. Карасик В.И.** О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–11. **7. Ларин Б.А.** Из славяно-балтийских лексикологических представлений. – Вестник ЛГУ. 1958. – №14. – С. 150–158. **8. Шмелев А.Д.** Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с. **9. Lakoff G. & Kövecses, Z.** The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 195–221.

Лексикографические источники

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Рус. яз., 1998. – 768 с. **2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.** Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35000 слов. – М.: Рус. яз., 1990. – 704 с. **3. Ожегов С.И.** Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 892 с. **4. Cambridge International Dictionary of English / Ed.-in-Chief P. Procter.** Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – XVII, 1773 p. **5. Collins Cobuild English Language Dictionary. 1st Edition / Ed. in Chief J. Sinclair,** London: Harper Collins Publishers, 1987. – XXIV, 1703 p. **6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 4th Edition / Ed. A.S. Hornby, Chief Ed. A.P. Cowie.** Oxford: Oxford University Press, 1989. – XIX, 1580 p.

В предлагаемой читателю статье обсуждается проблема изучения концептов культуры. Анализ художественных примеров, входящих в словарные статьи, позволяет обнаружить этнокультурную специфику английских и русских эмоциональных концептов, являющихся важным фрагментом национальных концептосфер.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, словарная статья.

У дослідженні концепта (емоційного концепта) важливу роль відіграє лінгвокультурологічний аналіз у руслі лексикографії, бо лінгвокультурна специфіка емоційних концептів при лексикографічному аналізі англійських і російських джерел недостатньо вивчена.

Ключові слова: концепт, емоційний концепт, словникова стаття.

The article is devoted to the emotional concept, that sometimes has difficulties in lexicographic explanation. The representation of the emotional concept and the analysis of its entry in English and Russian explanatory dictionaries allow to single out the system of cultural values of the people who speak the language.

Key words: concept, emotional concept, entry.

УДК 371. 13

L. A. Bekresheva

TALENTED AND GIFTED CHILDREN AS PEDAGOGICAL CATEGORY

Presentation of the problem in general and its connection with the scientific tasks. We live in the epoch of revolutions, one of which is the revolution in the sphere of education. We are looking for the new paradigm of education oriented to the development of people's potential. While speaking of traditional education in Ukraine we say that this system is good for some pupils and is bad for other ones. Our children are too different, but the problem is, that we see mixed classes with many successful and fully disable pupils, and the teacher has to manage to teach everybody in class within the same school program and the same course of the definite subject. While problematic pupils are often in the centre of teachers' attention the successful ones fall out it. However, talented youth is one of the categories that needs special care not less than the problematic one. In ideal school must find out the talented children and help them to develop their abilities. But in fact too little can be done in school practice today. There aren't many variants of programs for teaching of talented pupils, no conditions to apply those programs in today's school system even if they were and no reliable tests to distinguish the pupils who can be called the "talented ones" to be recommended to study under those special programs.

The analysis of the recent publications on the problem. There aren't many publications on the problem of gifted and talented children whether in foreign or domestic scientific literature. Ukrainian scientists focused their attention on the problem just with the adopting of The Law about Education and the State Program of Education in the XXI Century, where it was paid some attention to that category of youth. Most foreign scientists paid more attention to high intellect studying than to the category of talent studying. However we took into account the publications of G.R. Lefrancois, E.P. Torrance, D.A. Sisk, S. Wilks, O.M. Mikitiuk, V.O. Solovyov, L.S. Vygotsky and others.

The denoting out of unsettled parts of the problem. Nobody argues the slogan about the development of pupils' abilities at school, but nobody knows how to manage with the pupils having extraordinary abilities within the average school. The first recommendation the parents of an extraordinary pupil can hear from the teachers of him is: to send a child to the specialized school. But not every Ukrainian family can afford teaching its child at the specialized school, and even if it is done it can't guarantee a successful studying a talented child with those pupils maybe of a bit higher level of intellect, but not with extraordinary abilities. The next question is: how the parents can be sure their child is really a talented one, i.e. if there is a methodology of distinguishing the children with extraordinary abilities. This aspect of the problem hasn't been examined yet. There is not even a clear definition of the terms «talent» and «gift» in modern Pedagogy.

The aim of the article. The author would like to suggest some thoughts on the problem of definition of talent and gift and on the ways of identifying extraordinary children worth of the title of talented ones.

The research of the problem. The mankind pays much attention to the problem of development of people's specific abilities recently. Politicians and teachers speak of the need to grow up more creative pupils in order they could change the planet to best. But the problem is that the sphere of bringing up active, creative, industrious people isn't studied well. Creativeness, gift, talent – these abstract characteristics have no exact definition and the definite parameters to be measured in a person. They are desirable to be seen in our pupils but mostly in theory. In practice we often hear from teachers that extraordinary pupils are mostly destructive elements in class being eccentrics, revolutionists, and almost crazy ones. Those pupils are often «responsible» for disorder in class. Sometimes they are too self-directed and depressed. In many cases teachers don't know what to do with gifted pupils trying to make them follow the rules and traditions in order to be the same as the most of ordinary children [1, p. 74].

Pedagogy not always distinguishes talent and gift successfully. Even the definition of «**talent**» isn't clear enough. Some psychologists speak of **talent** as of the high intellect or as of the ability of fast learning any facts or actions, some others define **talent** as extraordinary ability to specific activity, for example, music or mathematics. Here we have the muddle of two psychic categories of **talent** and **gift**. Extraordinary people don't always possess both of them. As some American psychologists think (Feldman, Steptoe), **gift** can be seen in more high speed and result of the activity a person is involved into. Thus, if a person is suggested different activities the **gifted** one will be good at most of them. **Talent** is a brilliant but narrow ability in the specific field of activity. Therefore, a **talented** person is not always good at different fields of activity [2, p. 154–161] Genius Pushkin wasn't good at mathematics, but nobody doubts in his talent of writer.

Surely gifted children are often the talented ones, and as the difference between these two categories isn't clear enough, modern Pedagogy uses the term the «**talented and gifted children**» for the category of extraordinary children who need special educational service because of their unusual abilities.

Talented and gifted pupils are identified as those to achieve high results in studying due to their extraordinary abilities. Those abilities include:

- general intellectual ability;
- specific academic gift;
- the ability to creative thinking;
- the ability to leadership;
- the ability in the specific field of arts (music, drawing etc.)

The distinguishing of gifted and talented children is usually made on the basis of intellect tests, but it's evident that it can't be reliable way. There are too many examples of inexact valuing of a child's IQ in school practice.

Besides some important qualities denoting talent and gift (**creativeness, the ability to leadership, high motivation to the activity, and persistence in finishing the task in every case**) can't be seen through testing of intellect only. As many scientists agree talented and gifted children are good at all the above mentioned characteristics [3, p. 235–244]. But teachers have noticed that talented children not always demonstrate brilliant academic marks, but their ideas are mostly fresh and extravagant. So, another effort of distinguishing the talented and gifted pupils became testing on creativeness which was firstly suggested by J.P. Guilford in 1950. Then his tests were substantively improved by Torrance E.P. and became very popular in the United States of America in the late 1960th. Europe adopted tests on creativeness much later. Ukraine isn't still ready for that work in mass scale so many gifted and talented pupils don't achieve the results they could potentially. Firstly they are bored with too simple tasks for them within the average classes. Secondly they loose motivation being pressed by the mark which values only simple reproduction of the facts studied, but not the new hypotheses and fresh ideas. Thirdly they don't have the opportunities to apply their knowledge to show their potential. So, the category of talented and gifted children waits for the reforming of the school system in our country with much impatience. The growing network of new types of specialized schools and of out-school teaching institutions is the ray of hope for talented children. For example, talented children could realize their curiosity in the scientific research in Junior Academy of Science of Ukraine under the personal guidance of the experienced pedagogue. In such way they would see the aim of studying facts and practical application of their abilities.

The conclusion and prospects of further research. As we can see, the talented and gifted children constitute the specific pedagogic category that needs scientific studying and teachers' attention. The problem of distinguishing talented children and of creation special programs for their teaching is still waiting for its solving in Ukraine.

Bibliography

- 1. Gould S.J.** The mismeasure of man. – NY: Norton, 1981.
- 2. Marland S.P.** Education of the gifted and talented. – Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1972.
- 3. Лефрансуа Ги.** Прикладная педагогическая психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.
- 4. Torrance E.P.** Guiding creative talent. Englewood Cliffs. – NJ: Prentice-Hall, 1966.

В статье рассматривается понятие талантливости и одаренности учеников и некоторые подходы к выявлению талантливых и одаренных детей в школьном коллективе.

Ключевые слова: талант, одаренность, способность, IQ, лидерство, мотивация.

У статті розглядається поняття талановитості і обдарованості учнів та деякі підходи до виявлення талановитих та обдарованих дітей у шкільному колективі.

Ключові слова: талант, обдарованість, здатність, IQ, лідерство, мотивація.

The article deals with the definition of talent and gift of pupils and with some approaches to distinguishing the talented and the gifted children at school.

Key words: talent, gift, creativeness, ability, IQ, leadership, motivation.

УДК 811.112.2:378

Л. Г. Васильева, Л. Г. Сура

МЕТОД ПРОЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В последние годы многие преподаватели все чаще применяют в своей практике методику обучения в сотрудничестве, частью которой является метод проектов. Суть такого метода заключается в достижении дидактических целей путём проработки конкретной проблемы или задачи, которая требует исследовательского поиска, активизирует познавательную деятельность учащихся.

По предмету «Иностранный язык» метод проектов может использоваться практически по любой теме. Главное – это сформулировать проблему или задачу, над которой учащиеся будут трудиться в процессе работы. Методика проектов предусматривает соблюдение основных требований к их проведению, знание типологии проектов и т.д.

Практически любой проект обретает совершенно иные краски, если в процессе работы над ним используются материалы, заимствованные из Интернета. Учитель может находить различную информацию в сети по проблеме, которая подлежит обсуждению или исследованию. Предлагая подобные материалы учащимся, учитель может поставить задачу – отобрать подходящую для обсуждаемой проблемы информацию, согласиться с ней, принять к сведению в работе над проектом, либо, напротив, оспорить её, разумеется, аргументировано, для чего также необходимы факты, информация. Материалы могут также подбирать и сами учащиеся, которые достаточно грамотно пользуются сетью.

При работе над проектом задействуются самые разнообразные возможности и ресурсы сети Интернет. Поиск нужной информации приводит участников проекта в виртуальные библиотеки, виртуальные кафе и музеи, на различные информационные и образовательные серверы. Участники работы над проектом заняты исследованием, соответственно, поиском, сбором необходимой информации, её обсуждением между собой и с партнерами. В данном случае язык выступает в своей прямой функции – средства формирования и формулирования мыслей. Происходит настоящее погружение не только в исследуемую проблему, но и в саму иноязычную деятельность.

Исследуемая проблема может быть какой угодно: экологической, политической, исторической, страноведческой, и т.д. Главное, что она исследуется, обсуждается участниками проекта на иностранном языке, принятом для общения в данном сообществе участников. Необходимость подготовки совместного продукта того или иного проекта, представляемого каждым участником в своей аудитории или на специально созданных для этой цели Web-страницах сети Интернет, требует обращения к текстовым и графическим редакторам, применению различных сетевых программ, т.е. мультимедийные средства. Таким образом, проект становится междисциплинарным.

В качестве примера приведём один из возможных вариантов проекта и его использование в практике обучения иностранному языку. Данный проект «Die Ukraine entdecken: Unterwegs zwischen den Karpaten und dem Schwarzen Meer» задуман в рамках предмета «Второй иностранный язык» учащимися философского факультета, которые овладевают специальностью «Туризм и отельное хозяйство». Их интерес к созданию подобного турпродукта связан прежде всего с тем, что в настоящее время большое внимание уделяется организации отдыха и туризма граждан Украины и зарубежных гостей. Появилось стремление соответствующих организаций способствовать формированию новой жизни украинского социума, обогащению этой жизни яркими впечатлениями, незабываемыми событиями. Бесспорно, что одним из самых эффективных видов отдыха является общение с природой, путешествия, знакомство с материальной и духовной культурой разных стран и народов мира. Туризм в Украине – одна из ведущих отраслей экономики, проявляющая заботу об отдыхе граждан, удовлетворении их разнообразных интересов. Разнообразные туры и экскурсии предлагают туристам около 3 тысяч туристических фирм Украины, в которых работает более 100 тысяч человек. Сегодня Украина может принять в целом за год около 10 миллионов иностранных туристов.

Учащиеся туристической лаборатории «Туристическая фирма “СНУ-ТУР”» решили представить материалы на немецком языке о малоизвестных культурных центрах Украины. Этот проект предусматривает применение определенных знаний в области истории, культуры и природы нашей страны.

Тип проекта – исследовательский, с информационным и мультимедийным модулями.

Осуществление проекта преследует разнообразные цели.

Общеобразовательная цель:

- повторение всех изученных грамматических и лексических явлений немецкого языка;
- повышение качества обучения студентов специальности «Туризм и отельное хозяйство».

Развивающая цель:

- развитие логического мышления, способности к анализу и обобщению изученных явлений;
- развитие навыков работы с большими объемами информации;
- повышение мотивации изучения иностранного языка.

Воспитательная цель:

- формирование у студентов таких качеств как целенаправленность, внимание, самостоятельность;
- способствование профессиональному становлению студентов, формирование у них стремления к овладению выбранной профессией;

Основной задачей, которая стоит перед студентами в процессе работы над проектом, является разработка мультимедийных презентаций городов Украины. Информация этих презентаций должна привлечь внимание зарубежных гостей к таким малопосещаемым городам с интересным культурным наследием, как Луцк, Черновцы, Полтава и другие.

Проект предусматривает несколько этапов. Вначале студенты намечают ориентировочные темы, то есть выбирают города для будущих презентаций. Затем происходит подбор и изучение материалов (на немецком, русском и украинском языках из разных источников). На основе собранного материала каждый студент должен создать текстовое поле своей презентации на немецком языке. Вся работа с языковым материалом и дополнительной литературой проводится студентами самостоятельно. После завершения работы с текстом презентации производится оформление слайд-шоу, сопровождающего его.

Информационное поле презентации может быть предъявлено работниками турбизнеса в различных ситуациях в качестве буклетов, брошюр, а также использовано при создании маршрутных книжек гидов-переводчиков.

Таким образом, используя информационные ресурсы сети Интернет, учитель может, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач:

- совершенствовать умения монологического высказывания учащихся на основе материалов сети;
- совершенствовать умения письменной речи учащихся при подготовке рефератов, сообщений и т.п.;
- пополнять словарный запас учащихся лексикой современного иностранного языка, отражающего определенный этап развития культуры народа;
- знакомить со страноведческими материалами, включающими особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся;
- путём расширения возможностей наглядного предъявления языкового материала способствовать лучшему его усвоению.

В статье рассматривается вопрос применения метода проекта в процессе преподавания тем страноведческого характера. Речь идет о возможностях использования ресурсов сети Интернет в создании мультимедийных проектов.

Ключевые слова: метод проекта, туризм, межкультурное общение, иностранные языки.

У статті розглядається питання з використання методу проекту в процесі викладання тем країнознавчого характеру. Мова йде про застосування ресурсів мережі Інтернет у створенні мультимедійних проектів.

Ключові слова: метод проекту, туризм, міжкультурне навчання, іноземні мови.

The question of applying a project method in teaching of country study topics is regarded in the article.

It deals with the opportunity of Internet use in making multimedia projects.

Key words: method of project, intercultural teaching, foreign languages.

УДК 811

Є. Б. Волошина

ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ КОНВЕРТОВАНИХ ОДИНИЦЬ

У багатьох мовах процес утворення нового слова можна поєднати із його переходом з однієї частини мови в іншу. Цей вид словотворення є одним із головних джерел поповнення мовної лексики і зумовлений тісним взаємозв'язком частин мови, їх розвитком, рухомістю [1, с. 3]. Вперше це явище стало предметом дослідження мовознавчих студій, починаючи з ХІХ сторіччя і отримало назву «конверсія». Її досліджували багато вчених як вітчизняної, так і зарубіжної лінгвістики, але й досі нерозв'язаними залишаються проблеми визначення сутності конверсії, з'ясування її особливостей, місця, де відбувається перехід, наявності/відсутності формальних показників тощо. Різні підходи щодо інтерпретації перехідних явищ зумовлюють термінологічну неусталеність. Під терміном «конверсія» ми розуміємо морфолого-синтаксичний спосіб творення, за допомогою якого слова набувають нових структурно-граматичних особливостей і синтаксичних функцій. Цей процес супроводжується семантичними змінами.

У мові існує значна кількість слів, форми яких не мають ніяких зовнішніх ознак для визначення їх приналежності до певної частини мови. Глянувши на слово *house*, ми не в змозі установити його формальний граматичний клас – воно може вживатися як іменник, прикметник та дієслова.

Отже, метою пропонованої статті є з'ясування особливостей перекладу конвертованих одиниць з іноземної мови на рідну. Матеріалом для дослідження слугують конвертовані одиниці англійської та

української мов, для яких конверсія – один із продуктивних морфолого-синтаксичних способів творення.

Як ми вже зазначали раніше, конверсія – це спосіб словотвору, при якому утворення нової частини мови на ґрунті одного кореня викликає внутрішні зміни мовної одиниці. Змінюються при цьому семантичні зв'язки слова і його синтаксичні функції. Це стосується як поширених випадків конверсії – утворення дієслів від іменників та іменників від дієслів, - так і зміни у межах інших частин мови.

Конверсію не слід вважати, як це часто робиться, всеосяжним типом словотвору. Системність засобів словотвору – явище гнучке. Конверсії інколи уникають слова, що набули якогось словотвірного афікса (особливо, префікса), а також слова, які при зміні парадигматичного статусу виявляють семантичну невідповідність іншій частині мови. Характерною ознакою конверсії є те, що їй підвладні, головне, широковживані слова з простою морфологічною структурою.

Конверсія - переважаючий тип дієслівного словотвору. Нові дієслова утворюються часто від іменників. Утворені іменника від прикметника – процес набагато складніший, ніж конвертування прикметника від іменника. Це пов'язано з суттєвими змінами семантичної структури прикметника: значення якості нелегко перетворити на значення предмета. Субстантивація власних назв – явище досить поширене в англійській мові. Внаслідок опредмечування утворені назви мешканців країни, міст, континентів.

Існують певні морфологічні перешкоди, через які відповідне слово не може конвертуватися. Так, раніше майже не конвертувалися складні іменники – до конверсії не спонукала сама складність структури слова.

Необхідно зазначити, що кожне обмеження, як і кожне правило, стосується відповідного шару лексики. Лексика широкого вжитку лише підлягає різними трансформаціями, у такому числі і конверсії. Серед широко вживаних дієслів маємо значну кількість таких, які легко конвертуються в іменники і навпаки.

За лексико-семантичними характеристиками дієслова поділяються на три підгрупи: стану, процесу і руху. Спостереження показують, що ступінь охоплення конверсією дієслів класу залежність від діапазону ознак дії, притаманних лексичній одиниці.

Своєрідним типом словотвору є конверсія – активний процес, який відбувається на трьох рівнях: морфологічному, синтаксичному і семантичному. Процес конверсії охоплює майже всі частини мови. Проте найактивніший він у межах іменника і дієслова.

Початковим ступенем переходу, на думку І.Р. Вихованця, є переміщення слова в нетипову для нього синтаксичну позицію. Після цього слово може набувати морфологічних ознак іншої частини мови (морфологічний рівень). Із зміною морфологічних особливостей і синтаксичної функції утворюється конвертоване слово з новим значенням (семантичний рівень) [2, с. 21–23].

Проблема перекладу саме конвертованих одиниць з іноземної мови на рідну є актуальною і надзвичайно важливою. Через відсутність морфологічних показників частин мови в іноземній ми повинні правильно визначити приналежність того чи іншого слова до певної граматичної категорії. Для наочного прикладу наведемо таку фразу «*First bottle the milk.*». Перше, що одразу можна сказати, – це просте речення. Далі встановлюємо, що слово «*first*» окрім числівника «перший» буває і прислівником «спочатку». Наступним кроком є переклад дієслова «*bottle*» – «розливати у пляшки», що перейшло від іменника «*bottle*»-«пляшка». Отже, переклад нашого речення – «*Спочатку розлийте по пляшках молоко*».

Проаналізувавши фактичний матеріал, можемо встановити, що необхідно також враховувати напрямок перехідності однієї частини мови в іншу, тому що обидва слова – первинне і вторинне – графічно ідентичні. Актуальним це питання є для англійської мови, оскільки в її граматичній системі відсутні формальні показники будь-якої частини мови. Найчастіше виділяють такі критерії встановлення напрямку транспозиції: семантичний (слово, що мотивується іншим, є похідним); функціональний (основа з меншим діапазоном використання є конвертованим словом); фонетичний (здебільшого йдеться про зміни акцентологічного характеру). Під час визначення напрямку конверсії важливо, на нашу думку, враховувати мовну інтуїцію. Точне з'ясування цього факту полегшує задачу перекладачу, який може здогадатися про значення конвертованої одиниці, за умови, що значення первинного слова йому знайоме.

При субстантивациї перехід відбувається на найвищому рівні (семантичному), оскільки вторинні морфолого-синтаксичні одиниці самостійно функціонують у мові, набувши граматичних і морфологічних ознак іменника. Найчастіше конвертовані іменники мають такі значення:

1) процес: *What time will you go to the store today?* (Коли ти сьогодні **підеш** до магазину?) – *He has been on the go since morning* (він з ранку **на ногах**);

2) місце: *We usually drive to the country on Sunday* (ми звичайно **їздимо** на село у неділю). – *This palace has a big drive where dozens of cars are standing during the party* (у цього палацу є велика **під'їзна алея**, де протягом вечірки можуть знаходитися десятки автомобілів);

3) результат: *We burn a fire in our fireplace when we are cold* (ми **розпалюємо** вогонь у нашому каміні, коли замерзаємо). – *The child received a burn playing with matches* (дитина отримала **опік**, граючись із сірниками).

Спільними для всіх конвертованих іменників, незалежно від того, на якому мовному рівні відбувся процес переходу, є такі синтаксичні функції: підмета, прямого та непрямого додатків, унаслідок цього іменники можуть узгоджувати означення, виражені прикметниками,

числівниками, займенниками [1, с. 15]. Завдяки синтаксичній функції ми впевнено перекладемо конвертовану частину мови.

Продуктивною в англійській мові є вербалізація (перехід різних частин мови у дієслово). Найчастіше у дієслова переходять іменники, прикметники. Транспозиція в дієслово в англійській мові відбувається на всіх мовних рівнях (на відміну від української мови, де вербалізацію фіксуємо лише на синтаксичному рівні).

Отже, перехідні явища в системі повнозначних частин мови є продуктивним морфолого-синтаксичним способом творення нових лексико-граматичних одиниць в англійській та українській мовах. Зазначимо, що це явище становить типологічну особливість англійської мови, тому що в ній майже не існує морфологічних перешкод для конвертування різних частин мови. Саме через цей факт існує багато проблем правильного перекладу з іноземної мови на рідну. Необхідно встановити, якою частиною мови є конвертована одиниця і яку синтаксичну функцію має.

Проаналізувавши різноманітні конвертовані моделі, ми встановили, що спільні риси в аналізованих мовах виявляє явище переходу прикметників в іменники. Субстантивуватися в англійській мові можуть також і дієслова. Специфічною рисою морфолого-синтаксичного способу творення слів в англійській мові є вербалізація, яка відбувається на різних мовних рівнях – синтаксичному, морфологічному, семантичному. Переходити в дієслова можуть як іменники, так і прикметники. Володіючи інформацією про частоту перехідних явищ в межах тієї чи іншої мови, ми зможемо надати граматично вірний переклад будь-якого тексту.

Необхідно зробити висновок, що проблема конверсії охоплює широке коло питань, пов'язаних із комплексом лексико-граматичних проблем функціонування мови: номінацією, семантичною структурою слова і характером змін в його лексичному значенні, з категоріальними перетвореннями в слові, розмежуванням синхронії та діахронії.

Зазначимо, що, незважаючи на велику кількість мовознавчих праць вітчизняних і зарубіжних учених, проблема визначення поняття конверсії досі залишається нерозв'язаною. Багато питань, пов'язаних із тлумаченням перехідних процесів у мовознавстві, є дискусійними.

Дослідження явища конверсії в різних мовах дасть змогу перекладачам виявити специфіку конвертованих одиниць для їх коректного перекладу. Ця проблема не є повністю вивченою і вимагає більш детального аналізу.

Література

1. **Гринчишин Д.Г.** Явище субстантивації в українській мові (субстантивація прикметників). – К.: Наук. думка, 1965. – 112 с. 2. **Вихованець І.Р.** Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – К.: Наук. думка, 1988. – 256 с. 3. **Шигуров В.В.** Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: Учеб. пособие. – Саранск,

1988. – 88 с. **4. Смирницкий А.И.** Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Ин. яз. в шк. – 1953. – №5. – С. 21–31. **5. Муругова Е.В.** Взаимодействие семантики словообразовательной базы и производных конкретных существительных в современном английском языке // Актуальные проблемы современной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. – Ростов-н/Д.: РГПУ, 2005. – С. 23–25. **6. Кубрякова Е.С.** Деривация, транспозиция, конверсия // Вопр. языкознания. – 1974. – №5. – С. 64–76.

В статье рассмотрена конверсия и проблемы перевода конвертированных единиц. Сделан анализ фактического материала в английском и украинском языках. Определены общие и разные черты конверсии в этих языках.

Ключевые слова: конверсия, конвертированные единицы, переход, субстантивация, вербализация, перевод.

У статті розглянуто конверсію та проблеми перекладу конвертованих одиниць. Зроблено аналіз фактичного матеріалу в англійській та українській мовах. Визначені спільні та окремі риси конверсії в цих мовах.

Ключові слова: конверсія, конвертовані одиниці, перехід, субстантивация, вербалізація, переклад.

Conversion and problems of converted unit translation have been considered in the article. Analysis of actual material in English and Ukrainian has been made. Common and different characteristics of conversion in these languages have been defined.

Key words: conversion, converted unit, transitive, substantiation, verbalization, translation.

УДК [811.111 : 811.161.1]’255

Е. В. Грищенко

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕБРАЗИЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ Э. ПО «ВОРОН»

(на материале переводов произведения 2-й половины XIX века)

В данной статье поднимается **проблема** раскрытия культурной информации, заложенной в переводных текстах (на материале переводов поэмы Эдгара По «Ворон» 2-й половины XIX века).

Целью статьи является сопоставление переводов и текста оригинала и определение лингвокультурных особенностей переводов произведения 2-й половины XIX века.

Поэма Э. По «Ворон», опубликованная 29 января 1845 года, неоднократно переводилась на русский язык талантливейшими мастерами русской классической поэзии, а также известными переводчиками, которые внесли огромный вклад в отечественное переводоведение, как то: К. Бальмонт, В. Брюсов, Д. Мережковский,

В. Жаботинский, М. Зенкевич, В. Василенко, В. Федоров, В. Топоров и др. Существует более двадцати переводов «Ворона» на русский язык (первый был выполнен С. Андреевским в 1878 году, последние осуществлены в начале XXI века), что свидетельствует о постоянном и все возрастающем интересе к творчеству Э. По. Наличие такого количества переводов представляет бесспорный интерес не только для теории, истории перевода и других непосредственно переводоведческих дисциплин, но и для лингвокультурологии, рассматривающей перевод прежде всего как диалог культур, как способ передачи фоновой информации, заложенной в метафорах, фразеологизмах, и символах, являющихся ценнейшими источниками сведений о культуре и менталитете народа.

С целью упорядочения процесса анализа все переводы «Ворона» Э. По были разделены нами на следующие периоды: переводы 2-й половины XIX века, переводы 1-й половины XX века, 2-й половины XX века, а также современные – переводы XXI века.

В данной публикации рассматриваются переводы 2-й половины XIX века, среди которых самый первый перевод поэтического произведения Э. По на русский язык – перевод С. Андреевского (1878), перевод Л. Пальмина (1878), перевод Д. Мережковского (1890) и перевод К. Бальмонта (1894). Перевод, выполненный в прозаической форме в 1885 году, нами не анализируется – мы останавливаемся только на поэтических переводах, опираясь на высказывание Эдгара По (в эссе «Философия творчества», являющейся своеобразным предисловием, творческой лабораторией создания «Ворона») о том, что «полное и чистое возвышение... души,... которое испытывают в итоге созерцания «прекрасного»... легче всего достигается при помощи стихов» [3, с. 716].

XVI–XVII века были важным этапом для развития многих современных европейских языков, поэтому именно в этот период обостряется интерес к переводу и его роли в становлении и совершенствовании переводящего языка во Франции, Германии, Чехии и Англии. Для русского языка такой период наступает позднее, с началом Петровских реформ, и продолжается до середины XIX века.

Анализируя перевод «Септугианты» (перевод Священного Писания на греческий язык, 250–150 г. до н.э.), А. Десницкий отмечает наличие некоторых приемов, которые стали нормой для литературного перевода в наши дни. Исследователь дает типологию этих приемов, определяя следующие типы преобразования текста, а именно: «реконструкция текста; изменение стратегии повествования (нарративизация); «культурный перенос», замена метафоры другой метафорой; стилистическое тонирование текста, подбор созвучных слов; ритмизация текста» [2, с. 46].

Необходимость учета межкультурного факта в переводе была высказана еще Жоашеном Дю Белле (1522–1560), поэтом и теоретиком (Франция), который определял «верность» как главное свойство

перевода, а «выбор слов» как самую ответственную и самую трудную задачу. Дю Белле называет два требования к выбору слов при переводе. Первое состоит в том, чтобы слова соответствовали общим употребительным нормам, были простыми и распространенными. Второе требование относится к пласту выразительных средств – метафорам, аллегориям, сравнениям, уподоблениям, «которые еще в большей степени, чем лексика, связаны с культурой и историей конкретного народа и очень часто оказываются маловыразительными или вовсе непонятными при их механическом перенесении в иную культуру через перевод» [2, с. 118].

XVIII век отмечен стремлением полно и ясно передать художественные свойства оригинала; выходом русского языка на новый для себя уровень, отчасти именно благодаря переводу; стремлением обогатить за счет переводческих опытов русский язык и русскую словесность (переводы и труды в области перевода М.В. Ломоносова, А.Д. Кантемира, В.К. Третьяковского, Д.И. Фонвизина и др). Для переводов этого времени характерны также так называемые исправительные переводы (приспособление переводимых текстов русским нравам, русскому быту, делая их более понятными русской читательской аудитории). Однако намечаются и иные тенденции. Например, отличительной чертой переводческого стиля Н.М. Карамзина было прежде всего «не склонение на наши нравы» произведений иноязычных писателей, а воспроизведение их авторского стиля [5, с. 52].

В XIX веке перевод в России продолжает свое активное развитие. Основная проблема в этот период связана с выяснением достоинств и недостатков дословного и вольного перевода и применение на практике сделанных выводов. Проповедуется как дословный перевод (представители – П.А. Вяземский, А.А. Фет), так и вольный (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов).

В.А. Жуковский является одним из основоположников русской классической переводческой школы XIX в., для которой был характерен вольный неадекватный перевод.

Первый русский перевод поэмы «Ворон» принадлежит С.А. Андреевскому и был опубликован в марте 1878 г.

С.А. Андреевский (русский поэт и критик, по профессии юрист) опубликовал статьи о Лермонтове, Баратынском, Тургеневе, а выполненный им перевод «Ворона» является практически пересказом, сделанным четырехстопным ямбом (оригинал – восьмистопный хорей). Переводчик старался передать не только буквенный текст подлинника, сколько его общее впечатление. Следует отметить, что переводчику это не всегда удавалось: помимо неудачных мест, в переводе встречаются и явные русицизмы, иногда возникает условно-романтический пейзаж, которого нет у Э. По:

И эхо нелюдимых скал
В ответ шепнуло мне его,

Тот звук...

Вскоре (в том же 1878 г.) появился перевод «Ворона» Л. Пальмина, сделанный явно «по Андреевскому», с некоторыми сокращениями и слегка измененной строфикой. Перевод сделан шестистопным хореем.

В 1890 г. перевод этого стихотворения выполнен Д. Мережковским. По своим художественным достоинствам он несоизмеримо выше предыдущих. Мережковский впервые попытался передать в переводе размер и внутреннюю рифмовку подлинника. Набор художественных средств не очень велик. Есть прямые добавления в духе Мережковского, имеющие мрачный символический смысл:

Тот не жди себе отрады,
В чьем доме на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверьми,
От несчастья никуда
Тот, кто Ворона увидел,
Не спасется никогда.

В 1894 г. появляется «Ворон» в переводе К. Бальмонта.

Поэты-переводчики круга символистов – В. Иванов, Д. Мережковский, В. Брюсов, А. Блок, к которым относился и К. Бальмонт, – благодаря именно своей переводческой деятельности вводили в русскую литературу новые идеи, темы, образы, поэтические формы, расширяя ритмические возможности русского языка. Бальмонт – переводчик рубежа веков, в его переводах отчетливо видна тенденция, свойственная переводчикам прошлого столетия: дать свое переложение оригинала, предложить вариацию на тему. В переводах Бальмонта борются два направления: стремление сохранить своеобразие подлинника (основное требование к переводу в XX веке) и желание как можно ярче передать «дух» оригинала (преобладающая тенденция у переводчиков XIX века), т.е. присутствуют два подхода к переводу – «концепция адекватного перевода» и «концепция свободного (неадекватного) перевода», которые существовали и сосуществуют в переводческой практике по сегодняшний день [4, с. 38].

Перевод – это не просто понятие двуязычной коммуникации, это диалог культур, и даже конфликт культур, столкновение и «общение» национальных характеров. Перевод – это контакт языков и культур.

Э. Сепир полагает, что именно словарь в значительной степени отражает уровень развития культуры («Избранные труды по языкознанию и культурологии»). Изменения в лексике вызываются самыми разными причинами, большинство которых носит культурный характер. Именно лексика является передатчиком и хранителем культурной информации в родном языке, в иноязычных текстах; фоновой информации (имплицитной и эксплицитной).

В качестве наиболее интересных для осмысления с позиций лингвокультурологии лингвисты отмечают следующие явления:

метафоры, фразеологизмы, сравнения, символы культуры и т.д. Основная задача лингвокультурологии – увидеть и раскрыть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью.

Сопоставив и проанализировав оригинальное произведение и четыре вышеупомянутых перевода, мы остановились на передаче метафор, составляющих особую эстетическую ценность поэзии Э. По, а также метафорических образов «душа» и «сердце», созданных в текстах переводов.

В шестой строфе «Ворона» находим метафору «*all my soul within me burning*» («вся моя душа внутри меня горела»). Она отражена только в переводе Д. Мережковского – «душа моя горела».

В десятой строфе находим еще одну метафору «*his soul in that one word he did outpour*» («свою душу в это одно слово он излил»), которая сохранена во всех переводах, но отражена по-разному:

- в переводе С. Андреевского – «он исчерпал всю глубь души»;
- в переводе Л. Пальмина – «Весь свой ум будто вылив в том слове одним» (наблюдается перенос и сравнение: «ум» – «душа»);
- в переводе Д. Мережковского – «всю душу изливал»;
- у К. Бальмонта – «всю он душу вылил».

В оригинале произведения есть еще несколько примеров со словом-образом «душа, дух»: «*thy soul hath spoken*» («твоя душа сказала»), «*my soul grew stronger*» («дух мой стал сильнее») и др.

В поэме Э. По встречаем несколько строк с упоминанием «сердца»: «*to still the beating of my heart*» («успокоить биение моего сердца»), «*take the beak from out my heart*» («вынь свой клюв из моего сердца»), значение которого – «орган, находящийся в грудной клетке человека». В переводах «сердце» имеет метафорическое значение, становясь образом и синонимом «души»:

- «сердце успокою» (Д. Мережковский), т.е. «душу успокою»;
- «сердце отдохнет» (С. Андреевский);
- «вынь из сердца разбитого клюв» (Л. Пальмин);
- «Из души моей твой образ я исторгну навсегда» (Д. Мережковский), т.е. «сердце» – это «душа».

Метафорические образы «душа» и «сердце» встречаются в переводных текстах, даже тогда когда они отсутствуют в тексте оригинала:

- «раны сердца», «слова ...из сердца», «стараясь сердцем разгадать» (у С. Андреевского);
- «дух мой волновало», «сердцу отдых навсегда» (в переводе Д. Мережковского);
- «подивился я всем сердцем», «отдался душой мятежной», «удались же, дух упорный» (у К. Бальмонта).

Выводы. Проанализированные выше примеры убеждают, что в целом метафоры оригинала в переводах сохранены, хотя и нередко

оформляются в переводных вариантах языковыми средствами, отличными от средств оригинала (метафорический и метонимический перенос, например, «сердце» – «душа», «ум» – «душа»).

Особый интерес представляет, на наш взгляд, исследование языковых способов воплощения метафоричности образов «душа» и «сердце» в переводах С. Андреевского, Д. Мережковского и К. Бальмонта. Эта метафоричность видится более развитой и расширенной, нежели в тексте оригинала. Представляется, что такое положение может свидетельствовать о том, что концепт «душа» в русском языке образует большее количество смыслов, нежели в языке английском, причем среди этих смыслов есть и такие, которые отражают своеобразие русской культуры. По словам А. Вежбицкой, «в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры», среди которых и понятие «душа» [1, с. 33].

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с. **2. Гарбовский Н.К.** Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с. **3. По Э.** Философия творчества // Стихотворения. Рассказы. Эссе. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. – С. 715–725. **4. Солодуб Ю.П.** Теория и практика художественного перевода. – М.: Изд. центр «Академия», 2005.– 304 с. **5. Тюленев С.В.** Теория перевода. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

В статье определяются лингвокультурное своеобразие переводов поэмы Э. По «Ворон» (на материале переводов 2-й половины XIX века).

Ключевые слова: перевод, метафора, образ, концепт.

У статті відзначається лінгвокультурна своєрідність перекладів поеми Е. По «Ворон» (на матеріалі перекладів 2-ї половини XIX ст.).

Ключові слова: переклад, метафора, образ, концепт.

The article defines the linguistic-cultural peculiarity of translations of the poem «The Raven» by E. Poe (the material for research is the translations of the 2nd half of the XIX century).

Key words: translation, metaphor, image, concept.

УДК 373.5.03 : 004.738.5

А. О. Долматова

ВПЛИВ INTERNET НА ОСОБИСТІТЬ ПІДЛІТКІВ

Інформаційні технології сьогодні є невід'ємним елементом функціонування сучасного суспільства. Основним каталізатором цього,

насамперед виступає глобальна мережа Internet, застосування якої має широкомасштабний вплив на різні ділянки суспільного життя.

Постає питання: як впливає Internet на людську особистість, на суспільство в цілому? Трансформація діяльності під впливом використання Internet торкається не тільки окремих психічних процесів, але й всієї психіки, в тому числі й мотиваційно-особистісної сфери. При цьому вплив Internet на особистість може відобразитися не тільки при використанні інформаційних технологій у повсякденному житті, але й тоді, коли суб'єкт не має безпосереднього виходу в мережу, а має наслідки проведеного в ній часу.

Вивчення психологічних наслідків інформатизації є досить актуальним. Перед психологами постають дослідницькі, діагностичні й терапевтичні задачі, які пов'язані з занадто активним використанням Internet.

Сьогодні спостерігаються негативні риси впливу Internet на особистість підлітків. Бо саме в цьому віці відбуваються процеси самовизначення, освоєння соціальної ролі та статусу, формування світогляду, які є дуже динамічними.

Виникають нові види суспільств, які називають віртуальними [1]. Потрапляючи в якесь з цих суспільств уперше, молодь отримує можливість побудувати новий психологічний портрет. В цих суспільствах, про людину судять за словами й реакціями на них. Відповідно, думка про неї формується тільки на основі спілкування. Тому в мережі Internet людина може цілком змінитися: з чоловіка в жінку, з пенсіонера в студента.

Психічно нормальний підліток являє собою цільний, нероздільний образ, тому у випадку, коли людина є багатоособливе «щось» і жодна з «осіб» не схожа на іншу, отримуємо випадок психічного відхилення.

На думку психологів, існує два сценарії поведінки підлітків в мережі Internet [2]: він буде образ, який краще за нього за деякими параметрами, або той, який гірше нього (наскільки й за якими параметрами у загальному випадку значення не має). Це поліпшення або погіршення може відбуватися й неусвідомлено, на підсвідомому рівні. Отож, природно, цей образ не являє собою щось відокремлене, тому що у своїй основі має людину, проте він впливає на ще несформовану особистість.

Тривале спілкування з людиною викликає природне бажання з нею зустрітися віч-на-віч, тому абсолютно випадкові зустрічі в Мережі призводять до різних наслідків. Більш звичайні випадки виникнення товариських і ділових відносин. Збори одного віртуального соціуму, коли люди з'їжджаються з різних міст просто заради того, щоб зустрітися, усе ще носять екзотичний характер, але поступово стають нормою. До цього дійшли завдяки саме мережі Internet.

Крім того, такі віртуальні співтовариства найчастіше переносять сленгові висловлювання, які застосовуються з Internet, у реальне життя.

У результаті цього вплив Internet відчують не тільки окремі особистості, але й мова, а значить – і вся культура.

Особливу небезпеку для молоді американські психологи вбачають у так званих графічних чатах [5]. Якщо раніше віртуальне спілкування являло собою просто обмін повідомленнями, то графічний чат – це віртуальний палац, підземелля й т.ін., у якому кожен учасник має вигляд графічного образу. Спілкування в графічному чаті нагадує вечірку, що не припиняється: хтось приходить, хтось іде, образи учасників переміщуються, обмінюються репліками, можуть щось шепотіти один одному так, щоб не чули інші, можуть дружньо поплескати один одного по плечу, усамітнитися в спеціальних віртуальних кімнатах й т.ін.

Для молоді, що відчуває проблеми в реальному живому спілкуванні, така заміна надзвичайно приваблива. По-перше, можна створити який завгодно образ самого себе, зібравши, наприклад, усе те, що хотілося б мати або ким хотілося б бути в реальності. По-друге, анонімність, узагалі властива віртуальному спілкуванню, захищає від розчарувань і дає почуття безпеки. Вона дозволяє безпечно експериментувати зі своїм образом, наприклад, чоловік може представити себе в образі жінки або навпаки. Загалом, є можливість програти у віртуальній реальності будь-які фантазії, що в реальному житті у більшості випадків неможливо. І найважливіше – інтерактивність, через яку віртуальне спілкування і стає здатним створити ілюзію реального живого спілкування. Так, все це приваблює, але призводить до певних наслідків [3].

Наприклад, гонконгський фанат комп'ютерних ігор помер після 10 годин гри на комп'ютері. Лікарі припускають, що в 17-літнього Чи Пу Санга зупинилося серце. Його знайшли лежачим на клавіатурі, екран комп'ютера поблискував, запрошуючи продовжити гру в он-лайні. Юнак помер, не приходячи у свідомість, незабаром після того, як його привезли в лікарню.

Друзі підлітка розповідають, що після восьмигодинного робочого дня в ігровому салоні замість того, щоб йти додому, він приймався за гру. Він проводив весь вільний час, граючи з такими ж фанатами, як він, по мережі в Diablo II. Ця гра стала для Чи Пу Санга нав'язливою ідеєю – він грав у неї навіть під час перерв на обід. Лікарі говорять, що його серце зупинилося через стрес, викликаний грою, і від перевтоми. Юнак спав не більш двох годин на день. Мати хлопчика говорить: «Я дотепер не можу зрозуміти, що могло убити його».

Віртуальний наркоман, 21-літній американець, покінчив із своїм життям. Тіло Шона Уоллі було знайдено у кріслі перед його комп'ютером. Поруч із Шоном лежала гвинтівка 22-го калібру, з якої молода людина застрелилася. За даними поліції, навколо самогубця був розкиданий брудний одяг, обгортки від їжі, що доставляють ресторани швидкого харчування, велика кількість порожніх коробок з-під піци. Усе показувало, що юнак провів перед монітором кілька днів і не відривався

від гри ні на хвилину, замовляючи їжу додому. Єдиними свідченнями причин самогубства були накидані від руки назви й терміни, пов'язані з он-лайн грою EverQuest – варіанта суперпопулярної гри EverCrack. Як припускає поліція, юнак грав в EverQuest вже протягом року. Останній безперервний сеанс тривав дев'ять днів, після чого нервово виснажений Уоллі вистрілив у себе з гвинтівки, щоб зупинитися. Його мати провину за смерть сина покладає безпосередньо на гру та її виробника – Sony Online Entertainment. За статистикою, у EverQuest грають більше чим 430 тисяч зареєстрованих користувачів у всьому світі. Вони формують команди («гільдії»), заробляють очки й «убивають монстрів». У середньому гравець EverQuest займається грою приблизно 20 годин на тиждень.

Виробництво он-лайн ігор відноситься до найбільш прибуткових й активних сфер бізнесу. Такі ігри створюють у людей ілюзію насиченого подіями реального життя, виробляють адреналін і в той же час вводять від проблем.

Підліток, який у віртуальному світі змінює власну ідентичність, найчастіше, звичайно, має бажання проекспериментувати (це бажання властиве кожному з нас і це ще не причина вішати на нього ярлик патології). Проте у цілому ряді випадків за цим може стояти глибинна невпевненість у тім, що він може бути цікавий таким, яким він є, хоч будь-кому. Людина, сидячи за комп'ютером в глобальній мережі Internet, одержує можливість ознайомитися з працями й винаходами тисяч геніальних людей, ідеї яких уже утілені в реальні справи або вироби. Тобто це нова можливість самовираження, особливо для підлітків 14–17 років.

На сьогоднішній день медицина виділяє новий вид наркоманії – комп'ютероманія. Кількість людей, що вміють працювати з комп'ютерними програмами й використовувати Internet, постійно зростає. Уявне буття стає яскравішим, повнішим, більш привабливим, ніж реальне.

Internet пропонує цілий віртуальний світ. З'являються перші користувачі комп'ютерів, у житті яких віртуальне спілкування займає головне місце й найчастіше є єдиною формою спілкування. На Заході залежність від віртуального спілкування вже визнана реальною проблемою, причому проблемою медичною. З'явилися й відповідні терміни – INTERNET ADDICTION, ON-LINE ADDICTION, NET ADDICTION («залежність від Інтернету», «залежність від віртуального світу», «залежність від Мережі»).

Поблизу Сан-Франциско відкрилась клініка абсолютно нового профілю – терапевтичний центр захворювань кіберзалежності, яка рятує життя тим, хто перетворився в каторжника Internet, куди мають можливість приходити люди з останньою надією й лікуватися, щоб повернутися до нормального життя, де існує сім'я, мораль, держава.

Тому можна виділити три стадії захворювання комп'ютероманією: перша стадія – занурення, випадкове, «від нічого робити» або з усвідомленим бажанням відвернутися від проблем; друга стадія – залучення з метою піти від повсякденних справ; третя – повна залежність, коли бліді люди з палаючими очима просиджують усю ніч до ранку перед екраном комп'ютера, тільки натискаючи клавіші на клавіатурі й викрикуючи час від часу нескладні слова.

Однак поки дослідження медиків спрямовані в основному на те, як навчити користувачів контролювати кількість часу, який проводиться в Мережі, як змусити вчасно відключатися або зробити фільтрацію сайтів, як привернути увагу на інші, не менш цікаві, види діяльності. Але таке рішення проблеми ніяк не можна назвати кардинальним, оскільки це боротьба з наслідками, а не з причинами.

Internet-залежність відбивається й на статевому житті людини. Згідно даним Купера [5], кожен 15-й американський користувач Мережі має проблеми з офф-лайнним половим життям. Викликані ці проблеми хворобливою пристрастю до зняття сексуальної напруги на різноманітних порно-сайтах і порно-чатах. При цьому майже 1% інтернетчиків узагалі не уявляють себе учасниками нормальних стосунків між чоловіком і жінкою, віддаючи кібер-сексу до 6 годин на тиждень.

На думку Купера, Internet тільки збільшує комплекси й страхи людей, доводячи їх до рівня сексуальних розладів. Крім того, можливість «спробувати» у Мережі свої найсміливіші фантазії частіше привертає увагу саме молоді. Тому треба сконцентрувати її погляди на формування нормальних соціальних стосунків. Для для запобігання комп'ютероманії у підлітків можна запропонувати розширювати аспекти культурної діяльності – самовиховання, яке було б не самоціллю, а передумовою соціально активної особистості, яка відповідає за свої проблеми й адекватно реагує на соціальні зміни. Привернути увагу підлітків до творчої активності самопізнання, яка створює можливість для цікавого, сповненого змісту життя молоді, творчий потенціал якої – безмежність прояву себе. У масовій свідомості треба зробити акцент на тому, що основою соціального стану молоді людини повинно бути трудова діяльність.

Таким чином, розглянуті можливості глобальної мережі Internet та її вплив на особистість підлітків, який перешкоджає виникненню нових соціальних відношень, та встановлені дві характерних риси Internet (позитивна – Internet є складовою інформаційних ресурсів, негативна – впливає на ще несформовану психологію підлітків), дозволяє запропонувати встановлення спеціальних програм, які фільтрують сайти для підлітків, та трансформувати ідею, що Internet – це єдиний засіб самовираження людської особистості.

Література

1. **Тарасенко В.** Криза соціального самовизначення. До питання про соціальну ідентифікацію суспільства // Віче. – 2000. – №11. 2. **Сегодня.** – 2001, 8 жовтня. 3. **Зеленский Н.Е.** Internet у нас дома. – М.: Прогресс, 2001. 4. **Наука.** Релігія. Суспільство. – 2002. – №1. 5. **Z_webmaster@mail.ru** 6. **w.w.w.777.line.com** 7. **Чужба В.А.** Виховні процеси використання Internet у навчальному процесі школи // Комп'ютер у сім'ї та школі. – 2001. – №6.

В статье раскрываются возможности и угрозы влияния на личность подростков сети Internet.

Ключевые слова: Internet, личность, подросток, киберзависимость, компьютеромания.

У статті розкриваються можливості та загрози впливу на особистість підлітків мережі Internet.

Ключові слова: Internet, особистість, підліток, кіберзалежність, комп'ютероманія.

In article deals the possibility open and threats of the influence upon personality teenager to network Internet.

Key words: Internet, personality, teenager, cyber dependence, computer mania.

УДК 811.161.1'42

И. П. Зайцева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ ИНОКУЛЬТУРНОСТИ ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интерес к теории и практике речевой коммуникации, особо актуализировавшийся в лингвистической и в целом гуманитарной науке на рубеже XX–XXI веков, вполне закономерно затронул и область художественной речи, где на первый план выдвигается *эстетическая функция*, подчиняющая – в той или иной мере – себе все остальные. Экстраполяция многих идей и методов коммуникативной лингвистики (теории и практики речевой коммуникации) на стилистику художественной речи и лингвистическую поэтику обусловила появление *коммуникативной стилистики художественного текста* – «нового направления современной функциональной стилистики, ... изучающего целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» [2, с. 157].

Представляется, что особый интерес для рассмотрения с позиций как коммуникативной стилистики художественного текста, так и – шире

– коммуникативной лингвистики в целом могут составить *современные* (созданные в последние 10–15 лет) *драматургические* дискурсы. С одной стороны, это обуславливается приближенностью современных пьес к сфере непринуждённо-обиходного общения (и, как следствие, ориентацией образующего эти произведения словесного пространства преимущественно на разговорные речевые средства); с другой стороны, наблюдаемые в жизни современного социума типичные коммуникативно-речевые ситуации, что чаще всего художественно воссоздаются авторами пьес, способствуют бóльшей «выпуклости» элементов индивидуально-авторского почерка драматургов, на выявление и описание которых в значительной степени направлена современная лингвистическая поэтика (это, к примеру, использование автором пьесы – в эстетически преобразованном виде – тех или иных коммуникативно-речевых стратегий и тактик, риторических приёмов и т. д.).

В ряде публикаций нам уже приходилось обосновывать перспективность рассмотрения современной драматургической речи с коммуникативно-стилистических позиций [см., например: 3; 4]. В настоящей работе речь пойдёт ещё об одном аспекте подобного анализа, также представляющем, по нашему мнению, несомненный исследовательский интерес – о зафиксированном в драматургическом произведении процессе *межкультурной коммуникации*, т. е. художественно воссозданном «общении представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» [5, с. 184–185].

Межкультурная коммуникация, в отличие от коммуникации монокультурной («общения представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, обладающих, соответственно, единой когнитивной базой» [5, с. 184]), как правило, осуществляется в рамках не совпадающих (иногда частично, а в ряде случаев – полностью) национальных стереотипов мышления и поведения, что в первую очередь отражается в своеобразии речевого поведения коммуникантов.

В драматургической художественной структуре, где, с учётом явного преобладания диалоговой формы организации словесного пространства, *речевое взаимодействие* персонажей имеет наиболее широкую и наглядную (в сравнении с другими родами художественной литературы) репрезентацию, можно наблюдать весьма широкий диапазон коммуникативно-речевых ситуаций, смоделированных авторами в соответствии с реализуемой авторской концепцией. Среди этих ситуаций в последнее время всё чаще встречаются и такие, в которых образно осмысливается *межкультурное* межличностное взаимодействие: произведения Л. Зорина (например, «Послевокусие»), пьесы Н. Коляды (в частности, «Птица Феникс»), М. Арбатовой и других современных драматургов.

Для изучения с позиций коммуникативной стилистики художественного текста, а также теории и практики речевой коммуникации в принципе эстетически осмысленные факты межкультурного взаимодействия представляют безусловный интерес – уже потому, что при подобном анализе существенно расширяется исследовательская база означенных дисциплин (номенклатура конкретных вариантов коммуникативно-речевого взаимодействия с участием представителей *разных* национальных лингвокультур), поскольку создание драматургического произведения, в особенности талантливым автором, всегда отмечено нестандартностью восприятия, что находит выражение в придании изображаемому индивидуально-авторского колорита, стремлении увидеть и художественно зафиксировать даже в обычных на первый взгляд ситуациях общения что-то особенное и т. п. К тому же установка на эстетическую осложнённую используемых коммуникативно-речевых ситуациях языковых средств и, соответственно, их отбор и организация в русле «работы» в первую очередь на образное воплощение процесса речевого общения, позволяют выявить при анализе ряд нюансов коммуникативно-речевого взаимодействия, которые не всегда чётко устанавливаются (или же по разным причинам просто не принимаются во внимание) в общении сугубо практического характера, где на первый план выдвигаются иные целеустановки.

Материалом для нашего исследования послужила созданная в 1992 году пьеса М. Арбатовой «По дороге к себе» [1] – одна из первых пьес, темой которых стали поездки граждан постсоветского пространства на запад «за лучшей жизнью»: с целью либо заработка, либо решения личных проблем (создания семьи и т. д.). Освещение подобной темы, как правило, предполагает изображение физического перемещения персонажей в другие страны и, соответственно, в иные социокультурные пространства, что обычно выражается в художественном моделировании разных коммуникативно-речевых ситуаций, в рамках которых осуществляется как монокультурное, так и межкультурное общение.

О том, что в число персонажей пьесы М. Арбатовой входят представители *разных* лингвокультур, читатель может догадаться уже после знакомства со списком действующих лиц, который, в соответствии с жанрово-стилистическими традициями драматургии, обычно предваряет текст произведения: «**Действующие лица:** Таня, Евгений, Стефани, Герберт, Анита, Кристоф, Бадбаяр, Елена, Мартин, Жаклин, Ричард» [1, с. 697]. Входящие в приведённый перечень личные имена выполняют роль своеобразных маркеров отнесённости к той или иной культуре: так, имена *Таня*, *Евгений* ассоциируются со славянским культурным контекстом; *Анита*, *Кристоф*, *Мартин* и др. – с западноевропейским; имя *Бадбаяр* – с явно иной для адресата (русского читателя) культурой, хотя поначалу не совсем понятно, с какой именно

(из текста впоследствии выяснится, что носитель этого имени по национальности монгол).

Авторские способы указания на принадлежность действующих лиц пьесы к различным национально-лингво-культурным сообществам, которая играет далеко не последнюю роль в формировании у этих персонажей систем морально-нравственных и других ценностей, весьма разнообразны. Показательно, что при реализации этих способов драматург, во-первых, очевидно опирается на стереотипы представлений о чужой культуре, сложившиеся в сознании русских (которые, кстати, не всегда отражают истинное положение вещей), во-вторых, явно стремится осмыслить культурные отличия между участниками общения в индивидуально-стилистическом ключе.

Так, к примеру, существует достаточно устойчивое представление о том, что иностранец, как правило, говорит по-русски со специфическим акцентом. К числу таких характерных особенностей принадлежат произнесение звука [j] в словах, где в соответствии с действующими в русском языке нормами он не произносится (например, **ме[н'já]** вместо **ме[н'á]**); смешение твёрдых и мягких согласных (ср.: **бу[лв]ар** вместо **бу[л'в]ар**); неправильное согласование определений с определяемыми словами (к примеру, *долгий дорога*); выбор не соответствующего литературной норме падежного варианта существительного при управлении (*хочу Россия* вместо *хочу в Россию*) и т. д. Эту характерную для речевого облика иностранца черту – искажение произносительных и иных литературно-языковых норм ввиду недостаточного владения языком – весьма успешно «эксплуатирует» один из персонажей пьесы М. Арбатовой – Евгений, представившийся при встрече с Таней американским профессором литературы: никаких сомнений в том, что перед нею представитель запада, у собеседницы не возникает (слова в репликах Евгения выделены мною. – И. З.):

Таня (*активно жестикулируя*). Ай эм рашен! Ай эм тоурист. Понял? Нет? О, господи, английский в школе учила... Школа! Скул! Понял?

Евгений откладывает газету, долго рассматривает Таню и усмехается.

Евгений. Я говорью русски.

Таня. Во клево! Ты немец, да? Берлин — шикарное местечко! Я так прошлась, пока с поезда на поезд пересеживалась. Да... Охренеть можно. А может, ты голландец? У вас там гильдены?

Евгений. Америкен... Аризона.

Таня. Американец? Ой, да не может быть! Мечта всей моей жизни. (*Поёт.*) Америкен бой, америкен бой, уеду с тобой!

Евгений (*улыбается*). **Менья** зовут Джонни. Джон Стар. Я имею работать Аризона университет. Я есть профессор **русский литератур**.

Таня. Профессор! (*Чуть не падает в обморок от счастья, закуривает, собирает все свои представления о способах общения с профессурой, даже натягивает юбку ближе к коленкам.*) Меня зовут Таня. Татьяна, русская душою... Больше всего в школе я любила литературу. Ей-богу!» [1, с. 697];

«**Евгений.** Я очень **хочью** Россия. Я всегда мечтал иметь туризм Россия. Россия есть **славянский сказка.**

Таня. Сказка! Страшная сказка! Ты приезжай, Джонни, я тебя заселю. Я тебе все покажу. Знаешь, Москва... Бульвары... У вас в Америке, небось, и бульваров-то нет.

Евгений. Бульвар? Что есть **бульвар?**

Таня. Ну, деревья так растут. Деревья, деревья. Большие старые деревья.

Евгений. Форэст? В **бульвар** живет **дикий животный?**

Таня. Какие животные? Ты что? Животные в зоопарке. (*Пауза.*) Джонни, а ты женат?» [1, с. 699–700].

Описанный приём – характеристика с помощью акцентов на недочётах в речи персонажа – использован автором и для подчёркивания отнесённости к иной, чем его собеседница культуре ещё одного действующего лица пьесы – выходца из Монголии Бадбаяра, хозяина маленькой закусочной, одного из мест работы Тани в Голландии (слова и выражения в речи Бадбаяра выделены мною. – *И. З.*):

«**Таня.** Ой, ну а если кто у тебя в юрте заболел, у тебя ж там даже телефона нет, врача вызвать.

Бадбаяр. Юрта монгол не болеет: воздух, свежий мясо, трава лечебный. Мой сестра Аюна бедный, живет юрта, скачет лошадь, весь здоровый... Я живу Амстердам, много гульден, весь болею!

Таня. Что ж ты не едешь обратно?

Бадбаяр. Бадбаяр привык холодильник, Бадбаяр привык виски, Бадбаяр привык Европа. Ночью спать, вижу Монголия: солнце вижу, степь вижу, монгольский девушка вижу... Ты Терельжь видел? Молост видел? Чингыль видел? Ничего не видел!

Таня (*моет пол*). А я вот совсем не скучаю. Мне некогда. Только по дочке скучаю и по матери немножко... Иногда думаю, вдруг кто заболел, а я тут.

Бадбаяр. Амстердам женщин некрасивый. Большой, грубый, пахнет мыло. Монголия женщин ласковый, пахнет молоко...

Таня. И я тоже некрасивая?

Бадбаяр. Некрасивый» [1, с. 732].

Акцентирование внимания на подобных особенностях речевого портрета персонажа (не только драматургического, но и прозаического также) остаётся в современной литературе одним из наиболее частотных способов указания на инокультурность героя в сравнении с другими. Однако это, во-первых, наиболее «бесхитростный» способ изображения «чужака» в том или ином культурном окружении, что побуждает авторов с особо нестандартным восприятием, с ярко выраженной индивидуальностилитературной манерой искать иные – более глубокие и разноаспектные (т. е. интересные для адресата/читателя и одновременно привлекательные для самого художника слова как воплощающие его авторскую концепцию). Во-вторых, уже сформировавшаяся в словесно-художественном творчестве определённая «заангажированность» данного способа характеристики нередко приводит к тому, что персонаж (естественно, с подачи автора) использует его для введения партнёра по общению в заблуждение – в одной из мизансцен пьесы «По дороге к

себе», фрагменты из которой приведён выше (первые две цитаты), мы наблюдаем именно такую картину: Таня верит, что перед нею иностранец, ориентируясь прежде всего на специфическое произношение Евгения.

Поскольку выраженное своеобразие индивидуально-авторского почерка Марии Арбатовой не раз подчёркивалось многими исследователями [см., например: 6], основной интерес представляют, на наш взгляд, именно сигналы инокультурности персонажей, посредством которых демонстрируется специфика индивидуально-стилистической манеры драматурга, тем более что именно они непосредственно участвуют и в формировании интриги произведения, и в придании словесному пространству неповторимого колорита.

В первую очередь это содержащиеся в речи персонажей высказывания, в которых акцентируются подмеченные ими отличия в восприятии ряда жизненных явлений, позиций по тому или иному поводу и т. д., в основе которых лежат отличные культурный «багаж» (как коллективно-национальный, так и индивидуально-личностный) и накопленный опыт. Интересно, что подобного характера замечания встречаются как в речи «коренных» представителей изображённого в пьесе культурного пространства – граждан Голландии, родившихся либо давно живущих в этой стране, так и «пришлых», попавших в изображаемую национально-культурную среду сравнительно недавно из совсем иного мира – бывшего социалистического лагеря, прежде всего из России. Так, например, многие персонажи высказывают собственную точку зрения на царящий в западном мире прагматизм, как известно, подчиняющий себе многие другие желания и чувства человека. В речи Герберта Штрюма, пожилого голландца, в дом которого попадает русский эмигрант Евгений, позиция по данному поводу выражена предельно определённо: любое увлечение идеями, т. е. чем-то нематериальным, представляется Герберту бесперспективным, лишь мешающим созданию необходимых для нормальной, по его представлениям, жизни материальных благ (выделено мною. – И. З.):

«Герберт. Скажу тебе по секрету, я старый военный, но главный военный на улице Ходе Бокрем — моя жена Анита. **Послушай, парень, антропософия — игрушка для богатых. Займись бизнесом. Я не верю, что ты ехал в нашу страну за идеями.** Попугай любит зёрна. Пойди в кладовую, Анита любит покупать всякую дрянь в магазине натуральной пищи.

Евгений. Это правда, я эмигрировал не за идеями, но антропософы перевернули мои взгляды на мир.

Герберт. Вы, русские, доверчивы как дети. Вам все равно, кому верить: вы верили Ленину, вы верили Сталину, вы верили Горбачеву, теперь вы верите Ельцину. **Вы вместо того, чтобы строить дом, строите идею, живете в ней и удивляетесь, почему капает дождь и врывается ветер»** [1, с. 721–722].

Весьма сходную с позицией Герберта точку зрения высказывает ещё одна героиня пьесы – Стефани, украинка по происхождению из бывшего СССР, которая уже провела за рубежом семь лет и сумела,

пройдя через многие трудности и унижения, достичь определённого уровня благополучия – в частности, в своём нынешнем статусе она может позволить себе иметь служанку, в роли которой на короткое время оказывается Таня. Однако при этом точкой отсчёта для оценки западного мира, внутри которого Стефани оказалась, судя по всему, всё же остаётся её прежняя жизнь в СССР: она живёт по жизненным законам запада, но полностью их всё же не приняла. Рекомендации своего любовника Джулиана (за счёт которого она вполне безбедно существует) экономить при покупках Стефани воспринимает скорее как оскорбление, что, впрочем, не мешает ей вести себя с другими (в частности, со стремительно сменяющимися друг друга по её прихоти служанкам) аналогично Джулиану (в высказываниях Стефани выделено мною. – *И. З.*):

«**Таня.** Господин Джулиан такой милый, такой богатый! Вам так повезло, хоть он и пожилой.

Стефани. Ха-ха-ха! Повезло! Семь лет оттрубила, а завешание как было на сына, так и осталось! И попробуй заикнись! Я за каждую купленную пуговицу отчитываюсь, за каждую шоколадку объясняюсь. У них так принято, мать их... Ты знаешь, сколько у него денег? Тебе такие цифры и не снились! А он мне объясняет, что косметику надо покупать оптом! Понимаешь?

Таня. Нет.

Стефани. Вот смотри, зашла я в дорогой магазин, купила себе крем за десять гульденов, бросила в сумочку и иду, как человек. А так я, как чёрная, бегу и думаю, где я на десять гульденов куплю три пачки этого крема! Мне сорок пять лет, так я должна ещё бегать?

Таня. Так это ж лучше, за те же деньги три крема! Разве нет?

Стефани. Всё, Танька! Ты тупая! Ты своей совковой психологией ничего не нагребёшь! Езжай до дому, до хаты! Здесь другой принцип: скажи, что у тебя есть миллион, и у тебя он будет!» [1, с. 715].

Не разделяет традиционных западных представлений о жизненных ценностях и Евгений, хотя за границу он уже три года назад и приехал прежде всего на заработки; в разговоре с Таней, вводя её «в курс» западного контекста жизни, он подчёркивает разницу между русскими женщинами и немками, осуждая, впрочем, при этом и тех, и других (выделено мною. – *И. З.*):

«**Евгений.** Знаешь, немки — они совсем другие. У нас, каждая продавщица принца ждет, а здесь каждая хиппи деньги считает. Правда! Да если бы моя жена меня любила, я б ей в Москве Берлин построил!» [1, с. 710].

И тем не менее родственную душу Евгений находит именно в представительнице запада – в дочери Штрюмов Елене, что и побуждает его быть предельно откровенным в беседе с этой героиней, несмотря на то, что в ходе разговора Евгений приходит к весьма неутешительным для себя итогам (в репликах персонажей выделено мною. – *И. З.*):

«**Евгений.** Мне очень хорошо с тобой. И мне плохо с самим собой.

Елена. Мы вчера слишком много выпили. Тебе плохо от этого.

Евгений. Я ехал на Запад, чтобы сделать большие деньги, чтобы однажды вернуться и проехать мимо моей бывшей жены на «мерседесе», чтобы увидеть её перекосившееся от этого глупенькое лицо! Понимаешь?

Елена. Русские всегда так быстро предлагают свою душу?

Евгений (*зло*). Всегда!

Елена. Но ведь это так неосторожно, ведь мы знакомы одну ночь.

Евгений (*кричит*). Это всё равно! Ради того, чтобы омрачить лицо бабы, которую я всегда презирал, я три года делаю с собой то, чего бы не сделал со мной злейший враг! Я опустился на дно! Я чуть не стал вором! Понимаешь?

Елена (*гладит его по голове*). Все будет хорошо, успокойся... Надо немножко выпить.

Евгений. Я чуть не обокрал дурочку, которая приехала сюда так же, как и я. Я вошёл в дом твоих родителей по поддельному письму. Я даже не знал, кто такой Штайнер. Я так всегда в институте ходил на экзамены... Это был такой спорт, смогу обдурить профессора или нет. Я действительно хотел жениться на гульденах какой-нибудь медитирующей бездельницы, и, уж поверь, я сделал бы ее более счастливой, чем Штайнер. И вот опять что-то во мне сломалось...

Елена. Почему ты это говоришь мне?

Евгений. Потому что ты первый человек за три года здесь, который может понять, о чём я говорю. У всех остальных на морде табличка: «Это есть твоя проблема, парень».

Елена. Но ведь это действительно твоя проблема. Твоя гордыня сделала из тебя раба, а ты кричишь так громко, как будто виноват весь мир. Мне показалось, что я тоже виновата перед тобой» [1, с. 737–738].

Весьма оригинальный способ автор находит и для разрешения «идеологических» (сложившихся преимущественно на базе отличий национально-культурных) разногласий представляющих разные лингвокультуры персонажей, которых, по замыслу драматурга, должна объединить провозглашённая режиссёром Мартином идея очищения мира «через очищение человека». Эту идею Мартин излагает в разговоре с Таней, которая, уже достаточно хорошо изучив заграничные правила жизни, поначалу отвергает ее, даже не попытавшись вникнуть в суть. Наученная горьким опытом, уже пережив множество разочарований, которые явно серьёзно поколебали её веру в душевное людское благородство, Таня никак не может осознать, что в этом, насквозь пронизанном материальной выгодой мире, ей встретился человек, который размышляет о спасении человеческой души, а не переводит всё в плоскость денежной стоимости (в речи Мартина выделено мною. — И. З.):

«**Мартин.** Понимаешь, человек загрязнил мир, и за это мир загрязнил человека. Мир можно спасти только через очищение человека. Очистившийся человек начинает очищать мир. Понимаешь, надо выходить на улицу и начинать мыть и чистить. Это моя концепция спасения человечества. Единственная реальная молитва сегодня — это вычищенный лоскуток земли. Понимаешь?

Таня. Я очень плохо понимаю по-английски.

Мартин. Ты должна понять! У тебя такое лицо! У тебя лицо, похожее на букет полевых цветов! ...

Мартин (*показывает руками*). Ты будешь мыть, чистить полы, стены, мостовую, ты будешь протирать листья на деревьях.

Таня (*в ужасе*). Мыть? Опять мыть? Я больше не хочу мыть!

Мартин. Это диалог с космосом, понимаешь? Однажды все люди выйдут на улицы и за один день вымоют весь мир. Понимаешь?

Таня. Я не понимаю. Я согласна на любую работу. Сколько гульденов?

Мартин. Голландия очень чистая страна, здесь должны быстро воспринять мои идеи» [1, с. 742–743].

Из приведённого фрагмента явствует, что распространённую среди представителей запада позицию прагматика в данном случае занимает именно Таня, в принципе чужой в этом социокультурном контексте человек, гастарбайтер из России, а не исконный представитель западного мира, где, как Таня уже успела убедиться, духовные ценности практически всегда приносятся в жертву материальным, поскольку воспринимаются как ненужные препятствия на пути к достижению благополучия. В этой связи весьма показательно, что глагол «мыть», употреблённый Мартином в переносном, символическом смысле ('избавление от всего плохого, мешающего человеку оставаться человеком, заботиться о своей душе'), Таня, которая большую часть своего пребывания в Голландии проработала во всевозможных местах уборщицей, не может понять иначе как в буквальном значении: *мыть полы*, т. е. 'заниматься уборкой': «**Таня** (*в ужасе*). Мыть? Опять мыть? Я больше не хочу мыть!».

Кстати, весьма примечательно и указание на то, чем руководствовался Мартин, выбирая Голландию как наиболее подходящую территорию для реализации своих идей – он предпочёл эту страну из-за *чистоты*: «**Мартин**. Голландия очень чистая страна, здесь должны быстро воспринять мои идеи». Вероятно, в данном случае слово «чистый» следует воспринимать как реализующееся в контексте минимум в двух значениях: 'незагрязнённый, незапачканный' и 'безупречный в нравственном отношении', поскольку, с одной стороны, очевидна символичность высказывания Мартина, однако нельзя не учитывать и того, что в реальной жизни Голландия в самом деле имеет в Европе репутацию страны с наибольшим порядком, а значит и чистотой.

Достигнутый Мартином в процессе речевого взаимодействия с Таней результат можно вполне рассматривать как коммуникативную удачу в межкультурном общении: ему удалось убедить собеседницу, представительницу иного национально-культурного сообщества, проникнуться на первый взгляд абсолютно утопической идеей, восприняв которую Таня действует как единомышленница Мартина:

«**Мартин** (*оборачивается к нему*). Тише! Посмотрите, как работает моя новая актриса! Она всё поняла без переводчика! Я рад, что вы всё-таки пришли... Вы только посмотрите на неё... она работает на линии сердца!

Евгений видит Таню.

(*Тане.*) Ты вымоешь эту стену, потом вымоешь другую стену! Постепенно мы вымоем весь мир! Потом придут художники и распишут эти стены! Потом

придут свободные и терпеливые люди, они не будут говорить друг другу: «Этот ты сделаешь по-моему!» У них родятся дети, которым не надо будет искать себя, потому что на свободе люди и так рождаются самими собой!» [1, с. 751].

Более того, общность взглядов Тани и Мартина (хотя и очевидно ситуативная, которая, по всей вероятности, долго не просуществует) послужила основой того, что именно они оказались центром притяжения для всех, очень разных по национально-культурным характеристикам персонажей – идея «что-либо вымыть» пусть очень ненадолго, объединила их, заставив задуматься о необходимости очищать пространство не только вокруг, но и внутри себя, в своём душевном мире (в высказываниях персонажей выделено мною. – И. З.):

«Входит Стефани.

Мартин. Кто вы?

Стефани. У меня пропал попугай, **я хочу что-нибудь вымыть.**

Мартин (*подаёт ей ведро и губку*). Пожалуйста.

Стефани моет. Входит Герберт.

Герберт. Мне очень одиноко... **Я хотел бы что-нибудь вымыть.**

Жаклин (*подаёт ему ведро и губку*). Пожалуйста.

Входит Анита.

Анита. Я так давно не видела своих внуков. **Мне необходимо что-нибудь вымыть.**

Ричард (*подаёт ей ведро и губку*). Пожалуйста.

Входит Кристоф.

Кристоф. **Я готов что-нибудь вымыть.** Нет проблем.

Таня (*подаёт ему ведро и губку*). Пожалуйста.

Входит Елена.

Елена. У меня ещё два часа. **Я тоже могу что-нибудь вымыть.**

Евгений (*подаёт ей ведро и губку*). Пожалуйста.

Входит Бадбаяр.

Бадбаяр. Монголия чистый. Европа грязный. **Я хочу мыть.**

Мартин (*подаёт ему ведро и губку*). Пожалуйста.

...Они моют полы и ступени, вовлекая в это зрителей. Потом выходят из помещения театра, моют улицу, моют город, они моют весь мир...» [1, с. 751–752].

Консолидация представителей разных культур вокруг идеи Мартина воплощается в тексте пьесы прежде всего с помощью повтора (практически тождественного) фразы, выражающей желание что-либо мыть (одновременно – буквально и символически), в высказываниях всех участвующих в заключительной мизансцене персонажей (эти текстовые фрагменты выделены в приведённой цитате полужирным шрифтом). Помимо повтора, эффективность воздействия донесения до адресата данной информации обеспечивается тем, что персонажи называют абсолютно разные причины, побуждающие их к мытью: *пропажа попугая* (Стефани), *одиночество* (Герберт), *наличие свободного времени* (Елена) т. д.; на фоне контрастности этих мотивов объединившее всех желание действовать «в одном направлении» осознаётся как особо значимое.

Наконец, ещё одним акцентом на объединившем персонажей стремлении к чистоте, является заключительная ремарка пьесы, градационно (использован приём *восходящей градации*) подчёркивающая наиболее концептуально важный для автора смысл (элементы, образующие в тексте данную стилистическую фигуру, выделены полужирным курсивом): «...**Они моют полы и ступени, вовлекая в это зрителей. Потом выходят из помещения театра, моют улицу, моют город, они моют весь мир...**».

Литература

1. **Арбатова М.** По дороге к себе. *Пьеса-путешествие* // Арбатова М. По дороге к себе. Пьесы. – М.: Изд. Дом «Подкова», 1999. – С. 697–752.
2. **Болотнова Н. С.** Коммуникативная стилистика художественного текста // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 157–162.
3. **Зайцева И. П.** Современная драматургическая речь как объект изучения коммуникативной стилистики художественного текста // *Русская филология. Укр. вестн.* – № 1 (32). – 2007. – Харьков, 2007. – С. 10–18.
4. **Зайцева И. П.** Современный драматургический дискурс в аспекте коммуникативной стилистики // *Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология».* – Т. 20 (59). – № 1. – Симферополь, 2007. – С. 304–310.
5. **Красных В. В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
6. **Эрнандес И.** Ересь любви // *Современная драматургия.* – 1996. – № 1. – С. 169–174.

В статье анализируется процесс межкультурной коммуникации, художественно воплощённый в пьесе «По дороге к себе» популярной современной писательницы Марии Арбатовой. Основное внимание уделено лингвистическим показателям принадлежности персонажей произведения к той или иной национальной лингвокультуре, которые в ходе предпринятого анализа были выявлены на разных текстовых уровнях.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивная база, персонаж, драматургически дискурс, лингвокультура.

У статті аналізується процес між культурної комунікації, що художньо втілений у п'єсі „По дорозі до себе” популярної сучасної письменниці Марії Арбатової. Основну увагу приділено лінгвістичним показникам належності персонажів твору до тієї або іншої національної лінгвокультури, які у процесі проведеного аналізу було виявлено на різних текстових рівнях.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, когнітивна база, персонаж, драматургічний дискурс, лінгвокультура.

The article deals with the process of intercultural communication, that is artistically embodied in the play «On the Way to Myself» by the popular modern writer Maria Arbatova. The main attention is paid to linguistic index of heroes' belonging to different national linguistic cultures that is discovered during the analysis on different textual levels.

Key words: intercultural communication, cognitive base, hero, drama discourse, linguistic culture.

А. С. Зеленько

**РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ С.С. ЄРМОЛЕНКА «МОВНЕ
МОДЕЛЮВАННЯ ДІЙНОСТІ І ЗНАКОВА СТРУКТУРА МОВНИХ
ОДИНИЦЬ»¹**

Пропонована книга – одна з небагатьох у сучасній україністиці, бо присвячена загальнотеоретичній проблемі. У ній дослідник зупиняється на розгляді двох невеликих етапів становлення знака, зокрема трансформуванні пізнаваної реальної діяльності в процесі взаємодії людини із зовнішнім середовищем через суспільний та виробничий досвід у процесі матеріалізації ситуації у вигляді фрейму, еволюціонуючи від позавербального до вербального компонентів, а також формуванні синтаксичних одиниць-категорій на основі взаємодії вербального компонента з лінгвістичним і позамовним текстами.

С.С. Єрмоленко не обіцяє деталізовано прослідкувати за становленням мовного знака від трансформування й позначення мовної дійсності до сформування членороздільної звукової природної й звукової наукової мови, зокрема шлях від матеріалізованої жестом дифузної ситуації до двочленного речення-судження. Він фактично реконструює лише якийсь період у формуванні звукової мови на етапі розчленування ритуалу на змістовий та виражальний компоненти. Змістовий компонент ритуалу трансформувалася у міф. Міф став основою всіх мистецтв, зокрема художньої літератури через усну народну творчість у вигляді художньої моделі світу, а також релігійної й наукової моделей світу. Виразальний компонент ритуалу трансформується в повсякденно-побутову модель світу. Цілком сприймаємо підсумкову тезу першого розділу, запозичену С.С. Єрмоленком у мовознавця Е. Ітконена про те, що «іконічний знак (власне кажучи, й будь-який інший, оскільки іконізм є тією чи іншою мірою завжди присутнім у знаковій структурі), не лише позначає, виражає й відображає його (у тому чи іншому сенсі), а водночас і „створює” (часом і без лапок) цей свій об’єкт, нав’язуючи йому свій образ, хибний чи істинний, чи й узагалі гіпотетично переноситься у площину самої дійсності, ототожнюючись із нею (щоправда, спершу зауваживши, що суто онтологічний іконізм є неможливим через неминучу концептуалізацію дійсності в людській свідомості, унаслідок чого онтологічна ізоморфність завжди виступає в певному когнітивному контексті» [3, с. 61]. Тут доречно було згадати про тлумачення значення слова Л.С. Виготським як єдності позамовної дійсності й позамовного звука, що уточнює концепцію О.О. Потебні про значення слова. У даному випадку не вистачає хіба нами обґрунтованого положення про трикомпонентність свідомості.

При обґрунтуванні проблеми про відносне умотивування мовного знака, започатковане по-науковому Ч.С. Пірсом, С.С. Єрмоленко більше чи менше посилається на роботи багатьох російських, українських і зарубіжних учених, зокрема С.С. Аверинцева, Р. Антілу, М.М. Бахтіна, Т. Вінгенштейна, Т.В. Гамкрелідзе, Г.М. Гертнера, Б.М. Гаспарова, Т. Гівона, В.У. Дреслера,

А.І. Журавльова, Дж. Лойонза, О.Ф. Лосєва, С. Карцевського, В. Майерталера, О.С. Мельчука, О.О. Потебні, Т. Сібеока, Ю.С. Степанова, Н. Хомського, М. Шепайро, Р.О. Якобсона та ін.

Це аж ніяк не може однозначно сприйматися без цілісного запровадження у науковий обіг концепцій вітчизняних російських та українських мовознавців, психологів, філософів М.М. Бахтіна, Т.В. Гамкрелідзе, Л.С. Виготського, О.О. Потебні й нині потроху втягнутого М.Я. Марра, а також зарубіжних Е. Сепіра, Р.О. Якобсона, Н. Хомського.

С.С. Єрмоленку не можна закинути у нехтуванні концепцією О.О. Потебні, але, здається було б доречніше саме цілісне посилання на всю концепцію вченого, бо це дало б йому можливість шляхом синтезу здобутків попередників сформулювати свою цілісну концепцію. Так не використано належним чином у концепції О.О. Потебні вчення про внутрішню форму слова. Чому б не взяти до уваги відзначені О.О. Потебнею спільне й відмінне поетичного (художнього) й прозаїчного (наукового) осмислення дійсності й виділену між мовою й мисленням внутрішню форму слова як проміжну ланку. Вчення про теорію інтеріоризації, визначення значення як своєрідного синтезу позамовної дійсності й позамовних звуків Л.С. Виготського органічно доповнило попереднього ученого.

С.С. Єрмоленко деталізовано опирається на природну граматику, тоді як концепцію Наома Хомського фактично відкидає. Ним нехтується вчення Наома Хомського про розрізнення глибинних та поверхневих структур під приводом обвинувачення вченого в абсолютизації генетичної зумовленості глибинних структур.

Обійти концепцію М.Я. Марра, зокрема, положення про «ручну» мову, також не можна, бо важко пояснити ускладнений зв'язок між позначуваням і позначеним у знакові. Визнання ж «ручної» мови стало підставою виділення мови («ручної» й звукової) з соціологізованого ритуалу. Актуалізувалося питання про використання принципів синергетики, бо не можна зрозуміти трансформування інстинкту в ритуал. Під цим кутом зору мова заходить про синтетичну еволюційну теорію.

Певні, небажання визнати «ручну» мову не дає підстав відтворювати науково процес формування знака з незнака (реальної дійсності). Лише запровадження незвукового знака-жеста може пояснити виявлену С.С. Єрмоленком закономірну тенденцію до стягнення вербальних знаків. Якщо визнати синкретичність ритуалу і його компонентів – фреймів, то природним було б визнати первинний передвербальний знак-жест на позначення виділюваного з ритуалу фрейму. Отже, смислова двокомпонентність первинного фрейму не заперечує потреби перед знака-жеста, для якого притаманна моносемність. Ця властивість була характерною для первинних вербальних лексем-сем. На відміну від виявленої С.С. Єрмоленком у сучасних мовах тенденції до конденсації й синкретизму лексем первинні слова-знаки були дифузними щодо значення в аспекті синтагматичному. Передзнаки-жести з самого початку за своєю природою однозначні, але дифузні. Жест глухонімого, скажімо, позначає у різних ситуаціях-фреймах «ніж», «різати», «гострий».

Другий розділ краще було б почати з визнання того, що паремії (прислів'я, приказки, відповідно й загадки) є компонентами первинної комплексної, чи синтетичної ритуалізованої повсякденно-побутової моделі

світу. Доречними є застереження автора [3, с. 63] про те, що він аналізує вербалізовані уламки названої моделі світу. Таким же доречним було б і зауваження, що ця картина світу ритмічна й позачасова стосовно історичного часу. Логічним є й наголошення автора на давнішому усномовному характері відбиття доісторичної дійсності аналізованим позачасовим ритмізованим ритуалом, а також на заміні історичного часу, представленого народним календарем [3, с. 64]. Це свідчить, що автор книги розуміє, що «народний календар являє собою складову частину зафіксованої у фольклорі традиційної й навіть архаїчної етнічної картини, чи моделі світу, а відтак природно шукати...відповідної тематики відображення такого архаїчного різновиду ментальності, якою є ментальність міфологічна» [3, с. 65]. Виявляється, він зважає не лише на змістову сторону паремій, але й «структурні риси» їх, як чимось позамовним зумовлені, бо йдеться про взаємодію змістової та формальної сторони паремій.

Надалі таким же логічним є звертання С.С. Єрмоленка до міфологічного мислення й витлумачення міфу як інтуїтивного узагальненого абстрактного й конкретно-образного відтворення «живих речей живого сприйняття» [3, с. 67]. Актуальною стає помічена дослідником особливість змісту міфу, міфологічного мислення – нечітке розрізнення суб'єкта та об'єкта, предмета й знака, речі та слова, істоти та ймення, речі та її атрибутів, одиничного та множинного, просторових та часових стосунків, початку й засади (тобто походження й сутності) [3, с. 73]. Одним з найвних міфів учений називає питання про співвідношення знака та його об'єкта [3, с. 74]. Умотивованість зв'язку знака з позначуваною річчю ним пояснюється як витлумаченням позначуваного об'єкта, так й іманентно-знаковим виміром, зокрема й композитивністю, чи здатністю до поділу на складові частини нижчих рівнів [3, с. 75]. Останнє споріднює таке бачення проблеми з принципами природної граматики, яка умотивованість мовної одиниці у міфології пояснює її іронічністю і пов'язує прозорість внутрішньої форми одиниць з відповідністю останньої властивостям людської психіки [3, с. 76].

Серед виявів природності названої концепції, чи співвідносності, називаються природна етимологія, перерозклад, вторинна деривація, тяжіння до ізоморфізму семантичної та формальної маркованості/немаркованості, що пояснюються мотиваційною пов'язаністю мовних явищ з певним фрагментом дійсності в аспекті не іманентно-структурних характеристик, а міфологічного аспекту [3, с. 76]. Мова заходить у даному випадку про міфологічність імені як атрибута позначуваного у сфері календарних паремій. До речі, у художньому дискурсі ця міфологічність очевидна у випадку фонетичної семантики, оживлення внутрішньої форми, патронімічних зв'язків при конструюванні тексту на засадах формально-семантичного ізоморфізму [3, с. 76–76]. Сюди ж відносяться дослідником ототожнення знака з об'єктом в офіційному дискурсі тоталітарного суспільства. Помічено, що з усіх названих засобів календарні паремії виділяються тим, що в них поєднуються архаїчні й позачасові, «пан-хронічні» риси міфологізму.

Календарні паремії С.С. Єрмоленком цілком логічно витлумачуються як вербалізований компонент повсякденно-побутової синтетичної моделі світу, в якій можна було б виділити ще й звичаї, ритуали (за С.С. Єрмоленком, це символічні обрядові події, незрозумілі для їх виконавців). Названа модель поєднує суму знань про природне доквілля й суспільну та виробничу діяльність

у їх взаємозв'язку, регульовану почуттєвим компонентом, закладеним в оцінних вербальних та невербальних формах свідомості людей. Вербальний компонент набуває емоційно-нормативного статусу й хронологічно стратифікується, а закодовуючись, втрачає свою смислову прозорість.

У пареміях визначаються компоненти на позначення певного стану речей і компоненти на позначення часового календарного маркера (наявного чи ймовірного). Виражаються такі вербалізовані компоненти складносурядними чи складнопідрядними структурами. Автор прослідковує стягнення двокомпонентних структур в однокомпонентне номінативне чи іменниково-прикметникове словосполучення. Окремо виділяються сконденсовані паремії із власним ім'ям світового патрона у значенні маркера з прикладкою або із згорнутою другою частиною.

Цілком обґрунтовані глави другого розділу, зокрема про структури семіотичної репрезентації тематики у відповідних пареміях, про міфологічні аспекти структури й функціонування мовних одиниць, їх місце у народно-календарній моделі світу, про структурно-семантичні схеми календарних паремій і їх граматичне вираження (їх типологію, особливості граматики сакральних найменувань, архаїчні риси у граматичному оформленні часової перспективи).

Цілком умотивованим є розділ 2.4. 2.1 «Архаїчні риси в граматичному оформленні часової перспективи», де робляться пошуки міфологічного формування часових форм на основі їх прототипів у паремійних мікротекстах. Серед особливостей прогностичних паремій (глава 2.5) автор відзначає вплив аналогії при їх творенні на позачасовий характер й констатує, що «у підґрунті простої з погляду її поверхневої синтаксичної структури паремії фактично знаходиться структура, що складається із двох складних пропозицій умовно-наслідкового типу» [3, с. 120].

Параметрами класифікацій цього типу дослідник обирає календарно-хронологічний і загальний семантико-класифікаційний принципи. Стосовно нижчого статусу метафори як типу зв'язку порівняно з метонімією у рецензента постає несприйняття, навіть зважаючи на спробу С.С. Єрмоленка пов'язувати індексальність з суміжністю, а іронічність – з метафоричністю. І це при тому, що він наголошує у ряді випадків на взаємозв'язку іконізму з індексальністю у процесі аналізу знаків. Можливо, це пояснюється тим, що вивчається календар, який постав на основі аналізу народного й релігійного варіантів, власне підмакроструктур повсякденно-побутової й релігійної моделей світу.

Значна обсягом глава другого розділу присвячена аналізу ролі формальних рис сакральних найменувань – хронологічних маркерів у формуванні змісту аналізованих паремій, зокрема про іконізм і трансцендентальність, іконізм сакральних імен у календарі, модальність календарного найменування, формальні рівні смислотворчого співвіднесення, зовнішній та внутрішній рівні форми.

Читаючи главу 2.6.1 «Іконізм і трансцендентальність. Про деякі знакові структури в релігійному дискурсі» [3, с. 137–146], ми виявили такі лінгвістичні категорії: релігійний дискурс дохристиянської й християнської моделей світу, міфологічна ментальність, ментальність релігійна (християнська), релігійне мислення, міфологічне мислення. До речі, автором звернуто увагу на те, що у християнській моделі констатується «збереження... схем семантичної дохристиянської еволюції» [3, с. 144]. Але чи не простіше було б скористатися

поняттями повсякденно-побутової синкретичної (вербальної й позавербальної), міфологічної давньогрецької (напередодні формування релігійної) моделей світу, з одного боку, та конкретно-образного (повсякденно-побутового), міфологічного, релігійного, художнього) типів мислення, протиставлених понятійному, з другого. Остання глава другого розділу присвячена аналізу ролі рими як текстотворчого засобу і як вторинного вияву зумовленості знака позначуванним.

У класичного традиційного текстолога й стиліста чи сучасного дискурсивного когнітивіста це реалізується у процесі дослідження тексту, зокрема поетичного. Саме цьому й присвячений великий третій розділ, в якому на матеріалі художніх творів цілого ряду мов робиться майстерний пошук взаємопереходу лексичного у граматичне, позамовного – у лінгвістичне. Згодні з дослідником, що третій розділ присвячений польовому аналізу «цілісної мовної формації», представленої полями персональності й темпоральності, об'єднаних у граматичну категорію дейксиса на основі індексальності, власне на матеріалі художнього дискурсу (ми б сказали художньої моделі світу). Між іншим, усе це можна було розповісти й доступніше, бо йдеться про становлення синтаксичних граматичних категорій особи та часу синтаксеми у її широкому розумінні від найпростішого речення до тексту у художньому творі. Третій розділ – це фактично аналіз складання тексту на основі синтезу різних його компонентів, спрямовуваного у його становленні опосередкованим соціологізовуванним впливом зовнішнього середовища.

Закономірності взаємодії образів у тексті аналізувалися М.М. Бахтіним, певною мірою – О.О. Потебнею. Природно, що на останніх при дослідженні художніх текстів час від часу посилається С.С. Єрмоленко. Наголошуємо, що він мав би послатися на своїх безпосередніх попередників. Так, можна було скористатися думками С.О. Васильєва з приводу аналізу різних жанрів [2, с. 91–128]. У підсумку С.О. Васильєв констатує, що «текст створюється з фрагментів предметного (отже, осмисленого) матеріального середовища, які упорядковуються засобами мови у процесі текстової діяльності людини, набувають умовного значення й статусу текстового (мовленнєвого) знака» [2, с. 133]. В іншому місці підкреслюється, що «у тексті відображається не лише її (людської свідомості) зміст, але й структури, які нав'язуються тому чи іншому фрагменту матеріальної субстанції, перетворюючи її в текст» [2, с. 227].

Певні, що в аспекті культурологічному третій розділ монографії ніби продовження відтепер уже кваліфікованих як класичних лінгвостилістичних досліджень О.О. Потебні. Інша хіба що термінологія, хоч в обох авторів, досить віддалених у часі їх діяльності, наявні й спільні не лише терміни, але й думки.

Фактично продовжує О.О. Потебню й конкурує з С.С. Єрмоленком інший його попередник Н.Ф. Алефіренко, аналізуючи поетичну енергію слова на матеріалі дослідження фразеологізмів [1].

Для рецензента проблематика постає не моделюванням й не дискурсивним, чи дискурсивно-когнітивним аналізом, а ізоморфізмом генного й мовного кодів. Принципи синергетичного детермінізму рецензента формуються на широкому тлі міжпредметних зв'язків мовознавства з філософією й психологією. Вони порівняно повно викладені у двох названих його книгах [5; 8] й цілому ряді розвідок [6; 7; 9]. Поглибленіше зупиняємося на роботах щойно згаданого філософа С.О. Васильєва [2] та мовознавця М.Ф. Алефіренка [1], яких безпідставно обійшов своєю увагою автор рецензованої монографії і

які беруться до уваги рецензентом. Відзначимо, що якщо С.О. Васильєв розв'язує проблему, аналізуючи питання про синтез смислу при створенні й розумінні тексту [2], М.Ф. Алефіренко – пізнаючи поетичну енергію слова на тлі витлумачення синергетики мови, свідомості, культури [1], то рецензент – виявляючи ізоморфізм генного й мовного кодів [5; 8].

До речі, якби допомогла С.С. Єрмоленку й книга О.В. Маслієвої, у якій прослідковується процес становлення категорії причинності через дослідження еволюції її у єдності з категоріями субстанції, простору, часу, мети і т.д. на основі історико-мовного аналізу [10, с. 100–101].

Паралелізм у дослідженні процесу мовотворення С.С. Єрмоленка й М.Ф. Алефіренка виявляє себе у підсумковому теоретичному положенні останнього, у завершальному абзаці книги: «Колись старозавітний Екклезіаст твердив, що всьому свій час – час розкидати каміння і час їх збирати. До недавнього часу ми розкидали каміння: розчленовували єдину за своєю природою ментальність, виділяючи у ній питання, які нібито „автономно” пов'язані з сенсорно-предметною діяльністю, мисленням, свідомістю, мовою та культурою. Нарешті, у зв'язку зі зміцненням позицій когнітивної лінгвістики і бурхливим розвитком культурології, прийшов час збирати каміння, не стільки для того, щоб підсумувати, скільки для створення єдиної когнітивно-дискурсивної концепції старої й завжди молоді, що приваблює своєю синергетичною цілісністю проблеми взаємодії мови, свідомості, культури» (переклад авт. – А. З.) [1, с. 368].

Обґрунтування С.С. Єрмоленком проблеми лексикалізації позамовної реальності на основі аналізу паремій (прислів'їв, приказок) і граматикизації у процесі трансформування лексичного іконічного образного сакрального у граматичне (індексальне) на основі аналізу художніх текстів стало б цілком умотивованим після ознайомлення з главою 2. «Смысл в текстах и смысл в предметном мире» у книзі уже не раз згаданого С.О. Васильєва [2, с. 81–108]. Мабуть, не було б потреби блукати у лабіринті філософських і психологічних аксіом М.М. Бахтіна, Ю.М. Лотмана та ін. Адже у філософа С.О. Васильєва чітко ставиться питання про розрізнення вербального й невербального у формуванні знака [2, с. 81–108, 109–134], їх взаємодію, про взаємодію знака з текстом [2, с. 109–134], про формування знака у процесі «творчого мислення, точніше підсвідомого формування світосприйняття» [2, с. 135–149]. Між іншим, саме С.О. Васильєв розрізняє предметне й знакове мислення [2, с. 104] й при цьому констатує: «Семіотизація й, зокрема, вербалізація мислительних процесів у сформованій людини, зайшла настільки далеко, що навіть у науковому дослідженні дуже важко відділити предметне мислення від мовленнєвих процедур, зв'язаних з оперуванням знаками. Але розрізнення між цими двома рівнями свідомості виявляється у деяких загальновідомих феноменах, наприклад, при явно усвідомлюваних труднощах відбору словесного матеріалу для вираження певної думки. У певних формах на певних нижчих рівнях свідомості ця думка повинна побутувати, бо інакше не можуть бути пояснені посталі труднощі у підборі відповідних словесних знаків. Можна припустити, що вона існує у вигляді „предметних значень” як більш абстрактних, „еталонних” одиниць, зв'язки яких абстрактно відображають на відповідному рівні свідомості реальні предметні відношення, структуру трудових операцій і актів поведінки» [2, с. 104].

Цілком сприймаємо і застереження С.О. Васильєва, що «матерія існує незалежно від людини, але її смислова визначеність й відповідно предметне розчленування похідні від практики» [2, с. 83]. Заслугує на сприйняття твердження С.О. Васильєва, що «мовний вислів у цілому і слово як частина його завжди наповнені конкретним змістом, виражають ціннісні установки автора, його життєву позицію і при цьому орієнтовані на співбесідника, тобто враховують його систему поглядів, відношення до змісту висловлювання і т.д.» [2, с. 47]. До речі, С.О. Васильєв доречно відзначив, що М.М. Бахтін відзначає у процесі перетворення смислу в образ смисл-повідомлення і смисл-цінність, який реалізується матеріальними засобами певного жанру, зокрема й вербального мовного відтворення [2, с. 96]. Взагалі ж, С.О. Васильєв називає чотири стадії смислу: рівень, заданий смислом тих предметів, які використовуються у тексті як знаки (нульовий рівень), що лише формує матерію тексту, його план вираження; смисл-повідомлення, для маніфестації і трансляції якого створюється текст; смисл-цінність, який конкретний текст набуває у ролі особливого типу, тобто предметний, функціональний смисл, визначуваний значимістю даного тексту для життєдіяльності тієї чи іншої спільності людей [2, с. 97].

Синергетичний аспект аналізу мовних явищ сприймає визначені С.О. Васильєвим етапи художньої й наукової творчості, зокрема й творення тексту: 1) довільну сегментацію даної конкретності (предметного світу й світу текстів) на ізольовані фрагменти й абстрагування властивостей, ознак, структур, закономірностей тощо у вигляді стадії аналітичної діяльності; 2) перетворення (обробка, трансформація і навіть деформація) за раніше сформованою технологією фрагментів і властивостей; 3) пошук нових засобів зв'язку замість тих, які забезпечили первинну єдність і цілісність вихідного предмета, явища, тексту; 4) поєднання, тобто синтез раніше виділених і трансформованих фрагментів текстової і позатекстової реальності у нову смислову єдність на основі використання неканонічних зв'язків, тобто постання цілеспрямованого осмисленого синтезу, що утворює нову реальність [2, с. 139–148].

С.О. Васильєв серед складних щодо структурної організації текстів називає також ритуал, який він виділяє «на основі первісного синкретизму, а не на основі цілеспрямованого й самоусвідомлюючого породження певної смислової єдності з підготовлених смислосучих елементів» [2, с. 137] й визнає аналізовані ним синтезовані тексти, зокрема й ритуали, як такі, що «постають наслідком діяльності не окремих індивідів, а великих авторських колективів» [2, с. 137].

Ознайомлення зі схемою «Становление мировой художественной культуры в формах базовых жанров» у книзі В.П. Філімонова [15, I] дає можливість переконатись, що становлення мистецтва у всіх його жанрах не просто дуже тривалий проміжок часу, але й багатостадіальний: міф-обряд, фольклор, середньовічний епос, антична трагедія, новий завіт; житіє, собор, ікона, карнавал; трагедія Шекспіра, роман/кіно. Як ніхто інший, саме В.П. Філімонов відзначив неможливість понятійно-смислового членування міфологічної конкретно-образної моделі світу: «Міфологічна свідомість не припускає аналізу. Вона відтворює світ як цілісне почуттєве сприйняття» [15, I, с. 11]. Рецензент особливо наголошує, що цілісність сприйняття й відтворення світу завдячує почуттєвому, конкретно-образному характеру міфологічного художнього мислення [5, с. 101].

Отже, не зовсім виправданим, бачиться нам спроба С.С. Єрмоленка розв'язати таку важливу загальнотеоретичну проблему як зумовленість знака, його змісту й форми позамовним чинником лише в інтерпретації Ч.С. Пірса. При цьому згадуємо про попередника рецензованої книги. Чомусь С.С. Єрмоленком не помічено залишилась спроба аналізу протиставлення положення Фердинанда де Сосюра про довільний зв'язок знака з позначуваням у Ч.С. Пірса у того ж таки С.О. Васильєва [2]. Тим більше, що й сам С.С. Єрмоленко, наголошуючи на взаємозв'язку категорій іконічності й індексальності у процесі формування мовного знака, фактично визнає нечіткість в онтологічному визначенні їх. Саме механічне сприйняття С.С. Єрмоленком ієрархії знаків (іконіми, індекси, символи) стає причиною, що автор замість аксіоматичного визнання первинної образної сакральності мовного знака, успадкованої від сакральності жеста «ручної» мови, яка виділилася із сакрального синкретичного ритуалу, чомусь не реконструює сакральну образність, а моделює її. До речі, не визначено чітко: поняття моделювання відтворює закладену сакральність у знака чи приписує її знаку. Первинним у процесі пізнання й «мовної» матеріалізації був сакральний матеріально сприйманий протосимвол, який проходив стадію «ручного» символа-образу, трансформуючись у вербальний мовний власне символ, який функціонує й у сучасної людини у вигляді немовних символів різного смислового понятійного й соціального та естетичного рівнів. Певні, що слід розрізняти слова-символи, виділювані у мовній картині світу, й образні емоційно забарвлені й нейтральні слова, за допомогою яких формуються символи. Такі слова – це засоби відтворення невербальних символів, відтворення соціально-психологічно й естетично ритуалів, актів поведінки соціологізації немовних символів.

Зрозуміло, С.С. Єрмоленко не лише у процесі вибору теми, але й після підготовки монографії й завершення роботи над дисертацією припускав, що розв'язком питання про зумовленість знака йому вдається прослідкувати весь шлях становлення знака від позамовної реальності до свідомості у вигляді сукупності кількох моделей світу.

На жаль, можливості його як всебічно обдарованого лінгвіста були нейтралізовані вадами академічної підготовки, що обмежили його у всебічному охопленні цілісного процесу мовотворення на тлі усього процесу пізнання. Те могла дати вузівська робота на загальнотеоретичній кафедрі. Не вистачило у дослідника бажання чи можливості проаналізувати всю еволюцію становлення світового (точніше європейського й слов'янського) мовознавства як еволюцію лінгвістичних парадигм. І це при тім, що він добре обізнаний не лише з когнітивною, але й майже з усіма іншими, зокрема структурною, генеративною, компаративною лінгвістичними та описовим мовознавством.

Констатуємо, що обмеженість у часі не дала йому змоги по-справжньому ознайомитися із здобутками сучасної класичної психології, що останніми десятиліттями компенсує неприйняття філософії. Тим більше, слід визнати, що українські мовознавці, не особливо приділяючи увагу проблемам соціолінгвістики, нехтують психолінгвістикою. Якщо в Інституті мовознавства відділ соціолінгвістики все ж наявний, то про відділ психолінгвістики поки що немає. Цим, мабуть, і пояснюється недостатнє залучення С.С. Єрмоленко здобутків психології.

Визнаючи право автора мати свій вибір, його спрямованість на деталізованість у дослідженні фактичного матеріалу, все ж вважаємо, що загальнотеоретична проблема, піднята рецензентом, потребувала ширшого комплексного підходу. До речі, це демонстрували уже названі Вільгельм фон Гумбольдт, О.О. Потебня, Л.С. Виготський, Т.В. Гамкрелідзе, Р.О. Якобсон, Ноам Хомський та ін. Це засвідчили й уже згадані нами С.О. Васильєв, Н.Ф. Алефіренко і сам рецензент. Між іншим, можливо, що саме тенденція на деталізованість та надмірна насиченість вузькими й загальнонауковими термінами, стали причинами певною мірою важкого сприйняття книги.

Можна по-різному ставитися до пропагованої рецензентом лінгвістичної парадигми лінгвістичного (синергетичного) детермінізму, але треба визнати доцільною його спробу через реабілітацію «нового вчення» М.Я. Марра, поєднану з концепціями О.О. Потебні, теорією інтеріоризації Л.С. Виготського, наголошенням на аксіомі Зигмунда Фрейда про абсолютизацію у людини підсвідомого конкретно-образного мислення, вченням Ноама Хомського про поверхневі й глибинні структури, визнати суголосність названої парадигми зі спробою С.С. Єрмоленка через мовне моделювання відтворити на конкретному матеріалі процес формування звукової мови.

Стосовно ж парадигми самого рецензента, то відзначимо, що визначальними у синергетичному детермінізмі ми називаємо трансформування однієї системи в іншу через хаос, по-перше, розрізнення у процесі становлення пізнання людини категорій мислення й свідомості, по-друге. Ці принципи прямо чи опосередковано й приховано поєднують концепції С.О. Васильєва, М.Ф. Алефіренка, С.С. Єрмоленка й рецензента. До речі, з основним принципом синергетики цілком узгоджуються біологічна інтенціональність, фізіологічне наслідування, лінгвістична валентність, принцип аналізу вищих синтезів у психології, філософські принципи переходу кількості у якість і закон заперечення заперечення. Повсякденний досвід також переконує, що довершені, кваліфіковано виготовлені предмети, речі викликають у майстрів сакральне й естетичне враження. У кваліфікованого майстра відчувається обожнення матеріалу, з яким він працює. Часто можна почути, що руки столяра відчувають тепло дерева, руки гончара відчувають глину. Тут очевидна сакральність у ставленні до матеріалу.

Припускаємо, що когнітивний аспект дослідження мови базується саме на тому, що весь розвиток мови здійснюється на аксіоматичному визнанні зумовленості з'яви і функціонування «ручної», звукової, комп'ютерної мов змінами закономірностей ноосфери, що постала у процесі взаємодії людини з середовищем. Мова, як і біологічний генетичний код (як ручна, так і звукова), є наслідком психічної діяльності, що постала у процесі інстинктивно-біологічної, а потім напівусвідомленої взаємодії організму людини з природним середовищем, яке перетворювалося у процесі функціонування людини у ноосферу. Отже, джерелом формування генетичного коду з самого початку були закономірності функціонування самого природного середовища, які у процесі його взаємодії з протоллюдиною ставали закономірностями взаємодії її зі змінюваним нею середовищем. Відповідно ієрархію мови можна представити у вигляді трансформування анатомо-біологічного предметного інстинктивного «тексту», через стрес трансформованого у соціологізовано психологічний ритуал, який диференціювався на повсякденно-побутовий ритуал, представлений синтезом «ручної» й протOVERBальної мови, яка в процесі

подальшого олюднення характеризувався зростаючою часткою вербального елемента, й протомистецтво, що в еволюції людської свідомості диференціювалося у різні види мистецтв. До речі, слід констатувати на пізнішому етапі синтез різних видів мистецтв і створення синкретичних оперети, опери, кіно. Сприяло б розумінню щойно сказаного наголошення на функціонуванні мовної картини світу, точніше повсякденно-побутової моделі світу, трансформованої у протомистецтво (синтетичне на перших порах) і вербалізовану повсякденно-побутову модель світу. Фактично С.С. Єрмоленко це весь час робить на основі аналізу динаміки структурно виражених чи не виражених структурно (спрощених лексично, чи стягнених) паремій.

На думку рецензента, дослідник поглибленіше мав би використати категорію ритуалу. З нього виділився міф в аспекті змісту, започаткувавши словесну художню картину світу. Ритуал залишився діючим у повсякденно-побутовій картині світу, а на якихось етапах трансформувався у вигляді фольклору у художню модель. На рівні прислів'їв, приказок як вербальних засобів і звичок, обрядів він залишався засобом вираження більшою чи меншою мірою цілісної повсякденно-побутової моделі світу. Вербальні прислів'я, приказки, загадки послужили на якомусь етапі формою творення художньої літератури як компонента художньої моделі світу, а звичаї, обряди – інших видів мистецтв тієї ж таки моделі світу. Предмет, явище зумовили сформування образу-символу предмета, явища на основі суміжності (метонімії) й подібності (метафори). Співвідношення предметів, явищ та образів їх було перенесене у співвідношення образів-предметів. Цей етап становлення мислення, мови, свідомості ніяк не можна ототожнювати з сучасним їх станом.

Процес визначення у мові й мовознавстві суб'єкта й предиката, груп підмета й присудка – дуже пізній. Він завдячує утвердженню у пізнанні закономірностей понятійного мислення. На жаль, до останнього у психології абсолютизувався саме понятійний тип мислення, з яким асоціювалася уся структура свідомості. Така постановка питання негативно позначалася на розгляді цілого ряду загальнотеоретичних проблем у гуманітарних галузях науки, зокрема у філософії, психології, мовознавстві. Методологія синергетичного детермінізму має цьому зарадити.

Певні, треба б розрізнити підсвідомість, у якій визначальним компонентом постає конкретно-образне мислення, й свідомість, у якій вагому роль відіграє понятійне мислення. Структура свідомості сучасної людини витлумачується у процесі пізнання трикомпонентності (ментального й почуттєвого компонентів та вольових актів) та трикомпонентності ментального компонента (наочно-дійового, конкретно-образного, понятійного типів мислення) й наголошення на співвідношенні ментального й почуттєвого у становленні свідомості і різних типів мислення. Визнання трикомпонентності свідомості й мислення дає змогу зрозуміти, що якщо «ручна» мова формувалася на етапі взаємодії підсвідомого функціонування «ручної» мови у супроводі наочно-дійового мислення, то звукова мова формувалася також підсвідомо на основі конкретно-образного та наочно-дійового їх типів. Свідомість як така формується на основі понятійного мислення у процесі трансформування конкретно-образного мислення засобами формованої звукової мови, мови науки у вигляді численних секторів наукової моделі світу (зокрема й лінгвістичної), представлених термінологічними галузевими енциклопедіями і словниками. При цьому треба б пам'ятати, що саме Зигмунд Фрейд констатував, що сучасна

людина живе у світі підсвідомого, свідоме ж у функціонуванні людини представлене кількома відсотками. У відповідності з щойно сказаним ми твердимо, що й звукова природна мова, яка постала на півмільйонному етапі формування неандертальця, склалася підсвідомо на основі конкретно-образного мислення. Відповідно повторюємо, що відтворення картини світу здійснюється через зіставлення ситуацій у природному середовищі і повсякденному побуті. Це могло здійснюватися на основі метонімії чи метафори шляхом перенесення виявленого на гіпотетично заохочуване чи заборонене дійство у повсякденно-побутовій картині світу.

Справжнє розуміння еволюції свідомості (мислення) й мови стає зрозумілішим, якщо згадати, що підсвідомо (на конкретно-образному мисленні) фонема як звук мови (без усвідомлення наявності розрізнявальної ознаки) була визначена ще давніми греками при укладанні азбуки буквено-звукового письма за кілька століть до нашої ери, усвідомлення ж функціонального призначення фонем через розрізнявальні ознаки відбулося уже зусиллями мовознавців Західної Європи на початку XX століття; а в колишньому СРСР – у другій половині XX століття. Це було зроблено в аспекті змісту, пізнання фонем в аспекті форми (як складного звука з відповідними співвідношеннями хвиль певної довжини й частоти) нині фактично лише утверджується.

Нехтуванням принципами синергетичного детермінізму, найперше першим його принципом, пояснюється нинішня тупикова ситуація в українській когнітивно-функціональній лінгвістиці та наперед передбачуваній невдалій (бо невчасній) спробі укласти автоматизований тематичний семантичний тлумачний словник української мови.

Рецензентом ще у рефераті на проспект українського семантичного словника (1990) розповідалося про початок укладання автоматизованого семантичного словника української мови на матеріалі „Словника української мови”. Виявляється, він мав чимось нагадувати синонімічний словник, але словникова стаття мала складатися з кількох лексичних рядів, слова в лексичних рядах мали упорядковуватися за ступенем віддалення семантичної спорідненості від загальної одиниці та відносно самих слів. На жаль, чомусь не згадувалося про методіку структурно-семантичного аналізу [4, с. 144]. Ще раніше рецензентом констатовалося, що розмови про укладання подвоєного варіанта тлумачного словника і навіть вихід книги О.О. Тараненка [12, с. 256–258] не дали підстав сподіватись, що проблема укладання такого словника могла бути розв’язаною хоча б частково, бо посібник О.О. Тараненка виявився фактично інструкцією, а не обґрунтуванням загальнотеоретичної бази для укладання словника. Тлумачний семантичний словник будь-якої мови на сучасному етапі не міг не бути структурно-семантичним (а, відповідно, автоматизованим). Його реалізація можлива на базі, з одного боку, усієї теоретичної й практичної традиційної лексикології й лексикографії, а з другого – проблематики укладання ідеографічних тезаурусів у руслі когнітивної лінгвістики (і нами обґрунтованого лінгвістичного детермінізму) [8, с. 124]. І ось уже у 2002 році у своїй черговій монографії [4, с. 108] рецензент констатував: «Очевидно, саме аспекти парадигматичний і синтагматичний повинні доповнюватися прагматичним, пов’язаним зі стилістичною диференціацією».

Прагматично лексика літературної мови розмежовується на світську й релігійну, що стало реально сприйматися в українському мовознавстві в

останньому десятиріччі. У суто лінгвістичному аспекті прагмалінгвістику обґрунтовує Ю.М. Караулов у книзі «Русский язык и языковая личность», правда, здебільшого стосовно лексичного складу мови. На жаль, уся подальша практика по реалізації ідеографічного дослідження лексики російської мови через послідовність у прагматиці стала не такою успішною, що засвідчило повідомлення А.А. Тихонова [13]. Проблематика прагматичного аспекту у мовознавстві аналізується у когнітивній лінгвістиці та лінгвістичному детермінізмі [4, с. 108].

Отже, підсумовуємо, що прагматичний аспект, безумовно, передбачає звернення до категорії конотації. На текстуальному рівні, дискурсивно, чи дискурсивно-когнітивно конотативний компонент (без використання терміна) як категорія проаналізований на основі вивчення фразеологізмів М.Ф. Алефіренком [1] на матеріалі паремій та С.С. Єрмоленком [3] на матеріалі паремій та художніх текстів. До речі, виявляється, що уже тепер колишній директор Інституту української мови АН України, нині завідувач кафедри загального й українського мовознавства Київського лінгвістичного університету проф. О.О. Тараненко, як і рецензент, не вважає можливим найближчим часом укласти автоматизований семантичний словник української мови. Ми констатували, що саме рецензент ще у 90-ті роки висловився про це з приводу укладання подібної спроби русистами. Тоді невдала спроба науковцями мотивувалася недоліками методики роботи. Нами ж зверталася увага на те, що була розв'язана проблема лише стосовно компонентного аналізу денотативного (предметного) й понятійного (десигнативного) значень слова, тоді як конотативний компонент на той час усвідомлено став лише виділятися. Русисти продовжують розпочату з того часу справу. Нині й україністи активно приступили до укладання такого словника зусиллями відділу корпускулярної лінгвістики. Передбачається укласти загальнослов'янський словник такого типу. Уся надія покладається на корпускулярну лінгвістику. Корпускулярна лінгвістика стала продовженням підсвідомого пошуку методом проб та помилок класичної формально-функціональної й структурно-функціональної лінгвістик. Без спроб когнітивного осмислення еволюції мови у концепціях Вільгельмом фон Гумбольдтом, О.О. Потебнею, Л.С. Виготським, Едвардом Сепіром, Ноамом Хомським, Зигмундом Фрейдом, М.М. Бахтіним й нинішніми молодими ученими М.Ф. Алефіренком, С.С. Єрмоленком, Ю.Я. Мосенкісом та іншими вона безперспективна, бо принципи синергетики однозначно констатують невизначене постання нової системи на етапі хаосу.

Певні, що з'ява корпускулярної лінгвістики не обіцяє можливості мовознавцям легко пізнати усю складність мовної системи, мовних категорій (одиниць), бо вони багатогранні. Корпускулярна лінгвістика має визначити лінгвістичну категорію (одиницю) стосовно усіх підсистем й стосовно конотації: треба визначитися щодо аспекту виділення корпускули: у парадигматичному – парадигми, у синтагматичному – синтагми. Корпускулярна лінгвістика, безумовно, – спадкоємиця структурної, яка збагатила сучасну лінгвістику рядом формалізованих прийомів, зокрема трансформаційним, дистрибутивним, компонентним, та аналізом за безпосередніми складниками. До речі, започаткована рядом учених традиція виділяти метод моделювання не зовсім логічна, бо фактично моделювання базується на прийомі аналізу за безпосередніми складниками. Безпідставною є й спроба виділяти структурний метод. На етапі структурної парадигми зусиллями американських

структуралістів-дескриптивістів з прийому безпосереднього спостереження (трансформованого у прийом наукового спостереження) виділилися прийоми дистрибутивного, компонентного, трансформаційного та аналізу за безпосередніми показниками.

Саме тому, як не можна називати прийоми (дистрибутивний, трансформаційний, компонентний) окремими методами, так не можна дистрибутивний, трансформаційний, компонентний у комплексі називати структурним методом, а аналіз за безпосередніми складниками – видавати за метод моделювання. Правда, було б логічно лишити описовому методу прийом наукового спостереження, тоді природним було б вичленувати з нього усі формалізовані чотири названі прийоми відносити до структурного методу.

Виділена як нова лінгвістична парадигма корпускулярна лінгвістика передбачає виділення її основної категорії (одиниці) – корпускули. Але їх виділення не може зняти питання про складність змістової структури мовних одиниць, скажімо, розрізнення у лексичній структурі слова предметного та понятійного, а також почуттєвого компонентів, структурного розчленування конотативного компонента лексеми, інших одиниць мови, бо нині стало очевидним, що конотативний компонент може бути притаманним іншим одиницям мови. І на жаль, як тоді, так і тепер констатуємо, що це поки що нерозв'язна проблема. І справа тут не лише у методиці, а в недостатньому опрацюванні теорії і практики, зокрема дослідження категорії конотації.

Наголошуємо, що й на сучасному етапі навіть розв'язання питання про структурно-семантичне (компонентне) розчленування конотативного компонента лексичного значення не дасть змоги розв'язати проблему, бо конотативний компонент притаманний одиницям (категоріям) інших підсистем мови, що треба буде усвідомити й приступити до його поглибленого компонентного дослідження в аспектах змісту й форми. Відзначимо, що вивчення конотативного компонента лексичного значення актуалізувалося на матеріалі російської й української мов [14; 11]. До речі, робота щойно відхиленої дисертації аспіранта рецензента була однією з небагатьох в україністиці, першою серед досліджень його аспірантів. Кілька з них опрацьовують питання, пов'язані з конотацією, зокрема досліджуються концепти «Емоція», «Мислення», «Воля».

Повертаючись безпосередньо до аналізу монографії С.С. Єрмоленка, скажемо, що на нашу думку, монографія могла обмежитися першим розділом за умови аналізу паремій на широкому філософсько-психологічному тлі. Визнаємо, що дещо однобоке й не зовсім виправдане заперечення філософії не компенсується й здобутками новітньої психології.

Та не зважаючи на відзначені зауваження, констатуємо, що дослідник має право на свою постановку й розв'язок проблеми, що він і зробив. І це тим більше, що його робота засвідчує, що він справжній лінгвіст з величезними творчими потенціями, про що свідчить володіння ним кількома германськими, романськими, слов'янськими мовами. Безумовно, цей аспект заслуговує на увагу, бо прилучає україністику до європейського мовознавства і знайомить українських учених з роботами європейських.

Робота С.С. Єрмоленка цілком гармоніє з тим, що утверджує у своїй книзі М.Ф. Алефіренко, підсумовуючи аналіз фразеологізмів, утверджуючи у мовознавстві когнітивно-дискурсивний підхід, розрізняючи концепт і етноконцепт, первинний і вторинний лінгвосеміозис, пов'язуючи метафору як

предикативний знак з наслідками парадигматичних перетворень, а метонімію як метонімічний знак – з синтагматичними зрушеннями й наголошуючи, що використання метонімії у позиції предиката перетворює її у метафору [1, с. 363–364], що «лінгвокультурологічний пошук формули появи образного слова дає підстави твердити, що синергетичною базою його народження є дискурс, трактований як комунікативна подія, що фокусує у собі соціально й культурно значиму інформацію мовного й позамовного характеру» [1, с. 365].

Суто лінгвістична теоретична спроба когнітивно відтворити певні моменти формування знака у процесі взаємодії внутрішньомовного й позамовного компонентів спершу знака з позамовною дійсністю, а потім різних знаків між собою на тлі взаємодії мови з позамовними чинниками дає підстави називати С.С. Єрмоленка молодогораматиком у когнітивізмі, молодогораматиком XXI ст. у хорошому розумінні слова.

Щодо технічного оформлення, то слід у цілому констатувати кваліфікований підхід і належний рівень підготовки тексту. Не думаємо, що на висвітлені проблеми могли істотно позначитися неспіввідносності розмірів трьох розділів, наявні окремі стилістичні огріхи: область, а треба сфера (с. 9, 13, 26, 54), репрезентація виглядає (с. 223), мовленняє повідомлення є у своїй істоті (с. 222), подвійне написання прізвищ Аристотель (с. 185), Аристотель, Демокріт, Демокрит, Аверсінцев (с. 143), Аверсинцев (с. 144), зазначеної картині замість картини (с. 66), заставляють замість зіставляють (с. 96), пропуску літер чи їх вставляння: (замість в – ви (с. 7), ступні замість ступені (с. 35), чоловічний замість чоловічий (с. 38), стані речей замість стану (с. 153). в одому замість одному (с. 265). Лише у тенденційно налаштованого рецензента могли викликати роздратування стилізація наукового мовлення під розмовне за допомогою частки ба (с. 51).

Труднощами сприйняття книга С.С. Єрмоленка не поступається монографії Н.Ф. Алефіренка [1] і здається важкодоступною у порівнянні з роботою філософа С.О. Васильєва [2]. Але це не підстави ставити під сумнів цінність надзвичайно цікавої монографії С.С. Єрмоленка, яка знайомить наукові лінгвістичні кола з дуже кваліфікованим, надзвичайно обдарованим сучасним лінгвістом. Її зміст цілком сприймає рецензент, що дало йому можливість не лише подискутувати з автором книги, але й часом деталізувати концепцію останнього й запропонувати іноді своє бачення проблеми.

Література та примітки

1. Алефіренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с. **2. Васильев С.А.** Синтез смысла при создании и понимании текста. Философские проблемы / АН УССР. Ин-т философии. Отв. ред. М.В. Попович. – К.: Наук. думка, 1988. – 240 с. **3. Єрмоленко С.С.** Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць: Монографія. – К., 2006. – 384 с. **4. Зеленько А.С.** Основи лексикології (під кутом зору теорії лінгвістичного детермінізму): Монографічне дослідження. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 177 с. **5. Зеленько А.С.** Проблеми семасіології у філософсько-психологічному осмисленні. Монографія. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – 256 с. **6. Зеленько А.С.** Місце ритуалу у становленні психіки людини і формуванні одиниць підсистем мови (під кутом зору лінгвістичного детермінізму) // Мова і культура: Наук. щорічний журн. – К.: Вид. дім Бураго, 2004. – Вип. 7. – Т. I: Філософія

мови і культури. – С. 394–399. **7. Зеленько А.С.** Взаємодія ментально-раціонального й почуттєво-емоційного у функціонуванні й структурі мови // Вісн. Луган. нац. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка: Філол. науки. – 2004. – № 5 (73). – С. 11–15. **8. Зеленько А.С.** Про становлення семасіології у філософсько-психологічному осмисленні. – Луганськ: Альма-матер, 2005. – 196 с. **9. Зеленько А.С.** Співвідношення мови й мислення в аспекті когнітивної лінгвістики та лінгвістичного детермінізму // Філософські дослідження: Зб. наук. пр. Східноукр. нац. ун-ту ім. В. Даля. – Вип. 5. – Луганськ, 2005. – С. 115–124. **10. Маслиева О.В.** Становление категории причинности (на материале истории языка) / Под. ред. М.Г. Макарова. – Л.: Наука, 1980. – 101 с. **11. Парасюк Т.В.** Функціонально-ономасіологічний аналіз дієслів на позначення емоційних станів у сучасній українській літературній мові. Спеціальність – 10.02.01. – українська мова. – Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Л., 2005. – 20 с. **12. Тараненко А.А.** Языковая семантика в ее динамических аспектах. – К.: Наук. думка, 1989. – 251 с. **13. Тихонов А.А.** Обсуждение книги «Русский семантический словарь» // Изв. АН СССР. – Т. 43. – 1984. – № 4. – С. 378–383. **14. Шахова Л.И.** Структурно-функциональная характеристика лексико-семантической группы существительных «чувства, переживания» в русском языке // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Специальность 10.02.01. – русский язык. – К., 1980. – 99 с. **15. Филимонов В.П.** Память жанра. О путях постижения содержания литературного произведения в средней школе: Пособие для учителей: В 2 ч. / Под ред. Н.Н. Гавриловой. – Владимир, 1994. – Ч. 1. – 176 с.; Ч. 2. – 190 с.

¹ Єрмоленко С.С. Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць: Монографія. – К., 2006. – 384 с.

В рецензії проф. А.С. Зеленько представлено аналіз монографії С.С. Єрмоленко «Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць», автор рецензії дискутує й деталізує концепцію С.С. Єрмоленко, а також іноді пропонує своє бачення проблеми.

Ключевые слова: языковой знак, «ручной» язык, мифологическое мышление, синергетика, изоморфизм, паремия.

У рецензії проф. А.С. Зеленька надається аналіз монографії С.С. Єрмоленка «Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць», автор рецензії дискутує й деталізує концепцію С.С. Єрмоленка, а також інколи пропонує своє бачення проблеми.

Ключові слова: мовний знак, «ручна» мова, міфологічне мислення, синергетика, ізоморфізм, паремія.

In reviews prof. A.S. Zelenko is presented analysis to monographs S.S. Ermolenko «Language modeling of reality and sign structure language units», author to reviews discussed and explicates the concept of S.S. Ermolenko, as well as sometimes offers its vision problem.

Key words: language sign, «manual» language, mythological thinking, synergetika, isomorphism, paremya.

УДК 811.161.1'373.74

О. В. Ігнатова

**ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ
ІЗ ЗООМОРФНИМ КОМПОНЕНТОМ «ВОЛК»
У СВІТЛІ КЛАСИФІКАЦІЙ СУЧАСНОЇ ФРАЗЕОЛОГІЇ**

*«Lupus est homo homini, non homo, quom qualis sit non novit»
Titus Maccius Plautus*

Актуальність статті зумовлена значенням фразеології у сучасній лінгвістиці та присвячена проблемі класифікації фразеологічних одиниць російської мови.

Класифікація – це розподіл об'єктів на класи, розряди, групи, спосіб отримання інформації, результат дослідження. У перекладі з латині класифікація (*classis* – група, *facio* – роблю) – «групування». Будь-яка класифікація базується на досвіді і фактах розвитку тієї чи іншої мови, її історії. Питання про сутність та ознаки фразеологічних одиниць (ФО) пов'язане з їх класифікацією. У фразеології будь-якої мови це питання є лінгвістичною проблемою та об'єктом наукового дослідження.

В.В. Виноградов поділяє ФО на три типи – **зрощення, фразеологічні єдності та фразеологічні сполучення**. Це є однією з найвідоміших та найпоширеніших у лінгвістиці класифікацій, яка заснована на різному ступені ідіоматичності (невмотивованості) компонентів у складі фразеологізму. Отже, уперше була запропонована синхронна класифікація оборотів фразеологізмів російської мови з погляду їх семантичної злитості.

М.М. Шанський додав до класифікації В.В. Виноградова четвертий тип – **фразеологічні вирази**. Таким чином, з погляду семантичної злитості виділяють чотири типи фразеологічних одиниць, і дана класифікація є сьогодні загальноприйнятою: **фразеологічне зрощення, фразеологічні єдності, фразеологічні сполучення і фразеологічні вирази**.

У мовознавчих дослідженнях сучасності все більше уваги приділяється проблемі класифікацій ФО з погляду їх прагматичних, когнітивних та антропоцентричних властивостей. «Класифікаційна парадигма фразеології поповнюється номінативно-функціональною (В. Телія), приматично орієнтованою (В. Мелікян, Г. Сидоркова), концептуальною (О. Бабушкін) та ідеографічною (Т. Нікітіна, В. Телія, Р. Хайрулліна, Л. Лебедева) класифікаціями ФО» [1, с. 43].

Таким чином, зараз існує такі типи класифікацій з іншими (крім семантичної) ознаками:

- класифікація ФО за складом;
- класифікація ФО за структурою;

– класифікація ФО за їх походженням (споконвічно російські фразеологізми, запозичені фразеологізми, кальки фразеологізмів, напівкальки фразеологізмів (М.М. Шанський);

– класифікація ФО з погляду їх експресивно-стилістичних властивостей (міжстильові, розмовно-побутові, книжні, архаїзми й історизми (М.М. Шанський) тощо).

Як відтворювані мовні одиниці ФО виступають як структурне ціле складеного характеру, таке, що складається з різних за своїми морфологічними властивостями слів, що знаходяться між собою у різних синтаксичних відносинах. М.М. Шанський розділив ФО за структурою на дві групи:

- 1) фразеологізми, що відповідають за структурою реченню;
- 2) фразеологізми, що відповідають за структурою сполученню слів.

Необхідно зазначити, що авторське розуміння класифікації ФО за структурою призводить нерідко до наявності декількох типів класифікацій. В.П. Жуков формує наступні групи ФО за структурою: дієслівні фразеологізми, субстантивні звороти фразеологізмів, прислівникові звороти, ад'єктивні фразеологізми.

О.Ф. Арсентьева у роботі «Сопоставительный анализ фразеологических единиц» [2] також виділяє наступні види фразеологізмів (за морфологічно-синтаксичною структурою):

- 1) ФО зі структурою словосполучення: дієслівні ФО; субстантивні ФО; ад'єктивні ФО;
- 2) ФО зі структурою речення.

На наш погляд, класифікації Шанського і Арсентєвої найповніше відображають співвіднесеність ФО у фразеологічному фонді будь-якої мови, оскільки частіше всього ФЕО виступають не лише як одиниці зі структурою словосполучення, але й як речення.

До мовних одиниць, які покликані передусім необхідністю відображення місця флори і фауни в житті народу, належать фразеологізми із зооморфним компонентом.. На даний момент існує багато праць, пов'язаних із вивченням фразеологізмів із зооморфним компонентом. «Усі зазначені праці можна поділити на декілька груп:

- 1) дослідження, присвячені вивченню конотативних значень зоонімів (В.І. Жельвіс, Є.О. Гутман та П.О. Литвин, К.М. Гюльмянц, О.О. Корнілов);

- 2) дослідження, об'єктом яких є вивчення зоонімів як складових компонентів фразеологізмів у ідеографічному аспекті (Є.В. Белкіна, Г.М. Доброльожа, А.І. Кузнєцова, Д.Т. Мальцева, Н.Д. Петрова, О.О. Селіванова, Д.В. Ужченко);

- 3) дослідження, об'єктом яких є класифікація фразеологізмів з компонентом-зоонімом на окремі групи відповідно до назви тварини (І.О. Голубовська, О.П. Левченко, О.Г. Назарян)» [3].

У фразеології будь-якої мови найуживанішими та експресивними, безумовно, є групи фразеологічних одиниць, які містять у собі назви флори або фауни, назви кольору або назви частин людського тіла. Образи із тваринного світу в більшості випадків мають символічне значення, що сформувалося у міфологіях та релігіях, літературі та мистецтві народів миру. «Тваринний світ завжди був водночас близьким і загадковим для людини, вона збагачувала спектр найменувань власних ознак, якостей, дій, станів за рахунок знакових ресурсів тваринного світу з огляду на свої уявлення, його оцінки, стереотипи цього світу» [4, с. 145].

ФО із зооморфним компонентом у різних мовах складають достатньо широку й розгалужену групу фразеосистеми. У даній статті ми розглянемо ФО та прислів'я російської мови із зооморфним компонентом «*волок*». Для детальнішого розгляду ми звернемося до міфології. Міфологема *вовка* присутня в багатьох національних міфологіях: слов'янській, єгипетській, давньоримській, давньогерманській, грецькій та ін.

У міфології народів миру символ *вовка* часто пов'язувався з бойовою дружиною і родоначальником племені. У індоєвропейській міфології *волок* перш за все сильна тварина і подається як бог війни, члени дружини або військо якого теж називалися вовками, тобто *волок* несе в собі і позитивну конотацію, як сильний і гордий звір. Тотем воїна-вовка виявився провідним, не лише завдяки поширеності цього хижака, а й тому, що він відповідав ідеалові первісного індоєвропейського воїна. Саме в його образі найяскравіше відтворювались типові риси справжнього воїна: хоробрість, мужність та стійкість. У давньохетській традиції *волок* відігравав особливу роль, виступаючи втіленням багатьох сакральних-магічних чинників, зокрема *волок* і *вовча зграя* вважалися зразком єдності і всезнання.

«У козацькій міфології добре відомий образ воїна-вовка. Це козак-чарівник, який обертається вовком-сіромахою, якого не беруть ні кулі, ні холодна зброя. Слова “сіромаха”, “сірома”, “Сірко” мають виразну “вовчу” етимологію. Те саме можна сказати й про імена *Вовк*, *Вовчик*, які пізніше стали побутовою формою давньоруського імені Володимир. Поширення цих імен в українців, як і в інших індоєвропейських народів, свідчить, що воїн-вовк був звичним, не ворожим персонажем стародавнього суспільства. Так, *вовчу* етимологію мають іранські імена, сербсько-хорватські та багато інших» [5].

У слов'янських народів *волок* розглядається з різних боків: як одна із форм існування перевертнів та як священна тварина. Найчастіше *волок* подається як хижак і як ворожа людині тварина: в російських казках *волок* тварина зла, жадібна й дурна. Старий *волок* хитрий, лицемірний та досвідчений: *волок в овечьей шкуре*, *травлений волк*, *старый волк*, *стреляный волк*, *серый волк*. Проте в деяких творах його можна зустріти як помічника героя (Іван Царевич і сірий *волок*). *Вовк* – слов'янський

тотем, священний пращур племені, якому поклонялося плем'я. Деякі племена вважали Вовка своїм предком та визнавали за божество. «Волк считался могущественным защитником племени, пожирателем злых духов. Языческий жрец, совершавший охранительные обряды, также одевался в звериную шкуру. С принятием христианства отношение к языческим жрецам изменилось, и потому словом «волкодлак» стали называть злого оборотня; позднее «волкодлак» превратилось в «вурдалак» [6].

Отже, розглянемо синонімічний ряд із зооморфним компонентом «волк», застосовуючи класифікацію Арсентьєвої:

– ФО зі структурою словосполучення:

а) дієслівні ФО: *волком рыскасть* [7]; *завить как волк* [7]; *волком выть* [8]; *волком смотреть* [8]; *хоть волком вой* [8]; *проголодаться как волк* [8]; *волк тебя ешь* [8]; *рыдать волчьим горлом* [7]; *разорвать точно мартовские волки* [7];

б) субстантивні ФО: *морской волк* [8]; *обстрелянный волк* [8]; *волчий паспорт* [7]; *травленный (старый) волк* [12]; *волчий аппетит* [7]; *волк в овечьей шкуре* [8];

в) ад'єктивні ФЕ: *голодный как волк* [7]; *сердитый как волк* [7]; *здоровый как волк* [7]; *скрытный как волк* [7]; *строгий как волк* [7]; *истоциться как волк* [7]; *кроважадные как волки* [7];

– ФО зі структурою речення: *волков бояться – в лес не ходит* [8]; *о волке речь, а он навстречь* [7]; *работа не волк, в лес не убежит* [7]; *волк и считанных овец грызет* [7]; *с волками жить – по-волчьи выть* [7]; *и волки сыты, и овцы целы* [7]; *волка ноги кормят* [7]; *волк коню не товарищ* [7]; *как волки ни корми, он все в лес смотрит* [10]; *отольются волку овечьи слезки* [11]; *пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву* [12]; *добр волк до овец, да пасти ему не дадут* [12]; *волк не пастух, свинья не огородница* [12]; *звал волк коз на пир, да за гостинцами нейдут* [12].

Головним словом у багатьох ФО найчастіше буває іменник або дієслово. Даний ряд ФО свідчать про те, що найчисленнішу групу складають дієслівні ФО, стрижневим компонентом яких є дієслово, що має здатність поєднуватися з одним або декількома компонентами ФО. Для субстантивних ФО характерне «положение зависимого компонента после стержневого» [2, с. 22]. Необхідно підкреслити, що ад'єктивні ФО в даному синонімічному ряді мають у своєму складі порівняльний союз «как», що у свою чергу вказує на те, що порівняльний тип ФО є продуктивним і поширеним.

За своїм морфологічним значенням ФО співвідносяться з різними частинами мови, причому це значення не завжди збігається із значенням стержневого компонента, наприклад співвідносини з іменником: *морской волк*; *волчий паспорт*.

Група ФО зі структурою речення є також значною: до даної групи відносяться ФО замкнутого і незамкнутого типу зі структурою простого

речення, а також прислів'я і приказки, ФО, що є, заснованими на моделі складних речень. Характерним є те, що такі ФО, побудовані за структурою речення, мають компоненти, що співвідносяться як підмет та присудок, і що є взаємозалежними. Стійке сполучення слів, граматично організоване за моделлю словосполучення або речення називається фразеологізмом. Вони характеризуються семантичною злитістю компонентів, цілісністю значення. При детальнішому розгляді ФО зі структурою речення, необхідно зазначити, що дані ФО історично зафіксовані в сталій формі і в більшості випадків мають «метафоричне узагальнене значення», яке не відповідає обставинам, що повідомляються безпосередньо у реченні.

Підкреслимо також, що ФО з компонентом «волк», як правило, відображають які-небудь якості людини: *смотреть волком; проголодаться как волк; морской волк; обстрелянный волк; травленный (старый) волк; голодный, как волк; сердитый как волк; здоровый как волк; скрытный как волк; волком рыскать; волком выть*. Порівняння людини з твариною ґрунтується як на об'єктивному досвіді спостереження за тваринами, так і на інтерпретованих культурою уявленнях.

Висновки. Вивчення класифікацій ФО російської мови дозволяє нам отримати уявлення про їх основні структурно-семантичні та стилістичні типи, дізнатися їх походження. При класифікаційному розподілі ФО важливо показати «соотношения общих и дифференциальных признаков всех единиц, составляющих фразеологический фонд языка и в схематизированной форме представить его общую специфику» [13, с. 181]. Класифікація ФО є свого роду презентацією фразеологічного фонду мови в більш стислій формі. Основним завданням лінгвістики є узагальнення вже відомих класифікацій фразеологізмів і побудова єдиної схеми, яка охоплювала б усі класифікаційні ознаки ФО.

Не зважаючи на те, що існує безліч думок з приводу класифікацій фразеологізмів, найбільш прийнятною класифікацією для дослідження фразеологізмів тієї або іншої мови в заявленому нами аспекті, безумовно, є класифікація В.В. Виноградова, заснована на компонентному складі значення ФО: застосування даної класифікації дозволяє розподілити фразеологічний фонд будь-якої мови на основі семантичного принципу.

Література

1. Коваленко Е.Г. Классификация фразеологизмов как лингвистическая проблема // Фразеолог. чт. – Вып. № 3. – Курган, 2006 – С. 42–45.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц семантически ориентированных на человека, в английском и русском

языках). – Казань, 1989. **3. Покровська І.Л.** Национальна специфика семантики турецких фразеологізмів з компонентом-зоонімом: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2007. **4. Селіванова О.** Нариси з української фразеології. Психокогнитивний та етнокультурний аспекти. – К.-Черкаси, 2004 – 276 с. **5.** Эл. ресурс: www.pavlogradruth.narod.ru. **6.** Эл. ресурс: <http://mith.ru/alb/slavic/slav1.htm>. **7. Козлова Т.В.** Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001. **8. Фразеологический словарь русского языка /** Сост. М.И. Степанова– СПб., 2003. **9. Фразеологический словарь русского языка: /** Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. – М., 1987. **10. В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров.** Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. – М., 1979. **11. Словарь русского языка: /** Под ред. А.П. Евгеньевой, Г.А. Разумниковой. – Т. I. – М., 1985. **12.** Эл. ресурс: www.ru.wikipedia.org. **13. Амосова Н.Н.** Основы английской фразеологии. – Л., 1963.

Автор статті розглядає проблему класифікацій фразеологізмів російського мови в сучасній лінгвістиці. Особливу увагу автор приділяє аналізу авторського розуміння класифікацій фразеологізмів і проблемі побудови єдиної схеми, яка охоплювала б всі класифікаційні ознаки фразеологізмів. Аналіз проведений на матеріалі фразеологічних одиниць російського мови з зооморфним компонентом «волок»

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологический фонд, типы классификаций, пословицы, поговорки, синонимичный ряд, структура, зооморфный компонент, компонентный состав.

Автор статті розглядає проблему класифікацій фразеологізмів російської мови в сучасній лінгвістиці. Особливу увагу автор приділяє аналізу авторського розуміння класифікацій фразеологізмів і проблемі побудови єдиної схеми, яка охоплювала б всі класифікаційні ознаки фразеологізмів. Аналіз проведений на матеріалі одиниць фразеологізмів російської мови із зооморфним компонентом «вовк»

Ключові слова: одиниці фразеологізмів, фонд фразеологізму, типи класифікацій, прислів'я, приказки, синонімічний ряд, структура, зооморфний компонент, компонентний склад.

The author of the article examines the problem of classifications of фразеологізмів of Russian in modern linguistics. An author spares the special attention the analysis of the author understanding of classifications of phraseological units and problem of construction of single chart which would engulf all of classification signs of phraseological units. An analysis is conducted on material of phraseological units of Russian with a зооморфным component «wolf»

Key words: phraseological units, phraseological fund, types of classifications, proverbs, saying, study of synonyms row, structure, зооморфный component, component composition.

УДК 811.161.1'81'367.622

Я. С. Камышникова

СУБСТАНТИВАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Со времени появления более или менее четкого описания определенной грамматической категории в любом языке ученых начинают привлекать всевозможные пограничные или переходные явления, обнаруживающие себя в многочисленных отступлениях от сформулированных канонов. Одним из таких объектов на протяжении уже многих десятилетий является переходность в системе частей речи.

Как доказано многочисленными лингвистическими исследованиями, содержание и объем групп частей речи не остаются постоянными. Они меняются в процессе исторического развития языка. Проблемы переходных явлений в области морфологии русского языка занимается новый раздел лингвистики – трансформациология, основы которой были заложены еще в 19 веке. Уже тогда в работах Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева и других ученых появились отдельные заметки, касающиеся переходных явлений в области существительных.

В данной статье представлена краткая история изучения одного из видов переходности в системе частей речи — субстантивации — и выделены проблемы, которые требуют своего разрешения. Реферативный характер работы объясняется тем, что она представляет собой первый этап осмысления автором субстантивации как явления языковой системы и возможностей субстантивов как выразительного средства художественной речи.

Прежде всего следует отметить, что в лингвистических исследованиях субстантивация понимается и как способ словообразования, и как окказиональная синтаксическая функция единиц различных непредметных классов, и как процесс преобразования структурных и семантических свойств слов и приобретения дифференциальных признаков имени существительного [1].

Вопрос об отнесенности субстантивации к определенному способу словообразования до сих пор остается открытым и дискуссионным: некоторые ученые относят ее к морфологическим способам, а некоторые — к неморфологическим. Но этот вопрос не входит в круг рассматриваемых автором проблем. Мы сосредоточим внимание на субстантивации в третьем понимании.

А.А. Шахматов отмечал, что «перейти в существительное может всякая часть речи в функции подлежащего или дополнения» [2, с. 8]. При этом различают окказиональную (Вот раздалось «ау» вдалеке... (Н. Некрасов)) и константную (узуальную) субстантивацию (горничная, учительская, парикмахерская, насекомое, шампанское и др.). Узуальная субстантивация распространена среди прилагательных и причастий, встречаются единичные случаи узуальной субстантивации личных глаголов (поцелуй, расстегай), окказиональная — среди других частей речи (такому виду субстантивации подвергаются, например, местоимения, междометия, служебные слова; ср.: сам — хозяин, начальник; я — сущность человека).

В «Русской грамматике» описаны случаи субстантивации наречий, местоимений, междометий, морфем, целых сочетаний слов или предложений [3]. (По мнению А.Я. Баудер [4], перечисленные случаи – это лексико-синтаксическая транспозиция, так как указанные единицы остаются представителями своих классов, но транспонированы в несвойственную им функцию подлежащего. Однако в пределах нашей работы мы их будем рассматривать как субстантивацию, понимаемую широко).

Наиболее продуктивным для перехода в существительные классом являются имена прилагательные. Описывая этот процесс, А.М. Пешковский отмечает, что особенность его состоит в том, что «мы вообще можем каждое прилагательное употреблять в смысле существительного» [5]. Причина подобного явления, с точки зрения ученого, определяется семантикой прилагательных, совмещающих признаки существительного и прилагательного (что обусловлено исторически).

Субстантивированные прилагательные, по определению А.В. Исаченко [6], — это слова, обозначающие предметы или опредмеченные понятия, обладающие всеми морфологическими категориями имен существительных, но сохраняющие флексию и функции имен прилагательных. То есть индивидуальное лексическое значение субстантиватов выражается не только основой, изменяются функции окончания (они становятся окончаниями-суффиксами существительных).

«Русские грамматики» 1960 и 1980 годов также акцентируют внимание на изменении грамматических признаков прилагательных при их переходе в существительные.

Обычным путем субстантивации ученые называют употребление одного прилагательного вместо сочетания существительного с этим прилагательным, причем прилагательное получало значение данного сочетания [7]. Такую разновидность субстантивации назвали эллиптической (В.В. Лопатин), или субстантивацией по ключевому слову (В.А. Плунгян). Однако с точки зрения современного языка, не всегда удастся с точностью восстановить пропущенный член, да и не всегда новый субстантив образуется таким путем. По наблюдению Л.Б. Перльмуттера, вновь возникающие слова типа ванная, детская, где прослеживается связь со словом комната, примыкающие к определенному семантическому ряду, субстантивируются сразу. Минувя стадию сочетания с существительными, название торгового заведения бутербродная, по словам Л.Б. Перльмуттера, возникло на основании уже существующих в языке моделей типа закусочная, пивная [8].

Значение субстантивата основывается на значении составных частей исходного словосочетания, но не является их суммой. Носителем лексического значения субстантиватов является не основа слова, а слово целиком, что свидетельствует о сложном, а не механическом

взаимодействии лексического и грамматического в слове. Производное слово как бы наращивает новые значения. В значении субстантиватов обязательно появляются такие компоненты, которые не входят в значения составляющих их морфем, то есть не выражены в слове формально. Такое положение связывает субстантиваты с фразеологическими единицами. Эта особенность семантики производных слов была названа фразеологичностью.

Для прилагательных, перешедших в существительные, характерно сужение и конкретизация их общего лексического значения: перейдя в класс существительных, это слово начинает обозначать не общее понятие качества, а лишь определенный предмет, обладающий данным качеством; слово «старый», в частности, начинает выражать только одно определенное и узкое понятие «старый человек». Однако в ряде случаев наблюдается расширение лексического значения прилагательного и его абстрагирование. Ярче всего этот процесс прослеживается в названиях веществ, предметов пищи, питья: жаркое, мясное, сладкое, молочное; абстрактное значение может заимствоваться от абстрактных существительных, с которыми они прежде сочетались или могут сочетаться теперь (былое, прежнее, прошедшее), или появляться в связи с обобщенностью опредмеченного признака, заключенного в субстантивированном слове.

Нередко при субстантивации может произойти полное изменение лексического значения слова. Чаще всего это случается тогда, когда одно прилагательное служит источником образования двух различных субстантивированных прилагательных (молодые: молодежь и новобранцы).

Кроме того, существует вопрос об особенностях субстантивации качественных и относительных прилагательных. В лингвистике бытует мнение о том, что относительные прилагательные субстантивируются реже, чем качественные. Объясняется данное положение тем, что относительные прилагательные являются производными от существительных, поэтому у них и так есть семантическое родство [9]. Однако количество субстантивированных относительных прилагательных постоянно пополняется; именно относительные прилагательные, субстантивируясь, функционально уподобляются существительному в большей степени, чем субстантивированные качественные прилагательные. По мнению Ю.Б. Смирнова и С.И. Богданова, семантическое родство существительных и относительных прилагательных не только не является препятствием к субстантивации последних, но, напротив, ей способствует.

Степень перехода имени прилагательного в класс имен существительных может быть различна. Выделяют полную и неполную субстантивацию. А.М. Пешковский отмечает, что в полных субстантиватах изображается предмет, то есть сумма признаков, а в прилагательных – один признак. Данная особенность семантики

обуславливает синтаксическое функционирование полных субстантивов – они могут употребляться в сочетании с согласованными определениями, для других потенциальных субстантивов такое употребление невозможно. Кроме того, полные субстантивы, в отличие от неполных, сохраняют статус существительного и в составе именной части сказуемого двусоставного предложения.

Существенным признаком полных субстантивов является то, что они, как правило, имеют только один из трех родов: мужской, женский или средний. Но вопрос о проблеме отнесенности субстантивов к определенному роду до сих пор остается открытым.

Число в процессе субстантивации прилагательных получает самостоятельность. Они в большинстве случаев употребляются и в единственном и во множественном числе: больной – больные, душевая – душевые. Но иногда за производным словом закрепляется строго определенное число: трансформированные в существительные слова употребляются только в единственном числе, если они обозначают вещество, предмет пищи, питья (жареное, спиртное), названия болезней (водяная, падучая), абстрактные понятия (великое, должное) и др. Имеют формы только множественного числа слова, определявшие существительные, употреблявшиеся только во множественном числе: деньги – выходные, чаевые, наградные и др, а также слова, обозначающие множество: пожарные (команда), молодые (молодежь).др.

Что касается категории одушевленности, то при трансформации в существительные прилагательные могут стать названиями живых существ: борзая, беспризорный, животное и др.

Таким образом, тесная связь и взаимодействие имен прилагательных с именами существительными приводят к тому, что некоторые прилагательные переходят в существительные, а другие приобретают способность употребляться в значении имени существительного.

Как уже говорилось, переходить в существительные могут также местоимения, наречия, служебные части речи. Почти настолько же широко, как и у прилагательных, представлен в языке процесс перехода причастий в разряд имен существительных. Употребление причастий в роли существительного в семантическом плане связано с утратой причастиями значения действенности и приобретением элемента постоянного признака.

Субстантивация прилагательных и причастий похожа по своей сути, поэтому иногда процесс субстантивации прилагательных и причастий рассматривается вместе. В.В. Лопатин отмечает, что “сохранение грамматических значений глагола делает субстантивированные причастия специфической гибридной глагольно-существительной категорией с прилагательной парадигмой склонения” [10].

Не останавливаясь больше на механизмах субстантивации, поскольку они достаточно подробно описаны в научной литературе, остановимся на стилистических возможностях субстантивов, часто используемых в художественных текстах.

Субстантивация в художественной речи служит источником многих эстетических эффектов, ее использование может быть связано как с установкой на передачу сложных индивидуальных ощущений и эмоций автора или изображаемого им персонажа, так и с тенденцией к созданию обобщенных характеристик. Совмещение в субстантивах признакового и предметного значений обусловили широкое использование их в роли наименований-характеристик. Отказ от индивидуализирующего имени и обращение к субстантивам может создавать в тексте эстетический эффект «обезличенности» среды или пространства, породить ироническую экспрессию.

То есть употребление субстантивов в художественном тексте подчинено общей эстетической задаче последнего, обусловлено установкой на адресата и индивидуальными особенностями творческой личности. Следовательно, анализ функционирования субстантивов может быть частью описания индивидуального стиля того или иного автора. Функционированию субстантивов в поэзии А. Блока и А. Ахматовой будут посвящены дальнейшие исследования автора.

Литература

1. Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: учебное пособие. — СПб., 2004. **2. Шахматов А.А.** Синтаксис русского языка. Учение о частях речи. Дополнения. — М., 1927. **3. Русская** грамматика. — М., 1980. — Т. 1. **4. Баудер А.Я.** Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления. — Таллинн, 1995. **5. Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. **6. Исаченко А.В.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. — Братислава, 1954. **7. Гвоздев А.Н.** Современный русский литературный язык. — М., 1961. **8. Перльмуттер Л.Б.** Переход прилагательных в существительные // РЯШ. — 1948. — С. 13–18. **9. Панов М.В.** Позиционная морфология русского языка. — М., 1999. **10. Лопатин В.В.** Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. — С. 206.

В статье кратко рассматривается история изучения переходности и ее разновидности — субстантивации — русскими лингвистами. Выделяются нерешенные или спорные вопросы. Устанавливается выразительный потенциал субстантивов в художественных текстах.

Ключевые слова: переходность, субстантивация, транспозиция, узуальная субстантивация, мотивированность/немотивированность, предметность.

У статті коротко розглянуто історію вивчення перехідності та її різновиду — субстантивациї — російськими лінгвістами. Визначаються невирішені та спірні питання. Установлюється виразальний потенціал субстантивів у художніх текстах.

Ключові слова: перехідність, субстантивация, транспозиція, узуальна субстантивация, умотивованість/немотивованість, предметність.

In this article the history of studying by Russian linguists of transition and its kind — substantiation — are considered. Unsolved and moot points are distinguished. Expressive potential of substantives in the artistic text is determined.

Key words: transition, substantiation, transposition, usual substantiation, motivation/nonmotivation, objectivity.

УДК 811.161.1'271

В. И. Ковалёв

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СУРЖИКА

Последние полтора десятилетия вполне могут быть названы периодом триумфального шествия суржика по всем сферам общения и жанрам речи. Суржик уже перестал быть явлением, присущим устному неофициальному общению преимущественно сельских жителей, и получает всё более широкое распространение в печатных и электронных СМИ, а также подготовленных публичных выступлениях высших чиновников и государственных деятелей. Вот лишь некоторые из множества примеров.

«Дякую вас» (Л.Д. Кучма), *«Президент України ніколи і ніде **даже не піднімав** цього питання»* (Л.Д. Кучма), *«Цей аналіз буде завершений до **чотирнадцятого** лютого»* (Ю.В. Тимошенко), *«**Нада** звикнути до того, що в Україні почалися вибори»* (Ю.В. Тимошенко), *«Росіяни **рахують**, що вони безплатно **кормлять** Україну»* (В.А. Ющенко), *«**Ні один** серйозний український політик не **піднімає** питання про перебування Чорноморського флоту»* (В.А. Ющенко), *«Ви нас не **отравите**»* (телевизійний рекламний ролик передвиборної кампанії 2004 г.).

В такой ситуации языковеды обязаны дать этому явлению исчерпывающие определение и оценку, выяснить причины широкого распространения и выработать рекомендации для учителей и широких масс населения.

В современной науке суржик является объектом изучения прежде всего украинских языковедов (см. работы Л. Биланюк, Т. Кознарского, Л. Масенко, А. Погрибного, В. Радчука, О. Рудой, А. Сербенской, Л. Ставицкой, М. Стрихи, В. Труба, М. Феллера, О. Шарварка). В центре внимания исследователей находятся в основном вопросы дефиниции, оценки и квалификации суржика как «типа речи» [4, с. 12], определения

его места в системе устно-разговорных форм функционирования украинского языка.

Авторы большинства работ основываются на одном из двух следующих определений.

«Суржик – елементи двох або кількох мов, об'єднані штучно, без додержання норм літературної мови» [5, т. 4].

«Суржик – мова, в якій штучно об'єднані без дотримання літературних норм елементи різних мов... збіднена мова, позбавлена національного колориту, краси й виразності» [9, с. 616].

Очевидно, данный термин употребляется для обозначения и речи, которая содержит анализируемый феномен, и конкретных случаев словоупотребления. Это не совсем удобно: получается, что один термин применяется для называния двух разноуровневых явлений.

В оценке суржика наблюдается полное единодушие между украинскими филологами и писателями. Однако следует отметить, что в этих оценках эмоциональное явно преобладает над рациональным, в ущерб научной объективности.

«Милий покруч, химерний мішанець, кровозмісне дитя білінгвізму» (Ю. Андрухович), *«мовно-комунікативний вияв національної шизофренії, роздвоєння колективної особистості і колективного підсвідомого»* (А. Шумилов), *«Хіба ж то мова? То каліка, а не мова»* (А. Окара), *«Суржик – це насамперед спрощена парадигма мислення, а отже, знак духовно-інтелектуальної уцербності»* (Л. Ставицкая) – [Цит. по: 6], *«бридотний виплодок ... прикмета комплексу малоросійства»* (А. Погрибной), *«назва zdeградованого духовного світу людини, її відірваності від рідного ... мішанина залишків давнього, батьківського з тим чужим, що нівелює особистість, національно-мовну свідомість»* [1, с. 6–7].

Что касается коммуникативно-функциональной квалификации суржика, то в этом вопросе мнения разделяются, и можно выделить три основные позиции.

Первая из них сводится к тому, что суржик следует рассматривать как одну из форм украинского просторечия [9, с. 616]. Представители второй позиции трактуют суржик как «промежуточный субязык», который исполняет роль переходного этапа в ассимиляционном процессе вытеснения украинского языка русским. [7, с. 637]. Наконец, третья позиция заключается в признании суржика «третьим языком», который функционально соотносится с украинским просторечием [8, с. 54].

На фоне остальных работ выделяется справочное пособие [1]. В нём не только представлен большой объём иллюстративного речевого материала, содержащего суржик, но и даны рекомендации по культуре словоупотребления применительно к различным конкретным сферам и ситуациям общения. Примечательно, что авторы многих научных статей в своих анализах и выводах использовали примеры именно из этой книги.

В целом можно и сегодня согласиться с мнением Л. Масенко, что научные работы, посвящённые суржику, имеют предварительный характер. [4, с. 12]. По-прежнему актуальна проблема выработки адекватной терминосистемы и дефиниций. Освещение вопроса о причинах возникновения и широкого распространения суржика можно охарактеризовать как в гораздо большей степени публицистическое, чем научное. Нет единства в коммуникативно-функциональной квалификации данного феномена. Кроме того, почти совершенно не рассматривается обратный процесс: использование семантически избыточных украинизмов в русской речи. И наконец, конкретные рекомендации по повышению культуры речи, избавлению от суржика и профилактике его появления – в имеющихся работах блещут своим отсутствием.

Всё вышеизложенное делает очень актуальными следующие задачи, которые мы поставили перед собой в рамках этой статьи:

- 1) определить наиболее логичные и точные терминологические обозначения рассматриваемого речевого феномена;
- 2) выяснить причины его широкого распространения в различных сферах и жанрах общения;
- 3) дать ему оценку с позиции культуры коммуникации;
- 4) наметить конкретные рекомендации по повышению культуры речи в связи с проблематикой данной статьи.

При выборе адекватного терминологического обозначения, на наш взгляд, необходимо прежде всего учесть этимологию слова-кандидата. Оценим с этой точки зрения лексему *суржик*.

В.И. Даль приводит такое толкование: «... нечистая пшеница, перемешанная с рожью или, по народному поверью, перерод, переродившаяся пшеница. Некоторые южные хозяева утверждают, что есть годы, когда пшеница цветёт в одну пору с рожью, и что, при смежности полей, ржаной цветень наносится ветром на пшеницу, отчего родится суржанка. *Суржанковый хлеб, полубелый*» [3, с. 362].

В изданном полвека спустя словаре Б.Д. Гринченко добавлено следующее переносное значение: «Людина мішаної раси. *Се суржик: батько був циган, а мати – дівка з нашого села*» [2, с. 231].

Таким образом, современное речеведческое понятие логично и закономерно возникло на базе вышеупомянутых значений и является не только когнитивно точной, но и риторически яркой, оценочной метафорой.

Однако содержание понятия нуждается в следующем уточнении. Поскольку прямое значение рассматриваемого слова в обобщённом виде можно представить как «отрицательный результат смешения двух полезных в отдельности предметов», то и речеведческий термин целесообразно использовать для обозначения именно результата, а не средств, приводящих к его достижению. Иными словами, суржилом логично называть именно речь, для которой характерно противоречащее

литературным нормам данного языка применение языковых средств другого языка, а проще говоря – излишние, неоправданные заимствования. *Суржик* – это, на наш взгляд, характеристика не отдельных слов или словоформ, а всего конкретного высказывания или обобщённая характеристика речи данной личности.

Что же касается конкретных словоупотреблений, позволяющих диагностировать суржик (в приведённых в начале статьи примерах они отмечены жирным шрифтом), то для их терминологического обозначения подходящими представляются предложенные Л. Ставицкой [6] *суржикизм* – *суржикизмы*.

Все авторы научных исследований, посвящённых суржику, а также публицисты и писатели, касающиеся данной проблемы, единодушно высказывают однозначно негативную оценку этого речевого феномена. Нам такая категоричность кажется чрезмерной и научно не вполне обоснованной.

Дело в том, что во всех регионах земного шара, где на протяжении достаточно длительного периода в повседневном общении активно использовались два языка и более, – постепенно складывались аналогичные нашему суржику речевые феномены (вспомним хотя бы так называемые *пиджин англиш*, *креольские языки* и белорусскую *трасянку*).

На всех территориях, которые составляют современную Украину, русский и украинский языки использовались численно преобладающими группами населения в продолжение нескольких веков. И жили эти социальные общности не изолированно друг от друга, а в постоянных контактах. Более того, русский и украинский языки являются близкородственными, а это тоже способствует интерференции. И наконец, в последние два десятилетия было нарушено то равновесие в употреблении языков, которое постепенно сложилось в XX веке.

О последней причине скажем более подробно. Законодательное присвоение статуса государственного языка только одному, украинскому привело к постепенному вытеснению русского из многих, прежде всего официальных сфер коммуникации. Русскоговорящие (точнее, русскодумающие) люди зачастую вынуждены говорить и писать по-украински (особенно в профессиональной деятельности и публичных выступлениях). На наш взгляд, именно такая ситуация, когда большие массы людей думают на одном языке, а результаты своей интеллектуальной деятельности регулярно представляют на другом, – является одним из главных генераторов суржика в современных условиях. А мощным усилителем этого процесса являются средства массовой информации, где стабильно выступают говорящие на суржике люди.

Поэтому, оценивая суржик в целом отрицательно, необходимо чётко осознавать, что он является естественным порождением длительного процесса совместного развития и взаимовлияния русского и украинского языков, а также языковой политики нашего государства. И

давать оценки людям, особенно если он по роду своего образования и деятельности не являются представителями коммуникативных профессий (то есть специальностей, в которых общение с людьми является неотъемлемой и важнейшей частью работы), в зависимости от того, насколько их речь подвержена влиянию суржика, - это и неэтично, и ненаучно.

В современных условиях повышение культуры речи (как русской, так и украинской) широких слоёв населения будет возможно при условии повышения культуры речи в СМИ. При этом следует учесть, что там основными проводниками и переносчиками суржика являются не профессиональные журналисты, а русскодумающие политики, чиновники и деятели поп-культуры. Поэтому целесообразно законодательно разрешить всем носителям русского и украинского языков во всех публичных выступлениях пользоваться своим родным языком. Такая мера пойдёт на пользу и русскому, и украинскому языкам.

Кроме того, необходимо введение научно и методически обоснованной информации о суржике в школьные учебники по русскому и украинскому языкам. А в высших учебных заведениях целесообразно ввести специальные учебные предметы, главной целью которых была бы оптимизация культуры речи при общении как на русском, так и на украинском языке.

На факультете иностранных языков Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко такие предметы успешно преподаются на протяжении более десяти лет.

На заочном отделении это «Сопоставительная типология русского и украинского языков». К сожалению, количество аудиторных часов, выделенных на этот предмет (восемь), явно меньше необходимого минимума. Однако и в таких условиях студенты получают чёткие и полезные ориентиры для самостоятельного повышения уровня коммуникативной культуры.

На дневном отделении эту роль успешно выполняет «Перевод с русского языка на украинский и с украинского на русский». В контексте изучения этой переводоведческой дисциплины студенты 1 курса не только получают первоначальные сведения по теории перевода и выполняют задания, связанные с переводом текстов актуальных для себя жанров, но и ведут наблюдение за русской и украинской речью в СМИ. В результате такого многолетнего мониторинга, который вызывает у студентов неизменный интерес, было собрана внушительная коллекция примеров суржика из публичных выступлений политиков, чиновников, актёров и представителей других коммуникативных профессий. Собранные материалы неоднократно с успехом представлялись в оригинальной театрализованной форме в рамках традиционных фестивалей юных переводчиков.

Такая работа, как показали последующие анкеты и интервью студентов, не только вызывает у них интерес, но и обостряет умение

вести наблюдения над чужой и своей речью, а также внимание к культуре коммуникации. Подмечая суржик в речи представителей коммуникативных профессий, молодые люди более ответственно начинают относиться и к своему языковому арсеналу. А остроумная презентация собранных материалов способствует закреплению в сознании правильных эмоциональных акцентов.

Дальнейшие перспективы разработки представленной в этой статье проблематики мы видим прежде всего в сознании научно-популярных справочных пособий, посвящённых культуре и русской, и украинской речи и включающих уже собранные примеры суржика. Так, весьма уместным представляется нам издание словаря «Звёзды суржика» на материале публичных выступлений известных современных представителей коммуникативных профессий, прежде всего политиков и деятелей массовой культуры.

Кроме этого, серьёзного внимания заслуживают практически неразработанные современной наукой проблемы избыточных заимствований из украинского языка в русский (украинско-русский суржик), а также из английского языка в русский и украинский.

Литература

1. Антисуржик // За загальною редакцією Олександри Сербенської. – Л.: Світ, 1994. – 152 с. **2. Грінченко Б.Д.** Словарь української мови. – К.: Київська Старина, 1909. – 494 с. **3. Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. IV. – М.: Русский язык, 1980. – 684 с. **4. Масенко Л.** Суржик як соціолінгвістичний феномен // Дивослово. – 2002. - №3. – С. 11–13. **5. Новий** словник української мови: У 4 т. – Т. 4. – К.: Словники України, 1999. **6. Ставицька Л.** Блудний суржик: міф, мова, стиль // Мандрівець. – 2002. - №1. – С. 18–27. **7. Стріха М.** Суржик та літературна мова // Нариси української популярної культури. – К.: Слово, 1998. – С. 630–637. **8. Труб В.М.** Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. – 2000. - №1. – С. 46–58. **9. Українська мова:** Енциклопедія. – К.: Українська енциклопедія, 2000. – С. 616.

В статье Валерия Ковалёва «Актуальные проблемы изучения суржика» рассказывается о происхождении этого термина и явления, причинах его широкого распространения в последние два десятилетия и даются рекомендации по повышению речевой культуры населения.

Ключевые слова: суржик, культура речи, коммуникативные профессии.

У статті Валерія Ковальова «Актуальні проблеми вивчення суржика» розповідається про походження цього терміна та явища, причини його поширення в останні два десятиріччя та наводяться рекомендації з підвищення мовленнєвої культури населення.

Ключові слова: суржик, культура мовлення, комунікативні професії.

The article by Valeriy Kovalyov titled «Current Issues of Surzhyk Research» deals with the origin of this term and phenomenon, the reasons of its spreading during the last two decades. Besides recommendations as for improving speech culture of the population are given

Key words: surzhyk, speech culture, communicative professions.

УДК 811.112.2'373:378

З. Ф. Кравченко

МНОГОЛЕТНИЙ ОПЫТ РАБОТЫ НАД ЛЕКСИКОЙ В ТЕЧЕНИЕ КАНДИДАТСКОГО СЕМЕСТРА

Одной из важнейших проблем, с которыми нам приходится сталкиваться при обучении иностранному языку, является вопрос быстрого накопления нашими слушателями достаточного словарного запаса на изучаемом иностранном языке и прочного закрепления этого словарного запаса. Как правило, наши слушатели поступают в аспирантуру с довольно хорошим знанием грамматики и обладают навыками правильного чтения и перевода общественно-политической литературы и отчасти литературы по специальности. Однако общий словарный запас наших слушателей не во всех случаях достигает нормы, установленной программами высших школ, часто недостаточно прочно закреплен в их памяти и требует систематизации и пополнения, хотя наши слушатели обычно знают наиболее употребительные слова и словосочетания, изученные ими в средней и в высшей школах.

Поэтому важное значение приобретает отбор слов и терминов, подлежащих усвоению слушателями в течение кандидатского семестра. Для уточнения объема учебного словаря и отраслевых (терминологических) словарей на кафедре иностранных языков ведется работа уже в течение нескольких лет.

Значение слов, словосочетаний, фразеологии и терминов, подлежащих усвоению, должно быть не только раскрыто и пояснено во время занятий, но и закреплено, чтобы слушатели могли в любом контексте свободно узнавать и понимать их, не прибегая к помощи словаря.

Одновременно с закреплением слов, подлежащих твердому усвоению, необходимо развить у слушателей языковое чутье, приучать их раскрывать значение незнакомого им слова по словообразовательным элементам, по ассоциации с другими словами того же корня, по морфологическому оформлению, синтаксической функции, по контексту и пр.

Предположим, что в тексте встретилось впервые слово Flug. Слушатель знает связь, существующую между *fliessen – Fluss, Ziehen –*

Zug, и выводит отсюда: fliegen – Flug. Или другой случай. Не зная значения глагола ausüben, слушатели правильно перевели словосочетание «einen Einfluss ausüben» в предложении: Die neuen wissenschaftlichen Entdeckungen üben einen grossen Einfluss auf die Entwicklung der Produktion aus, исходя из привычного для них русского словосочетания «оказывать влияние». Слушатель, научившийся понимать структуру слова, не будет затрудняться в переводе многих новых сложных или производных слов. Систематические упражнения в словообразовании приведут к тому, что слушатели легко поймут такие слова, как, например:

unvermeidlich – неизбежный, зная глагол
vermeiden – избегать;
denkbar – мыслимый, зная глагол
denken – думать;
verhängnisvoll – роковой, зная существительное
Verhängnis – рок;
Häufigkeit частота, зная наречие
häufig – часто.

Или, если слушателю были даны соответствующие пояснения к парным сращениям, так называемым Zwillingsformen, как, например, an Ort und Stelle, mit Rat und Tat, то, встретив сочетание Grand und Boden, auf Schritt und Tritt, он, зная его составные части, догадается о значении этого сочетания.

Конечно, такое «угадывание» слов не должно вырождаться в неполный, приблизительный перевод, с которым нам, к сожалению, так часто приходится сталкиваться. Умение вскрыть значение незнакомых слов не предполагает отказа от словаря, а наоборот, предусматривает обязательное контролирование с помощью словаря, особенно при письменном переводе и на начальной стадии занятий. По мере накопления и усвоения достаточного запаса слов необходимость в таком постоянном контроле, естественно, отпадет, особенно при синтетическом чтении.

Выработкой приемов самостоятельного раскрытия значения незнакомых слов преследуется задача освободить наших слушателей от школьной привычки отыскивать в словаре чуть ли не все слова подряд и приучить их понимать новый текст по возможности без перевода, «догадываясь» о значении новых слов с помощью вышеназванных приемов. Конечно же, для такого вида работы материал должен быть подобран особенно тщательно, чтобы первое время слушатель встречал возможно меньшее количество незнакомых слов. По мере накопления лексического запаса и выработки у слушателей привычки к такой работе тексты могут усложняться. Таким образом, перевод постепенно превратится в основной прием контроля, и мы подведем наших слушателей к поставленной цели: не только адекватно и точно

переводить литературу по специальности, но и с достаточной быстротой без перевода понимать содержание книги или статьи.

Несомненно, что беспереводное понимание содержания предполагает очень твердое знание грамматического строя языка, отчетливое представление обо всех способах образования новых слов, т. е. об аффиксации, словосложении, чередовании гласных и согласных, переходе слов из одной грамматической категории в другую и о прочих способах, а также знание многозначности слов.

Имея в виду состав нашей аудитории, большое внимание следует уделять рассмотрению способов образования научных терминов с помощью словообразовательных ресурсов самого немецкого языка, например с помощью словосложения (Satzgefüge – сложное предложение, Nebensatz – придаточное предложение), переосмысления (Habenzeit – прикладной час порта, Mutterstaat – метрополия), или путем заимствования иностранных или интернациональных терминов, как, например, Milieu – среда, Integration – интегрирование, Perigäum – перигей.

В ходе занятий необходимо по возможности шире практиковать различные приемы раскрытия значения новых слов. Так, многие слова легче запоминаются в результате раскрытия их этимологии, поэтому надо по возможности объяснить слушателям этимологическое происхождение нового слова или термина. Это убедительно и наглядно показывает связь языка с жизнью, с деятельностью людей во всех сферах их работы. Например, связь Errungenschaft с ringen; Gefahr, erfahren, fertig – с fahren и т. д. Если наши слушатели сумеют объединить в своем сознании все оттенки и значения такого нужного им многозначного слова, как Fach (часть, ящик, отделение, специальность, отрасль науки), то они безусловно поймут и запомнят его содержание лучше, чем заучивая отдельно каждое из этих значений в различных контекстах. Очень полезно также противопоставлять друг другу значения синонимического ряда, например, entstehen, entstammen, herrühren, entspringen, entspriessen – происходить; trennen, sondern, scheiden, loslösen – отделить, показывая на примерах тонкую дифференциацию их оттенков.

Необходимо также остановиться на фразеологических оборотах, характерных для научной литературы. Как известно, во фразеологических сочетаниях иногда закрепляется семантическое изменение слова, например, im Begriff stehen (sein), begriffen sein и т. д.

Раскрывая значение нового слова, нельзя пройти мимо и такого существенного явления, как встречающееся довольно часто несовпадение объема значения слова в немецком и русском языках. Например, русское слово «дерево» означает как растение, так и строительный материал, а немецкое «Baum» соответствует только первому из этих понятий. И, наоборот, немецкое слово «Holz» соответствует как русскому слову «дрова», так и понятию «древесный

материал». Русский глагол «идти» не всегда передается немецким «gehen». В русском языке: человек идет, дождь идет, поезд идет, фильм идет, дорога идет, платье идет, в немецком: der Mensch geht, es regnet, der Zug fährt, der Film läuft, der Weg führt, das Kleid steht.

Такое несовпадение объема значений является, как известно, причиной грубейших ошибок. Предупредить их можно только широким использованием контекста и указанием на объем значения изучаемого слова.

Но это только первый шаг к следующему этапу – процессу закрепления и проверки. Новый лексический материал слушатели должны усваивать в связи с накопленным ранее запасом слов, связывать новые слова со старыми по признакам смежности, противоположности, по происхождению, по кругам понятий, по общим словообразовательным элементам. Этот принцип действителен и в отношении слов, подлежащих усвоению: их можно группировать по синонимам, антонимам, гнездам и т. п. В тех случаях, когда это возможно, следует группировать также и термины, относящиеся к узкой специальности.

Однако самым важным для закрепления в памяти слушателей лексики остаются устные и письменные упражнения. Слушатели должны как можно чаще видеть и употреблять новое слово в устной и письменной форме в самых разнообразных комбинациях. Подобные упражнения широко известны, поэтому я позволю себе остановиться на них только вкратце.

На кандидатском семестре, помимо перечитывания проработанного текста, такими упражнениями может служить перевод с немецкого связанных предложений, в которых новое слово дано в другом контексте. Надо постараться вызвать в памяти слушателей знакомые ассоциации слов, закрепленные упражнениями. Очень полезным видом упражнений является перевод с русского языка отдельных несложных предложений, который содействует не только закреплению, но и контролю знания.

Известно, что значение слова часто оказывается настолько связанным в представлении слушателей с определенным контекстом, что они затрудняются перевести это же слово или выражение в изолированном виде или в новом для них контексте (я не имею здесь в виду многозначные слова или употребление слов в переносном смысле). Поэтому, раскрывая значение нового слова в имеющемся контексте, мы должны закреплять его и в других контекстах. В случае многозначности слова или употребления его в тексте в переносном смысле необходимо, чтобы слушатель ясно осознал и закрепил в своей памяти основное его значение, наряду с наиболее употребительными переносными.

Прочному усвоению лексики очень помогает также запись новых слов. Необходимо выработать определенную систему записи слов, пригодную именно для данного семестра.

Запись может вестись самым различным способом. По моему мнению, в течение кандидатского семестра лучше вести ее в алфавитном порядке, так как слушатели привыкли к нему при своей работе со словарем. Вместо тетради можно пользоваться карточками. Но по какому бы принципу ни составлялся словарь, важно одно: вести строгий учет всех слов и систематически контролировать их запоминание. Ниже, описывая свой опыт работы на кандидатском семестре, я более подробно остановлюсь на системе записи новых слов, которую я практикую в своих группах, а также на способах проверки этих словарей.

Перечисляя приемы, применяемые для более прочного усвоения учащимся словарного минимума, необходимо не упускать из вида также домашнее чтение, которое является очень эффективным вспомогательным средством расширения и закрепления нового словарного запаса и повторения усвоенного.

Усвоение и закрепление словарного минимума будет успешным лишь в том случае, если работа слушателей постоянно проверяется. Преподаватель не должен ограничиваться при этом только словами, усвоенными на предыдущем занятии. Для этого имеются разнообразные приемы, начиная от прямого опроса и кончая письменными упражнениями, как, например, перевод двух-трех предложений с немецкого, включающих недавно пройденную лексику в новом контексте, подбор антонимов, синонимов или производных слов к знакомым словам и т. п. При выполнении такого рода контрольных упражнений время строго ограничивается, а пользование словарем не разрешается.

В рабочем плане кандидатского семестра, кроме периодических проверок, до последнего времени была включена специальная контрольная работа по пройденной лексике.

В заключение я хотела бы поделиться своим опытом работы над лексикой в группах кандидатского семестра.

На первом занятии я знакомлю слушателей с рабочим планом кандидатского семестра, с организацией работы в ходе кандидатского семестра и экзаменационными требованиями. Наряду с этим, я знакомлю их также с объемом той лексики, которую они должны твердо усвоить, и с техникой ведения записи слов. Все мои слушатели имеют по две тетради: одну – для перевода и лексических упражнений, другую – для грамматики и грамматических упражнений; а кроме того, два словарика для записи слов: один – для общего словаря, другой – для терминов. В конце общего словаря несколько страниц отведено для записи фразеологических оборотов. В тетради для переводов заполняется не вся страница: с внешней стороны ее оставляются поля шириной в пять см, на которых во время перевода слушатели записывают незнакомые слова и термины, отмечают трудные для перевода места. Приемы объяснения и закрепления новой лексики несколько видоизменяются в зависимости от

того, имеем ли мы дело с текстом по специальности или же с общественно-политической литературой.

Работа над лексикой в процессе чтения и перевода литературы по специальности протекает следующим образом. В начале занятия до проверки перевода около 10 минут отводится на лексические упражнения. Приступая к чтению и переводу, я предварительно просматриваю по очереди слова и термины, выписанные слушателями на полях, поскольку текст и лексика, встречающаяся в нем, мне не знакомы: слушатели сами приносят литературу, рекомендованную им научным руководителем. Нужные слова и термины подчеркиваются мною. После этого слушатели по очереди читают около половины страницы немецкого текста и переводят его на русский язык, сверяя со своим письменным переводом в случае ошибок. Перевод остального текста они читают по своей тетради. Когда мы доходим при чтении или переводе до подчеркнутого мною термина или слова, я останавливаюсь на нем и, если перевода недостаточно для полного раскрытия его значения, поясняю его содержание всеми имеющимися в моем распоряжении приемами, объясняя этимологию, анализируя словообразовательные элементы, сопоставляя его значения со словами того же корня, с синонимами, антонимами и т. д. Данный термин или слова выписываются слушателями вместе с объяснениями и переводом или только с переводом (если слово многозначно, то оно выписывается в соответствующих контекстах в тетрадь для переводов). Термин или слово подчеркивается. Я также записываю этот термин или слово в соответствующую графу своей рабочей тетради данной группы. Число таких слов, включая термины, не должно превышать 20–25 на одно занятие.

Дома слушатели разносят подчеркнутые термины и слова в алфавитном порядке в свои тетради-словари. Если слово многозначно или употребляется в переносном значении, выписываются, кроме имеющегося, и другие его значения. Поскольку я заранее не знаю текста и лексического материала, встречающегося в нем, я не даю на данном занятии упражнений на закрепление проработанных слов, а подготавливаю их дома к следующему занятию. Эти упражнения заключаются обычно в переводе с немецкого 5–10 предложений, включающих в новом контексте не только новые термины или слова, но и частично старые. Предложения мною берутся из литературы по специальности или из газет и задаются на дом. Эти домашние задания не представляют трудности с точки зрения грамматики. Я проверяю их в течение 10 минут до чтения и перевода. Наряду с этим провожу частичный опрос терминов и слов, проработанных на предыдущем занятии. Таким образом, эти 20–25 терминов и слов повторяются три раза: первый раз при их объяснении и введении, второй — на следующем занятии при опросе и третий раз – при проверке домашних упражнений

на эти же слова. Так же я поступаю и при чтении литературы по специальности с листа.

Несколько иначе обстоит дело при чтении и переводе общественно-политической литературы. Подбирая в газете статью для аналитического или синтетического чтения, я предварительно составляю список слов и выражений, подлежащих усвоению и объяснению, и выписываю их в свою рабочую тетрадь. На эти слова и выражения, пользуясь материалом газет, я составляю всевозможные упражнения. Более трудные из них прорабатываются в аудитории, менее трудные даются на дом. Эти новые слова я даю и объясняю либо после аналитического чтения, либо до синтетического чтения.

В тех случаях, когда я даю и объясняю новые слова после аналитического чтения, я часто предоставляю своим слушателям самостоятельно раскрывать значение незнакомых для них слов всеми известными им способами. Каждая такая «догадка», сделанная слушателем, должна быть обоснована им, а в обсуждении ее принимает участие вся группа. Подобный лексический анализ проходит очень оживленно и стимулирует интерес слушателей к изучаемому языку.

После чтения (про себя или вслух) и перевода или после беспереводного чтения несложных фабульных текстов я даю слушателям упражнения на закрепление новых слов, причем выбираю сначала легкие, постепенно усложняя и варьируя их в зависимости от уровня знаний группы. Все лексические упражнения на перевод с немецкого и русского строятся на знакомом грамматическом материале и по возможности связываются с грамматической темой, проработанной на предшествовавшем занятии и закрепляемой на данном занятии.

Домашние задания я проверяю в начале занятия, до того как мы приступаем к новому материалу. Это занимает 10–15 минут. Таким образом, 20–25 слов общей лексики повторяются два раза и частично закрепляются уже во время чтения и перевода. Раз в месяц необходимо проводить небольшую, минут на 20, письменно-устную контрольную работу по лексике, сочетая ее иногда с проверкой усвоения пройденной грамматической темы. Такая работа заключается в устном опросе слов, с учетом всех известных оттенков их значения, подборе синонимов, антонимов, производных слов и т. д. и в письменном переводе 2–3 предложений с немецкого. В такую контрольную работу включается возможно большее число слов и терминов, проработанных в течение месяца.

Если исключить время, отводимое на проверку домашнего чтения и последние два занятия, посвященными целиком переводу, в моем распоряжении остается 40 занятий из 45. Обычно удается за время этих занятий вполне удовлетворительно закрепить около 500 терминов и около 800 слов общей лексики, включая часть тех из них, которые были известны слушателям еще до поступления в аспирантуру и требующих лишь закрепления.

Педагогический опыт показывает, что за шестимесячный курс обучения в ходе кандидатского семестра наши аспиранты не могут достаточно прочно закрепить большее количество терминов и слов общей лексики.

Эти 500 терминов и 800 слов общей лексики составляют вместе со словами, известными нашим слушателям до поступления в аспирантуру, примерно 2000 слов. При этом следует также учесть, что в результате систематической работы над лексикой и ознакомления наших слушателей с различными способами и средствами словообразования в немецком языке, а также способами обогащения немецкого языка иноязычными элементами, слушатели получают возможность на данной основе довольно значительно расширить приобретенный ими запас слов.

Работа над лексикой проводится нами в неразрывной связи с работой по изучению и закреплению грамматического строя изучаемого языка и с переводом. Поэтому трудно определить время, которое мы уделяем работе над лексикой: примерно оно составляет 20–25 минут из двухчасового урока.

Проверкой нашей работы является кандидатский экзамен, в ходе которого наши слушатели не только переводят письменно текст по специальности со скоростью 3 тысяч знаков в час (т. е. на тысячу знаков больше, чем при вступительном экзамене), но и переводят с листа литературу по специальности со скоростью 1000 печатных знаков за 10 минут. Выработка такого умения является результатом углубленной работы над всеми аспектами языка, в том числе и над лексикой.

Литература

1. Ярцева В.Н. Задачи, содержание и построение теоретических курсов иностранных языков // Ин. яз. в шк. – 1951. – №4. – С. 44. **2. Гез Н.И.** Анализ текста в старших классах // Ин. яз. в шк. – 1950. – №6. – С. 67. **3. Щерба Л.** Перспективы преподавания иностранных языков // Иностранный язык в школе: Сб. – М.: Учпедгиз, 1944.

В данной статье автор описывает свой многолетний опыт работы над лексикой в течение кандидатского семестра. Поднимается проблема применения наиболее передовых методов усвоения профессионально-ориентированной лексики.

Ключевые слова: лексика, фразеология, термины, перевод, закрепление, домашнее чтение, словари.

У даній статті автор описує свій багаторічний досвід роботи над лексикою протягом кандидатського семестру. Піднімається проблема застосування найбільш передових методів засвоєння професійно-орієнтованої лексики.

Ключові слова: лексика, фразеологія, терміни, переклад, закріплення, домашнє читання, словники.

In this article the author describes the long-term experience above a vocabulary during a candidate's semester. The autor describes the problem of application of the methods of mastering of the professionally-oriented vocabulary rises.

Key words: vocabulary, phraseology, terms, translation, fixing, home reading, dictionaries.

УДК 81'272

О. В. Красовская

ДВУЯЗЫЧИЕ В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале гражданского судопроизводства в Луганской области)

Судебный процесс – это особая лингвокультурная среда, для которой характерны коммуникативные, жанровые, речеповеденческие и др. особенности. В ней представлены специфические виды коммуникативных неудач и механизмы их преодоления. В ходе судебной коммуникации (СК) могут сталкиваться не только стилистически разнородные языковые пласты, но и разные языковые коды. Ср.:

«1. Гражданское судопроизводство осуществляется *на государственном языке*.

2. Лица, участвующие в деле и не владеющие или недостаточно владеющие государственным языком..., имеют право делать заявления, давать объяснения, выступать в суде и заявлять ходатайства *на родном языке или языке, которым они владеют* (курсив везде мой. – О.К.), пользуясь при этом услугами переводчика...» (ст. 7 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) Украины).

Приведенная норма о языке гражданского судопроизводства отвечает одному из общепризнанных международных требований (имеется в виду прежде всего Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод) к справедливому правосудию, которое заключается в том, чтобы все участники судебного разбирательства понимали используемый в суде язык. Ср.: «Тем самым обеспечивается реальный доступ к суду и достигается наиболее полное удовлетворение законных требований лиц, обратившихся за судебной защитой» [2, с. 79]. Таким образом, социально-коммуникативная система (термин А.Д. Швейцера) судопроизводства при необходимости включает в себя два языка – государственный язык и язык, приемлемый для участников процесса (как правило, это региональный язык).

В нашем материале (гражданское судопроизводство русскоязычного региона Украины) с недавних пор (сентябрь 2005 г.) сосуществуют два языка – 1) государственный украинский и 2) русский язык как «*язык большинства населения данной местности*» (термин из предыдущей редакции ГПК). Несмотря на вытеснение русского языка из многих сфер жизни восточной Украины, в языковой компетенции большинства жителей этого региона русский язык продолжает оставаться основным [3, 33–34]. Украинским они владеют на уровне репродуктивного билингвизма (термин Е.М. Верещагина).

Как распределяются эти языки в судебном процессе? Прежде всего – по профессиональному признаку. В рамках судебного разбирательства украинский язык – это язык процессуальной деятельности судей, которые обязаны использовать государственный язык, так как осуществляют правосудие «от имени государства». При исполнении своих процессуальных ролей украинским языком пользуются (правда, не всегда последовательно) прокуроры, поскольку прокуратура также относится к сфере обязательного использования государственного языка. Под влиянием фактора корпоративной солидарности стремятся к овладению украинским языком адвокаты, от которых закон не требует обязательного оказания юридической помощи на государственном языке (но он все же необходим им в адвокатской практике, например, для составления жалоб в Верховный Суд). Непрофессиональные участники процесса выбирают язык по своему усмотрению. Ср. разъяснения судей участникам процесса до начала слушания дела по сути: *Цивільний процес ведеться українською мовою. Ви маєте право розмовляти російською; Ми будемо розмовляти державною мовою. Ви можете російською. Хто зовсім не розуміє, повинен забезпечити собі перекладача. Бо у нас нема.*

Как взаимодействуют близкородственные языки в рамках СК? Наблюдаются разные проявления взаимодействия языков в нашем материале. Это:

1. **Иноязычные вкрапления**, т.е. появление элементов одного языка в тексте, составленном на другом языке: *Ви попереджаєтесь про кримінальну відповідальність за заведомо неправильний переклад.*

Сюда же можно отнести явление диалогического «подхвата» иноязычного средства (здесь и далее в примерах: С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

С. Возможно, Ви мирним шляхом це поділити?

О. Но если он подал в суд, значит, он не хочет со мной *мирним шляхом* это решать, правильно я понимаю?

При общении в неоднородной языковой среде неизбежно цитирование – например, введение в украинскую речь судьи фрагментов русскоязычных текстов, содержащихся в деле в качестве доказательств: (С. анализирует письмо бабушки, адресованное внучке – О. в деле о разделе имущества между братом и сестрой) *Тут написана фраза, яка, я думаю, не може тлумачитися двозначно: «Дорогая внученька! Поздравляю тебя с дочкой». Далі там викидаємо зміст. І в кінці: «Жду вас дома с сюрпризом. Пришло время тебе получить драгоценности».*

Иноязычное слово часто попадает в цитатные вопросы, типичные для судебного диалога:

(Из семейного спора)

О. Значит, вот это мои основные требования. Это просто, чтоб она [о жене] придерживалась естественного, здорового образа жизни.

С. *А що таке «естественный, здоровый образ жизни»?*

О. Это нормальное питание, нормальные физические нагрузки...

2. Кодовые переключения – переход с одного языка на другой под влиянием какого-либо фактора (см.: [4]):

(В апелляционном суде идет проверка явки участников судебного заседания, в котором слушается несколько дел)

С. Давайте мы проверим, кто есть у нас. (пересматривает дела) По Краснодону все есть?

И. Да.

С. Хорошо. Будем слушать. *Так, Иванов, Ви не згодні з рішенням Краснодонського міськсуду, яким Вам відмовлено у виплаті матеріальної допомоги.*

И. Да.

С. Ну, будь ласка, Ви підтримуєте свою апеляційну скаргу?

И. Да.

С. *Що Ви... Чому Ви вважаєте, що рішення суду незаконне?*

И. Суд Краснодонский не принял во внимание следующие аргументы...

В приведенном фрагменте в речи судьи наблюдается ситуативное переключение с русского языка на украинский – при переходе с «технической» стадии процесса к обсуждению правового конфликта.

3. Смещение языков, т.е. постоянный и хаотичный переход с одного языка на другой. Ср. РП судьи в следующем примере:

(Проверяется явка участников процесса, а также наличие в деле расписок о вручении повесток неявившимся участникам, на основании которых можно слушать дела в их отсутствие)

С. У нас є хто, Самойлов?

О. Да.

С. Підходьте, Самойлов. Давайте Ваші анкетні дані. Надійшло *от нее заявлення. Пишет, что прошу взыскать... А ничего нет, что прошу рассмотреть* в її відсутності.

О. Она, может, думала.

С. *Может, думала.* Візьмете повістку [для И., которая проживает с О. в одном городе]?

О. Я не могу встречаться, потому что постоянные угрозы...

С. (принимает решение о переносе слушания дела) *Ну все.* На перше. *И то не знаем*, дійде [имеется в виду расписка о вручении повестки И.].

Анализируемая нами ситуация является коммуникативно неудовлетворительной, потому что способствует не кооперации, а языковому разобщению участников процесса. В своем обстоятельном социокоммуникативном исследовании Т.Г. Винокур убедительно показывала, что инвариантом речевого поведения говорящих и слушающих «...в разных условиях речи, в разных коммуникативных и содержательно-тематических сферах является... поиск общего языка...» [1, с. 82], который имеет в первую очередь билингвистический смысл. Ср. также рассуждения Л.П. Крысина: «В своем речевом поведении каждый говорящий, руководствуясь целью – быть понятым, ориентируется на коммуникативное «сотрудничество»... с адресатом своей речи, на поиски таких форм общения, которые были бы наиболее эффективны для взаимопонимания. Отсюда – необходимость для коммуникантов находить общий язык...» [4, с. 374].

Рассмотрим, какие типы речевого поведения «формирует» неоднородная в языковом отношении процессуальная среда.

По готовности отказаться от профессионально-группового (украинского) языка в пользу «общего» (русского) языка среди судейского корпуса можно выделить такие группы говорящих:

1. Судьи, в речевом поведении которых наблюдается свободное переключение с украинского языка на русский. Русский язык при этом может использоваться как фрагментарно, так и целиком на «технических» стадиях судебного производства (соответствующие примеры приводились выше).

Активно включается русский язык в речь судей на импровизационных, «собственно диалогических» отрезках судебного диалога – при быстром обмене краткими репликами с целью выяснения всех обстоятельств правового конфликта («крайний случай диалога», по Л.П. Якубинскому). Вот еще один пример «смешанного диалогического текста»:

(Из иска бывшей тещи о возмещении материального вреда к своему бывшему зятю; районный суд разрешил конфликт в пользу И.; О. обжалует это решение в суде апелляционной инстанции; в судебном заседании участвует так называемое «третье лицо» (ГЛ.) – бывшая жена О.)

С. (обращаясь к О.) Згодні Ви з рішенням суду?

О. *Я не згодний*, потому что не были допрошены все свидетели, не присутствовали в районном суде заинтересованные лица. Этот телевизор был куплен из семейного бюджета.

С. Хто розбив телевізор?

О. Бывшая жена.

С. Ви підтримуєте апеляційну скаргу?

О. Да.

С. Що просите? Відмінити, скасувати?

О. (молчит)

С. Направити, *наверное*, на новий розгляд?

О. (кивает)

С. (обращаясь к И.) Є запитання?

И. Я, во-первых, когда была на заседании в Свердловском суде...

С. (обрывая) Ви розумієте, що таке запитання? Запитання є?

И. Нет пока.

С. *Вот теперь давайте* пояснення.

И. Моя дочь жила с С.

С. *Чей это телевизор?*

И. Мой. Я покупала. Все документы на меня.

С. *Вы считаете решение законным Свердловского суда?*

И. Да. Пусть он мне отдает деньги – я ему телевизор.

С. Що с телевізором?

И. На нем трещина.

С. *А мастер какой-нибудь это смотрел?*

И. Соседка видела.

С. *Ну соседка ж не мастер*. Це Ваша власність. Чому Ви зараз нав'язуєте телевізор йому? Він у Вас знаходиться?

И. Когда мы делили мебель...

С. (обрывая) Не треба. Чого йому віддаєте? А Ви вважаєте, Ви доказали, що це він розбив телевізор?

И. Он на первом заседании это не отрицал.

С. *Вы читали протокол судебного заседания?* Він *сразу* не визнавав позов.

И. Он на заседании не отрицал.

С. *Мы там не были.* Що просите?

И. Я прошу, деньги отдали.

С. Ми нікому гроші не віддаєм. Що з рішенням зробити? (обращаясь к бывшей жене О.) Третя особа.

ТЛ. Я тоже хочу, чтоб он деньги отдал. Я его как бы не била.

С. *Так как бы или не била?*

ТЛ. Он его бил.

С. *Вы видели?*

ТЛ. Нет, я слышала. Когда он меня выгнал, там все билось.

(Суд переходит к следующей стадии судебного разбирательства)

Монологические же реплики судей (объявление состава суда и разъяснение права отвода, ознакомление участников дела с другими процессуальными правами, судейский доклад), которые носят клишированный характер, проговариваются на украинском языке.

2. Судьи, в речевом поведении которых не происходит смены кода. Здесь наблюдаются такие подгруппы говорящих:

а) судьи, воспринимающие украинский язык как дополнительный (наряду с мантией и элементами судебного этикета) знак своего высокого социального статуса, фактор, способный поддержать должную дистанцию с остальными участниками судебного процесса.

Используя украинский язык в указанной функции, судьи снимают с себя ответственность за эффективность судебной коммуникации:

С. (обращаясь к И.) Є питання у Вас [к О.]?

И. (молчит)

С. (повышая голос) Питання є у Вас?

И. (молчит)

С. Ви що, не розумієте?

И. Плохо я понимаю.

С. *Ну плохо,* давайте перекладача.

Заметим, что на судебном заседании, фрагмент которого мы привели, право пользоваться услугами переводчика разъяснено процессуальным участникам не было.

Некооперативная коммуникативная стратегия, которая в нашем материале связана с обострением языкового контраста, типична для речевого поведения судей. (В однородной языковой среде судьи отказываются от стилистических переключений - с целью адаптации юридической терминологии для непрофессиональных участников процесса.);

б) судьи, не использующие русский язык в общении с процессуальными участниками «в практических целях». При этом отправители правосудия призывают говорить по-украински всех участников дела: *Пробуйте трішечки українською мовою, бо треба ж все записувати в протокол. Мені також важко.*

Для реализации этой коммуникативной установки может быть организован коллективный перевод русскоязычного документа на украинский язык:

С. (медленно оглашает документы, предоставленные О., следя за тем, успевают ли записывать секретарь) Копія звіта про вивільнення робітників, про скорочення штатів. Л. отримувє пособие... Як буде *одиноким матері*?

И. Так і буде – одинокої.

С. (продолжая диктовать) ...одиноким матері на дитину.

О. Перепрошую, *одиноким* – самотньої.

С. (смеется) Самотньої? (обращается к секретарю) *Исправила*?

Такое поведение, соответствующее фатическому типу языковой личности, среди судей не распространено.

Среди русскоязычных непрофессиональных участников процесса выделяются те же типы РП:

1. РП, в котором не наблюдается перехода на украинский язык даже по просьбе судьи. Безусловно, это происходит под влиянием многих факторов. Выделим один, особенно значимый для процессуальной среды. РП непрофессиональных участников судопроизводства стеснено ее обстановкой, неосвоенной процессуальной ролью. СК обычно протекает на фоне переживания процессуальными оппонентами отрицательных эмоций, страха и тревоги у них за результат спора и мн. др., что порождает неадекватную пассивность в РП людей. Использование непривычного средства общения может создавать дополнительные препятствия в защите человеком своих прав.

Когда наблюдается отчетливо выраженное недопущение в речь украинских слов, можно говорить о других – «непроцессуальных» – факторах, «управляющих» РП участников правового конфликта:

С. А Ви запросили маму сюди в суд?

О. Да, *запро*... ее сюда вызвала;

С. Ви лікувалися?

И. Я *ліку*... да, я вы... лечился...

2. Участники процесса, реализующие в ходе судебного разбирательства модель зависимого, подчиненного поведения, как правило, обнаруживают стремление общаться с судьями на «общем» языке. Однако для этого не всегда хватает необходимого речевого опыта, поэтому указанное стремление ограничивается построением кратких реплик, словесный состав которых обусловлен предыдущей репликой судьи т.п. При необходимости построить выступление без опоры на прозвучавший вопрос в РП и этих участников судопроизводства наблюдается переход к использованию более удобного языкового кода, в результате чего можно наблюдать тип РП, балансирующего между «поправкой на ситуацию» и «поправкой на личные речевые навыки» (Т.Г. Винокур):

(Из дела об опровержении недостоверной информации: ПИ. – представитель И., ПО. – представитель О.)

ПИ. (по предложению С. задает вопрос О.) Кто устанавливал причинно-следственную связь между профессиональной деятельностью истицы и ухудшением здоровья Б.?

ПО. *Це питання... до позовного иску воно не відноситься.*

С. Відповідайте, запитання судом не знімається. Відповідайте.

ПО. **Відповідаю.** А чего Вы решили, что кто-то что-то устанавливал?
 С. Повинні Ви перевіряти інформацію, яка до Вас надходить?
 ПО. Я могу показать Вам ответы...
 С. (перебивая) Я **щас** не маю на увазі заяви позивачки. Ви повинні перевіряти негативну інформацію?
 ПО. **Нет**, не повинні;
 С. Доповнення є?
 И. У мене клопотання про залучення... цих... (говорит тише) *Вылетело слово.*
 С. *Говорите по-русски.*
 И. Документів... *грамот, в которых содержится положительная информация о моей профессиональной деятельности.*
 С. Представник відповідача, Ваша думка.
 О. Я не знаю, для чего... *Мы и так знаем К. как высококвалифицированного сотрудника. Она, к сожалению, награждалась по другой линии.*

Итак, в одной и той же лингвокультурной ситуации мы наблюдаем полярные типы РП – готовность к «поиску общего языка» и отказ такого поиска. В ряде случаев выбор одного из этих вариантов символизирует социальные отношения, которые, «...по мнению одного или всех коммуникантов, должны быть реализованы в конкретном акте взаимодействия...» [6, с. 180–181].

Однако переключение с одного кода на другой не всегда вызван стремлением к контактоустановлению, солидаризации с собеседником. В нашем материале оно часто представляет собой «поправку на личные навыки говорящего» и реализуют его собственный речевой опыт. И, наоборот, отказ от перехода на «общий» языковой код может не породить оппозиционного варианта РП, если говорящий при этом использует другие приемы языкового объединения коммуникантов.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. –172 с. **2. Губаева Т.В.** Язык и право. – М.: Норма, 2003. – 160 с. **3. Язык** русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. – М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 496 с. **4. Крысин Л.П.** Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 375–379. **5. Крысин Л.П.** Социальные различия говорящих и их речевое поведение // Там же. – С. 367–374. **6. Тарасов Е.Ф., Школьник Л.С.** Социально-символическая регуляция собеседника // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 174–191.

Рассматриваются разные проявления взаимодействия языков в структуре судебной коммуникации, представляющей собой неоднородную языковую среду. Выделяются основные варианты речевого поведения процессуальных участников, связанные с «поиском общего языка».

Ключевые слова: судебная коммуникация, речевое поведение, иноязычное вкрапление, кодовое переключение, «смешанный текст», «поиск общего языка».

Розглядаються різні прояви взаємодії мов в структурі судової комунікації, що є неоднорідним мовним середовищем. Виділяються основні варіанти мовленнєвої поведінки процесуальних учасників, пов'язані з «пошуком спільної мови».

Ключові слова: судова комунікація, мовленнєва поведінка, іншомовне вкраплення, кодове перемикавання, «змішаний текст», «пошук спільної мови».

There are considered different displays of interaction of languages in the structure of legal communication, which presents non-homogeneous language surrounding. There are distinguished basic versions of speech behaviour of law-suit participants, which are connected with «the search of common language».

Key words: legal communication, speech behaviour, other language spotting in, code switching, «mixed text», «search of common language».

УДК 811.161.1'42

О. В. Крысало

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В
ПЕРЕВОДНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ
(на материале пьесы Теннесси Уильямса «Стеклозверинец»)**

Создавая художественное произведение, автор произвольно или непроизвольно наполняет текст маркерами, сигнализирующими о его принадлежности к культуре, носителем которой является сам писатель. Такими национально специфическими «ключами» могут быть как явные ссылки на определенные культурные признаки, так и имплицитные указания на специфические черты, которые обычно ассоциируются с моделями определенной культуры.

При переводе на другой язык лингвокультурные маркеры в произведении претерпевают ряд значительных изменений. Для иллюстрации языкового воплощения маркеров англосаксонской культуры в русском тексте взяты два перевода пьесы Теннесси Уильямса «Стеклозверинец» («The Glass Menagerie»), выполненные Г. Злобиным и А. Завалий.

Судя по нашим наблюдениям, наиболее распространенными элементами иноязычной культуры в русском тексте данного драматургического произведения являются онимы – имена персонажей (Аманда Уингфилд, Лаура Уингфилд, Том Уингфилд, Джим О'Коннор), географические названия (Сент-Луис, Мемфис, Чикаго) и т.п. Являясь бесспорными репрезентантами американской культуры, некоторые топонимы в тексте пьесы заключают в себе информацию, незнакомую русскому читателю, но абсолютно необходимую для более точного

понимания художественных образов и смысла пьесы в целом. Так, героиня пьесы Аманда Уингфилд в самом начале первой картины восклицает:

«Why, I remember one Sunday afternoon in Blue Mountain when your mother was a girl...» [1, с. 238].

Blue Mountain – название городка в одном из южных штатов США, откуда родом героиня пьесы. Героями очень многих пьес Уильямса являются именно южане – потомки аристократов, люди с тонкой душевной организацией, однако абсолютно не приспособленные к жизни в современном жестоком мире. Именно таким персонажем является героиня пьесы «Стеклянный зверинец» Аманда, а ее происхождение, на котором акцентировал внимание Уильямс, во многом объясняет и ее поведение. В переводе А. Завалий рядом с названием Блу Маунтан находим примечание: «Город в штате Теннесси», что предоставляет читателю, хотя и не в полной мере, информацию экстралингвистического характера, необходимую для адекватного восприятия данного топонима. В переводе же Г. Злобина нет подобного комментария, что, на наш взгляд, несколько осложняет соответствующую трактовку авторской концепции.

В последнем из указанных переводов отсутствуют комментарии и при использовании других имен собственных, являющихся маркерами американской культуры и абсолютно незнакомых русскому читателю: «Дочери Американской Революции», «Континентальная Обувь», кекуок и др. В варианте А. Завалий все эти реалии американской жизни первой половины XX века снабжены комментариями переводчика: «Дочери Американской Революции» – закрытый исторический клуб наследников участников революции, действующий до наших дней; «Континентальная Обувь» – название обувного магазина, в котором работает Том; Берхтесгаден (Berchtesgaden) – городок на юго-востоке Германии, на вершине одной из гор вокруг Берхтесгадена располагалась летняя вилла Гитлера; Невил Чемберлен (Neville Chamberlain) – премьер-министр Великобритании; кекуок (cake walk) – разновидность танца и др.

В переводе А. Завалий читателю предоставляется довольно обширный комментарий явлений американской и европейской культур, однако, на наш взгляд, текст пьесы «перенасыщен» национальными маркерами. В переводе Г. Злобина названия многих явлений чужой для русского читателя культуры заменены «нейтральными» гиперонимами: «сладкое» (в варианте А. Завалий «бланманже»), «граммофон» («Виктрола»), «жевательная резинка» («Уиригли»), «пшеничные хлопья» («Пурина»), «гарнир» («соус «Дорки»), «вишневый ликер» («вишня в «Маскино») и др., что делает инокультурные маркеры более приемлемыми для восприятия реципиента.

Маркером американской культуры в тексте пьесы «Стеклянный зверинец» является и описания обычая, которого нет в русской культуре:

«Аманда. Чем ты любишься?»

Том. Месяцем.
Аманда. А что, уже родился?
Том. Вон он – над «Деликатесами Гэрфинкела».
Аманда. И правда, смотри-ка! Совсем как серебряная туфелька.
Ты уже загадал желание, Том?
Том. Угу» [2, с. 32];
«Аманда. Лаура!.. Лаура.
Лаура (из кухни). Что, мама?
Аманда. Ну-ка, оставь посуду, иди сюда. Подойди-ка. Посмотри –
месяц! Давай загадаем желание.
Лаура. Месяц... ну и что?
Аманда. Смотри, как серебряная туфелька, правда? Обернись-ка
через левое плечо и загадай желание!» [3, с. 37].

Для названий многих элементов англосаксонской культуры, представленных в пьесе «Стеклянный зверинец» в русском языке нет эквивалентов, и это значительно усложняет работу переводчика. Адаптация таких лакун сводится к процессу их элиминирования, осуществляющемуся двумя основными способами: заполнением и компенсацией.

Заполнение лакун – это раскрытие смысла понятия или слова, принадлежащего незнакомой читателю культуре. Данный прием устранения лакун применяется и при переводе пьесы «Стеклянный зверинец» на русский язык. Так, в переводе, выполненном А. Завалий, типичные для американцев, но незнакомые для русских читателей слова снабжены подробными комментариями переводчика. Например, «селотекс (в оригинале «celotex») – изолирующий материал, применяющийся при отделке помещений» и др.

Однако более распространенным способом элиминирования лакун в русском тексте данной пьесы Теннесси Уильямса является процесс компенсации, при котором для облегчения понимания какого-либо фрагмента чужой культуры в текст вводится специфический элемент культуры реципиента. Так, в русском тексте появляются указания на реалии, знакомые читателю, ссылки на хорошо известные ему отечественные произведения литературы, искусства, помогающие понять явления американской культуры: «broomstick» – «помело», «celotex» – «камышит» (перевод Г. Злобина); «cap with earmuffs» – «шапка-ушанка», «service-car» – «такси», «angel-food cake» – «гоголь-моголь», «cotillion» – «кадриль», «Rise and shine!» (призыв к подъему (воен.)) – «Проснись и пой!» (строки из песни к одноименному кинофильму) (перевод А. Завалий) и др.

Особую сложность для переводчика представляют каламбуры и некоторые другие стилистические фигуры, которые использует в речи персонажей автор и которым невозможно найти соответствия в языке перевода. Так, в английском варианте пьесы «Стеклянный зверинец» Уильямс у одной из героинь – Лауры Уингфилд – есть прозвище –

Голубая Роза. Причины его появления объясняет сам персонаж в одной из реплик:

«LAURA. When I had that attack of pleurosis – he asked me what was the matter when I came back. I said pleurosis – he thought that I said «Blue Roses». So that’s what he always called me after that. Whenever he saw me, he’d holler, «Hello, Blue Roses!»» [1, с. 242].

В способе устранения данной стилистической лакуны в переводе А. Завалий использованы элементы и компенсации, и заполнения:

«ЛОРА: Я болела плевритом – и он спросил меня, что со мной случилось, когда я вернулась в школу. Где-то у врача я прочла латинское название этой болезни и ответила ему, что у меня был сильный плевритозис – а ему показалось, что я сказала «Синие Розы»! После этого он стал всегда называть меня так. Как только он увидит меня, сразу закричит: «Привет, Синие Розы!» [2, с. 8].

И реплика снабжена комментарием переводчика: «При переводе этой части диалога были внесены некоторые добавления, отсутствующие в оригинале, но необходимые для сохранения изначального смысла. Для ясности я частично приведу английский текст объяснения Лоры, построенного на игре слов и трудно поддающийся точному переводу: «When I had that attack of pleurosis – he asked me what was the matter when I came back. I said pleurosis – he thought that I said «Blue Roses». So that’s what he always called me after that».

В переводе Г. Злобина наблюдается лишь прием компенсации, что несколько искажает оригинальную стилистическую окраску данного фрагмента:

«Лаура. Помнишь, я заболела?.. А когда снова пошла в школу, он спросил, что со мной было. Я сказала «невроз», а ему послышалось «роза». С тех пор так и пошло. Как увидит меня, кричит: «Привет, Голубая роза!»» [3, с. 19].

Аналогичные способы передачи языковой игры фиксируются в следующем примере:

«ТОМ. ...People go to the *movies* instead of *moving*!» [1, с. 261];

«Люди ходят в кино, вместо того, чтобы двигаться самим!» с комментарием «People go to the *movies* instead of *moving*!» [2, с. 40];

«Люди ходят в кино, смотрят бегущую ленту, а сами ни с места!» [3, с. 45].

Очевидно, что приемы компенсации и заполнения используются переводчиками в тех случаях, когда сохранить лакуны не представляется возможным, а текст необходимо сделать максимально понятным русскому читателю и важно добиться воздействия на реципиента перевода аналогичного тому, которое оказывает оригинал на читателя исходного языка. Тем не менее, элиминирование лакун влечет за собой утрату национальной специфики исходной культуры и обязательно вводит в текст элементы культуры реципиента.

Важными национально-культурными маркерами в тексте перевода драматургического произведения являются фразеологизмы и паремии, используемые, в частности, в прямой речи персонажей.

Результаты сравнения насыщенности оригинального и переводных текстов пьесы «Стеклянный зверинец» фразеологическими единицами позволяют сделать следующие выводы: не все идиомы оригинального произведения, являющиеся американскими национально-культурными маркерами, транслируются в русский текст; в переводах наблюдается процесс замены словосочетаний, свободных в английском языке, русскими фразеологизмами, что значительно усиливает в произведении «присутствие» национальной культуры переводящего языка:

«Glass Menagerie»	«Стеклянный зверинец», пер. с англ. Г. Злобина	«Стеклянный зверинец», пер. с англ. А. Завалий
«up the spout» (фр.) «What in hell – » (фр.)	«пошло прахом» (фр.) «Какого дьявола!» (фр.)	«вылетело в трубу» (фр.) «Ради Христа!» (фр.)
«I have things up my sleeve» (фр.) «skipped out of town» (фр.) «dropped out of school» (фр.) «tuck away in mousetrap» (фр.) «map out the future» (фр.) «not to be cut out for business career» (фр.) «Honest to God» (фр.) «punch in red» (фр.)	«в рукаве у меня ворох фокусов» (св. соч.) «удрал из города» (св. соч.) «перестала посещать школу» (св. соч.) «маяться в конуре» (св. соч.) «уготовить будущее» (св. соч.) «не годиться для деловой карьеры» (св. соч.) «Знаешь, мне иногда хочется...» (св. соч.) «я опаздываю» (св. соч.)	«в моем рукаве спрятаны предметы» (св. соч.) «уехал из города» (св. соч.) «бросила школу» (св. соч.) «загнать в комнатушку» (св. соч.) «рисовать будущее» (св. соч.) «зацикливаться на карьере» (св. соч.) «Ты думаешь...» (св. соч.) «я слишком опаздываю» (св. соч.)

«Glass Menagerie»	«Стеклянный зверинец», пер. с англ. Г. Злобина
«as far as the system of transportation reaches» (св. соч.) «I haven't enjoyed one bite of my dinner» (св. соч.) «to find a hole in the ground and crawl in it» (св. соч.)	«у черта на куличках» (фр.) «кусочек в горло не лезет» (фр.) «сквозь землю провалиться» (фр.)

«hopes for any kind of future for you» (св. соч.) «I've had to put up a solitary battle» (св. соч.)	«надежды поставить тебя на ноги» (фр.) «биться как рыба об лед» (фр.)
--	--

«Glass Menagerie»	«Стекланный зверинец», пер. с англ. А. Завалий
«to take its place» (св. соч.) «to drift alone doing nothing» (св. соч.) «to do some fast thinking» (св. соч.) «to go right up with it» (св. соч.)	«с лихвой возместить» (фр.) «плыть по течению» (фр.) «придумать что-нибудь на скорую руку» (фр.) «идти рука об руку» (фр.)

Аналогичные процессы происходят и при переводе на русский язык английских пословиц, «вложенных» Уильямсом в уста героев пьесы «Стекланный зверинец». Так, в оригинальном варианте произведения неоднократно встречаются пословицы, произносимые Амандой Уингфилд – одной из главных персонажей: «Sticks and stones can break our bones», «Still water runs deep» и др. В переводе А. Завалий данным паремиям дается дословный перевод и комментарий:

«АМАНДА: От камня да трости ломит кости, а от выражения на лице у мистера Гарфинкеля нам вреда не будет» [2, с. 13]; в конце текста расположен комментарий переводчика: «Sticks and stones can break our bones» (вариант перевода: «Болят бока от палок да кнута»);

«АМАНДА: ...Такая тихая, но все же воды текут на глубине» [2, с. 14].

В переводе, выполненном Г. Злобиным, в данном контексте используются русские эквиваленты пословиц:

«Аманда. Подумаешь, недовольное. Нам с его лица воды не пить...» [3, с. 25];

«Аманда (притрагиваясь к его руке). Ты знаешь, какая она. Тихая, смиренная, но... в тихом омуте...» [3, с. 27].

Не вызывает сомнения тот факт, что пословицы являются чрезвычайно трудными для перевода, поскольку в них заключены особенности национальной культуры. Однако использование в переводе данного произведения русских эквивалентов паремий, на наш взгляд, является абсолютно необходимым – главным образом для максимально точной передачи на другой язык особенностей языковой личности персонажа, в речи которого данные пословицы употребляются.

Таким образом, при анализе маркеров англосаксонской культуры в русской переводной речи персонажей пьесы Теннесси Уильямса, к которым принадлежат имена собственные, фразеологизмы, пословицы, некоторые стилистические приемы, становится очевидным тот факт, что перевод этих единицы представляет чрезвычайную сложность для переводчика. В рассматриваемых переводах наблюдаются следующие

пути решения данной проблемы: заполнение таких лакун, предполагающая наличие лингвокультурологического и стилистического комментария переводчика; компенсация, заключающаяся в замене лакунарного понятия русским эквивалентом; и, на наш взгляд, наименее оправданный прием «устранения» маркера из русского текста, что значительно искажает прагматику текста.

Литература

1. **Tennessee Williams.** The Glass Menagerie // Modern American Dramas. — N.-Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1949. — 382 p.
2. **Уильямс Т.** Стекланный зверинец [Эл. ресурс]: Пер. с англ. А. Завалий // <http://www.lib.ru/PXESY/WILLIAMS/zverinec.txt>
3. **Уильямс Т.** Стекланный зверинец: Пер. с англ. Г. Злобина // Уильямс Т. Кошка на раскаленной крыше: Пьесы, роман, рассказы. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 480 с.

В статье на материале сопоставительного анализа англоязычного оригинала и двух переводов на русский язык пьесы американского драматурга Теннесси Уильямса «Стекланный зверинец» рассматривается проблема передачи маркеров англосаксонской культуры в тексте перевода пьесы на русский язык. Установлено, что основными инокультурными маркерами в анализируемом тексте являются онимы, фразеологизмы, паремии и некоторые стилистические фигуры.

Ключевые слова: перевод, лингвокультурология, англосаксонская культура, русская культура, маркер, оним, фразеологизм, паремия, стилистическая фигура.

У статті на матеріалі п'єси Теннессі Уільямса „Скляний звіринець” розглядається проблема передачі маркерів англосаксонської культури в тексті перекладів п'єси на російську мову. Виявлено, що до вказаних маркерів у п'єсі Уільямса належать власні імена, фразеологізми, паремії та деякі стилістичні фігури.

Ключові слова: переклад, лінгвокультурологія, англосаксонська культура, російська культура, маркер, фразеологізм, онім, паремія, стилістична фігура.

The article deals with the problem of reproduction of Anglo-Saxon culture's markers in the Russian translation of the work of art. The material of the analysis is the original variant of the play «The Glass Menagerie» by Tennessee Williams and two translations of this work into Russian. The main representatives of Anglo-Saxon Culture in the Russian texts are proper names, idioms, proverbs, some stylistic devices.

Key words: translation, Linguistic Culturology, Anglo-Saxon culture, Russian culture, marker, idiom, proverb, proper name, stylistic device.

Г. М. Куренкова

ДИДАКТИЧНИЙ ЗМІСТ САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ СТУДЕНТІВ У ВНЗ

На сьогоднішній день немає необхідності переконувати викладачів у важливості розробки і впровадження в педагогічну практику більш довершених методик навчання, які забезпечують підвищення якості навчального процесу, сприяючих активізації пізнавальної діяльності студентів, розвиток їх розумових здібностей. У вирішенні цієї проблеми значна роль відводиться формуванню у них умінь і навичок самостійного мислення й практичного застосування знань. Важливим є й формування навичок самостійної розумової праці. Це тим більш важливо, що, які б знання і в якому обсязі не отримували студенти, ці знання мають необоротну тенденцію застарівати, відставати від потреб життя. Де ж вихід? Вихід у вирішенні цього завдання ми бачимо у тому, що необхідно навчити студентів вчитися самостійно, набувати знання з різних джерел інформації самостійним шляхом, опанувати різноманітні види й прийоми самостійної роботи.

Найбільш проникливі педагоги минулого неодноразово відзначали, що, не дивлячись на величезну роль викладача, основні цілі навчання досягаються, перш за все, як результат власних зусиль учнів. Так, Я.А. Коменській в книзі «Велика дидактика» закликав педагогів до дослідження і відкриття такого способу, при якому педагоги менше б учили, а учні більше б вчилися.

Одна з головних цілей виховання полягає у переході людини з об'єкту в суб'єкт діяльності і управління. Це означає, що в результаті виховання людина повинна стати здатною управляти собою і робити всяку справу сама. Самостійність є найбільш істотною ознакою людини і як особи, і як суб'єкта діяльності. Бути самостійним – це значить «стояти самому», робити щось без сторонньої допомоги, без зовнішньої спонуки, по своєму наміру. У цьому сенсі самостійність можна зрозуміти і як властивість особи, і як критерій його зрілості в тій або іншій області соціальної практики. У галузі пізнавальної діяльності можна говорити про наукову самостійність. Одна з ознак навчання полягає в тому, що пізнавальна діяльність учнів, студентів здійснюється під керівництвом вчителя або викладача. У міру інтелектуального розвитку ступінь втручання і зовнішньої допомоги з боку педагога повинен скорочуватися, а рівень самостійності студентів рости.

Утруднення в діяльності викладачів щодо організації самостійної роботи в навчальному процесі полягає в тому, що численні навчальні посібники ще не повною мірою сприяють успішному розвитку пізнавальної активності студентів, їх самостійності.

Поняття самостійна робота використовується різними авторами в різному значенні. Різні трактування залежать перш за все від того, який

зміст укладається в слово «самостійний». В основному зустрічаються три значення цього поняття:

– учень повинен виконувати роботу сам, без безпосередньої участі вчителя;

– від учня потрібні самостійні розумові операції, самостійне орієнтування в навчальному матеріалі;

– виконання роботи суворо не регламентоване, учневі надається свобода вибору змісту і способів виконання завдання.

Найчастіше поняття самостійної роботи використовується в першому значенні. У цьому ж значенні дане поняття використовував Р.П. Кашин, який в кінці 50-х років висунув проблему самостійної роботи в центр уваги педагогічної громадськості.

Для іншого значення поняття «самостійний» важливим є те, щоб учні самостійно думали й вирішували проблеми, при цьому неважливо, здійснюється навчальна робота у фронтальній або в індивідуальній формі. Самостійна підготовка є можливою і необхідною навіть при слуханні лекцій.

У зарубіжній педагогічній літературі для позначення самостійної роботи використовується ряд термінів, які підкреслюють різні аспекти самостійної роботи. У ФРН використовується вираз «непряме (опосередковане) навчання», яке має на увазі роботу, яка проводиться під непрямим керівництвом вчителя. У педагогічній літературі Австрії, Швейцарії застосовується термін «тиха робота», який підкреслює тишу і відокремленість, що панують під час самостійної роботи. У французькій та англійській літературі зустрічається термін «індивідуальна робота». У США введений термін «незалежне навчання», при якому учням роздають програми, але залишають відносну свободу вибору матеріалів і способів засвоєння.

У навчальному посібнику «Педагогіка і психологія вищої школи» самостійна робота трактується як планована робота студентів, яка виконується за завданням і при методичному керівництві викладача, але без його безпосередньої участі.

Автор В.М. Рогозінській у своїй роботі «Азбука педагогічної праці» характеризує самостійну роботу як плановану пізнавальну, організаційну діяльність студентів, здійснювану без прямої допомоги викладача, для досягнення конкретного результату.

У підручнику Т.А. Ільїна «Педагогіка» самостійна робота визначається як особливий вид фронтальної, групової і індивідуальної навчальної діяльності учнів, здійснюваної під керівництвом, але без безпосередньої участі вчителя, великою активністю протікання пізнавальних процесів, яка може виконуватися як на уроці, так і в позаурочний час і служить засобом підвищення ефективності процесу навчання і підготовки до самостійного поповнення своїх знань.

На думку А.Г. Казакової («Організація самостійної роботи студентів»), основними ознаками самостійної роботи прийнято вважати:

- наявність пізнавального або практичного завдання, проблемного питання або завдання й окремого часу на їх виконання, рішення;
 - прояв розумової активності учнів для правильного і якнайкращого виконання тієї або іншої дії;
 - прояв свідомості, самостійності і активності в процесі рішення поставлених завдань;
 - володіння навичками самостійної роботи; здійснення управління і самоврядування самостійною пізнавальною і практичною діяльністю.
- Основний сенс дидактичних цілей полягає в тому, щоб:
- навчити учнів самостійно здобувати знання з різних джерел;
 - сприяти формуванню навичок і умінь, необхідних майбутнім фахівцям;
 - підвищити відповідальність слухачів за свою професійну підготовку, формування особових і професійно - ділових якостей;
 - формувати в слухачів професійне мислення на основі самостійної роботи над виконанням індивідуальних творчих завдань курсам і навчальним дисциплінам.

За дидактичною метою можна виділити три типи самостійних робіт:

1) формування умінь виявляти в зовнішньому плані те, що потрібно, на основі даного ним алгоритму діяльності і посилок на цю діяльність, що містяться в умові завдання. Як самостійні роботи цього типу найчастіше використовуються домашні завдання – робота з підручником, конспектом, лекцією тощо;

2) формування знань-копій і знань, що дозволяють вирішувати типові задачі. До самостійних робіт такого характеру відносяться окремі етапи лабораторних робіт і практичних занять, типові курсові проекти й т.д.;

3) створення передумов для творчої діяльності. Цей тип самостійних робіт реалізується зазвичай при виконанні завдань науково-дослідницького характеру, включаючи курсові й дипломні проекти (Рогозинській В.Р., «Азбука педагогічної праці»).

Таким чином, як і всяка форма навчально-виховного процесу, самостійна робота покликана виконувати декілька функцій: освітню (систематизація і закріплення знань учнів), таку, що розвиває (розвиток пізнавальних сил студентів – їх уваги, пам'яті, мислення, мови), виховну (виховання стійких мотивів навчальної діяльності, навичок культури розумової праці, самоорганізації й самоконтролю, цілого ряду провідних якостей особи – чесності, працьовитості, вимогливості до себе, самостійності та ін.).

Література

1. Казакова А.Г. Организация самостоятельной работы студентов. – М.: Педагогика, 1995. 2. Ільїн Т.А. Педагогіка: Навч. посібник.– К.: Либідь, 2003. 3. Рогозінській В.М. Азбука педагогічної праці. – К.: Вища шк., 1991.

На сегодняшний день наиболее важными являются такие методики обучения, которые обеспечивают повышение качества учебного процесса, содействуют активизации познавательной деятельности студентов, развивают их умственные способности. В решении этой проблемы значительная роль отводится формированию умений и навыков самостоятельного мышления и практического применения знаний, самостоятельного умственного труда. Как и всякая форма учебно-воспитательного процесса, самостоятельная работа призвана выполнять несколько функций: образовательную, развивающую, воспитательную, что позволяет воспитать стойкие мотивы учебной деятельности, навыки культуры умственного труда, самоорганизации и самоконтроля.

Ключевые слова: воспитание, мотив, навыки, самоконтроль.

На сьогоднішній день найбільш важливими є такі методики навчання, які забезпечують підвищення якості учбового процесу, сприяють активізації пізнавальної діяльності студентів, розвивають їх розумові здібності. У вирішенні цієї проблеми значна роль відводиться формуванню умінь і навиків самостійного мислення і практичного застосування знань, самостійної розумової праці. Як і всяка форма навчально-виховного процесу, самостійна робота покликана виконувати декілька функцій: освітню, таку, що розвиває, виховну, що дозволяє виховати стійкі мотиви учбової діяльності, навички культури розумової праці, самоорганізації і самоконтролю.

Ключові слова: виховання, мотив, навички, самоконтроль.

Today the most essential are such methods, teaching which provide upgrading educational process, activations of cognitive activity of students assist, develop their mental abilities. In the decision of this problem a considerable role is taken forming of abilities and skills of independent thought and practical application of knowledges, independent mental work. As well as every form of educational process, independent work is called to execute a few functions: educational, developing, educate, that allows to educate proof reasons of educational activity, skills of culture of mental work, individual- and self-control.

Key words: education, reason, skills, self-control

УДК 811.161.2:81'367.626

А. А. Лучик, Г. В. Скриник

ЕКВІВАЛЕНТИ СЛОВА З КОМПОНЕНТОМ **ЩО** В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Компонент **що** є багатофункціональним і багатогранним за своїми структурними й семантичними властивостями в лексико-граматичній системі української мови. Крім самостійного використання **що** в ролі питально-відносного займенникового іменника й похідної функції сполучного слова в складнопідрядних реченнях, а також похідної частки,

цей елемент виступає: препозитивною твірною основою (*щось, що-небудь*); префіксоїдом або префіксом (*щоосені, щосили, щойно*); опорним (*нізащо, навіщо*) або залежним (*казна-що, хтозна-що*) постпозитивним компонентом у структурі юкстапозитів; інтерфіксальним компонентом юкстапозитів (*будь-що-будь*); компонентом складених службових частин мови, які зазвичай називають лексикалізованими сполуками (*що за, поки що*); підсилювальною морфемою (префіксом) у складі прикметникового афікса *щонай-* (*щонайкращий, щонайважчий*), компонентом стійких словосполучень вигукowego типу (*що поробиш*). Високу дериваційну активність і різнотипну валентність виявляють також граматичні форми займенникового **що** (*чого, чому, чим, чім*) і похідні лексеми типу *щоб, якщо*. Не менш різноманітними є лексико-семантичні зв'язки й семантична структура розглянутих одиниць.

Усе це свідчить про неабияку складність розглянутої проблеми, її актуальність в українському мовознавстві. У зв'язку з цим виникає необхідність комплексного вивчення лексем і лексикалізованих сполук із компонентом **що** на лексико-семантичному й структурно-морфологічному рівнях української мови. Це дасть змогу створити цілісне уявлення про семантичну й формальну організацію утворень із продуктивною займенниковою основою в українській мові й використати застосовану методику для дослідження інших дериватів подібного типу.

Мета пропонованої статті полягає у дослідженні формальної будови лексикалізованих сполук, зокрема сполучникових та партикулярних еквівалентів слова, із займенниковим компонентом **що** чи його похідними, а також у встановленні основних структурних моделей розглянутих утворень. Досягнення поставленої мети сприятиме комплексному вивченню структурно-семантичних особливостей лексем і лексикалізованих сполук із компонентом **що**.

Матеріалом дослідження послужили еквіваленти слова з компонентом **що** в українській мові, зафіксовані у «Російсько-українському та українсько-російському словнику еквівалентів слова» [5] та у «Словнику еквівалентів слова української мови» [6].

Елемент **що** входить до складу найдавніших займенникових слів. Стосовно походження праслов'янських питальних займенників **kъto, *šъto* існує багата й численна література. Зазначені лексеми розвинулись на базі надзвичайно давньої (ще ностратичної) **k-* основи з форм питального займенника **k^wo/*k^wi*, які в праслов'янській мові дали відповідно **kъ-* й **šъ-*, з наступним додаванням вказівної частки середнього роду **to* (чол. р. **тъ*, жін. р. **ta*) [13, с. 374; 12, с. 252; 4, с. 36–37; 15, с. 393 та ін.]. Причому від самого початку ностратичні та індоєвропейські форми з різним ступенем вокалізації вже протиставлялися як основа **ko-* (<**k^wo-*) питального займенника класу істот і **ki-* (<**k^wi-*) питального займенника класу неістот [4, с. 36]. З приводу протиставлення первинних аломорфів із різним ступенем вокалізації та їх рефлексів у праслов'янській мові А. Мейє зазначав, що

«там, де наявний розподіл між двома рядами, — він вторинний» [8, с. 356]. Отже, у слов'янських мовах вторинною виявляється основа *сь-, яка виникла внаслідок першої палаталізації задньоязикового *k- перед голосним переднього ряду *-ь- з короткого *-і-. Згадане протиставлення генетично споріднених *къто «хто», *сьто «що» як займенників зі вказівкою на клас істот та неістот збереглося без принципових змін практично в усіх сучасних слов'янських мовах, що є унікальною ознакою небагатьох займенникових слів.

Докладний огляд основних версій щодо розвитку *что* в сучасне українське *що* дається у монографії С.П. Бевзенка. Автор уважає, що витворення цієї форми з варіанта *што* «треба віднести до періоду, не пізнішого XIV — початку XV ст.» [1, с. 167]. Він аналізує чотири найімовірніші шляхи її виникнення, хоч сам найбільше схиляється до першого, не заперечуючи й другий: 1) *що* < *што* внаслідок впливу морфологічної аналогії до форм непрямих відмінків з коренем *-ч-*; 2) *що* < *ишо* < *што* у зв'язку з асиміляцією *-т-* до *-ш-* з наступним розвитком другого *-ш-* у *-ч-*; 3) *що* < *ишо* < *чшо* < *чсо* < *чьсо*, за О.І. Соболевським; 4) *що* < *шчьо* < *шьтьо* < *што* внаслідок прогресивної асиміляції *ш'т* = *ш'ч'*, за А.Ю. Кримським [1, с. 165–168]. На нашу думку, найвірогіднішою видається друга версія С.П. Бевзенка, підтвердженням чого є наявність перехідного *што* зі *что*; вплив аналогії морфологічних форм з кореневим *-ч-*; загальномовна поширеність варіанта *шо-* [пор., наприклад, 14, с. 154–155], який, за умови подовженої вимови шиплячого закономірно перетворювався на *шчо* (орфографічне *що*). Пор. таку природу звукосполучення *-шч-* у формах ступеня порівняння прикметників *вищий* < *виш* + *ишй* < *вис* + *ьишй*, *кращий* < *краш* + *ишй* < *крас* + *ьишй*.

Отже, сьгоднішнє українське **що** помітно відрізняється від своїх східнослов'янських «побратимів» — російського **что** і білоруського **што**. Відмінності полягають і у властивостях його функціонування, зокрема й у складі еквівалентів слова. Під еквівалентами слова нами, вслід за Р.П. Рогожниковою, розуміються одиниці, котрі «становлять зв'язані сполучення, характеризуються стійкістю, єдністю значення, здебільшого постійною, незмінною формою. В мовленнєвому потоці еквіваленти слова становлять цілісну одиницю і стосовно наголосу, звичайно вони мають один словесний наголос» [11, с. 4]. Додамо, що еквіваленти слова утворюються відповідно до існуючих у мові моделей [див. 7, с. 62–69].

За граматичними ознаками виділяються: прислівникові еквіваленти слова: *поки там що*; *ні до чого*; прийменникові еквіваленти: *збоку від*, *віддалік від*, *в напрямі до*; сполучникові еквіваленти: *для того*, *щоб*; поряд з тим, *що*; партикулярні еквіваленти: *ну що ж*; *що за*; *ось що*; еквіваленти вигуків: *щоб тобі*; *ще чого*, *що ти (ви)*.

Крім того, до еквівалентів слова можуть належати одиниці з несформованим частиномовним статусом, але чітко визначеними синтаксичними функціями, зокрема ті сполуки, що функціонують у ролі

присудка (*ні до чого*), вставних конструкцій (*що називається, нічого не скажеш*), зворотів мовлення (*факт той, що; річ у тому, що; у чому річ?*), цетерів (*тощо*). Як можна побачити, компонент **що** бере активну участь у формуванні практично усіх зазначених груп еквівалентів слова, проте найрізноманітніше свої потенційні можливості він виявляє при творенні службових, крім прийменникових, одиниць та вигуків.

У системі сполучників і часток структур аналітичного типу значна кількість, точно встановити яку, напевно, й неможливо. Така невизначеність зумовлена постійним розвитком мови, внаслідок чого відбувається регулярне поповнення службових слів переважно аналітичними утвореннями за рахунок інших частин мови, особливо повнозначних. Ще О.О. Потєбня, визначаючи системною ознакою мови її постійну еволюцію, говорив про поступову зміну властивостей повнозначного слова і його перетворення на службове слово [9, т. I–II, с. 42–43, 45, 54, 58]. Природа питально–відносного займенникового іменника **що** сприяла розвиткові в ньому службової функції. Ще в давньоруську добу він проникав з розмовного в ділове писемне мовлення і набував сполучникової функції, унаслідок чого «вироблялися такі синтетичні конструкції з використанням слова *що* в ролі службового засобу, які до XVII ст. прийшли в літературну мову на зміну прийнятим у давній книжній мові архаїчним формам складнопідрядних речень» [10, с. 144].

Це займенникове слово вважається одним із основних засобів формування складнопідрядних речень у синтаксисі східнослов'янських мов. Так, на провідну роль займенникового слова **що** в розвиткові засобів цього типу речень російської мови вказує М. Преображенська: «В історії розвитку складу службових засобів складнопідрядного речення російської мови слово *что* відіграло винятково важливу роль, оскільки саме це службове слово утвердилося в синтаксисі руської письмової мови разом із підрядними конструкціями сучасної структури, які послідовно заміняли застарілі архаїчні способи синтаксичного зв'язку» [10, с. 144].

Висловлена думка рівною мірою стосується і сучасної української мови. Зазначена обставина спричинилася до того, що на основі займенникового **що** в сучасній українській мові сформувалося понад сотню різнотипних підрядних сполучників із цим компонентом, починаючи від структурно непохідного асемантичного **що** й кінчаючи складеними конструкціями типу *лише тому що; у зв'язку з тим, що; на підтвердження того, що*. У досліджуваному матеріалі вони об'єднуються навколо трьох базових сполучників: *що, щоб і якщо*, які здатні входити до структур, які містять від двох (*хіба що, тому що, дарма що, що не*) до п'яти компонентів: *у зв'язку з тим, що*.

Найактивніше поводить себе власне компонент **що**, який може стояти: 1) у препозиції: *що... що, що б не*; 2) у постпозиції: *того що; завдяки тому, що; з приводу того, що* та ін.; 3) в інтерпозиції: *а що...*,

то; на що вже; тільки що..., як; не те що..., а. Загалом, компонент **що** тяжіє до структурного «замикання» сполучникових еквівалентів, але внутрішні формальні зв'язки між їх компонентами виявляються різними. Тут можна виділити кілька структурних моделей, що відбивають характер об'єднання компонентів еквівалентів сполучників. Двокомпонентні структури, утворені об'єднанням прислівника і сполучника *що*: *тільки що, так що, гаразд що, з тим що, дарма що, добре що, однаково що*. Трикомпонентні сполучникові еквіваленти, які об'єднуються в кілька структурних моделей:

а) прислівник на початку структури + займенникове *того* + *що*: *мало того що, відносно того що*;

б) прийменник + займенникове *той* у родовому або давальному відмінках однини + *що*: *крім того що; із-за того що, унаслідок того що; при тому що; у супереч тому що; завдяки тому що*;

в) займенникова форма + прислівник + *що*: *тим більше що*;

г) займенникова форма + числівник + *що*: *усе одно що*;

г) прийменник + іменник + *що*: *на знак що*, яка може трансформуватися в чотирикомпонентну структуру за рахунок займенникового компонента *того* перед означуванням займенниковим іменником *що*: *на знак того що*;

д) прийменник + займенниковий іменник середнього роду *те* в знахідному відмінку + *що*: *через те, що*.

Чотирикомпонентні еквіваленти сполучників із компонентом *що* на кінці утворення представлені такими структурами:

а) прийменник + іменник + займенниковий прикметник *той* у родовому відмінку + *що*: *з нагоди того, що; з приводу того, що; під виглядом того, що; під приводом того, що; на зразок того, що*;

б) дієприслівник + прийменник + займенниковий прикметник *той* у родовому або знахідному відмінку + *що*: *починаючи з того, що; судячи з того, що; виходячи з того, що; незважаючи на те, що*;

в) складений прийменник + займенниковий прикметник у родовому відмінку *той* + *що*: *подібно до того, що*.

П'ятикомпонентні сполучникові структури з кінцевим *що* становлять об'єднання наступних компонентів:

а) прийменник + іменник жіночого роду в місцевому відмінку + прийменник + займенниковий прикметник у знахідному відмінку + *що*: *у сподіванні на те, що; у надії на те, що*;

б) складений прийменник з трьох компонентів + займенниковий прикметник *той* в орудному або знахідному відмінку + *що*: *у зв'язку з тим, що; з огляду на те, що*.

Подібні структури свідчать про розмаїття мовних засобів, які використовуються для побудови сполучникових еквівалентів. Їх можна виділяти в різних лексико-граматичних класах одиниць, зокрема і в еквівалентах сполучників із компонентами *щоб* і *якщо*.

Тяжіючи до постпозиції, компонент **що** завершує формування сполучників, які в будь-якому разі передують підрядній частині складного речення: *А не клянусь, тому що я не зраджу, вже не раз це в битвах доказав* (Л. Костенко). Передування сполучників чи їх аналогів з компонентом **що** підрядній частині складного речення функціонально зближує їх із прийменниками, які так само передують і зумовлюють граматичне значення іменників. У зв'язку з цим у синтаксисі української мови нерідко спостерігається співвідношення конструкцій із підрядними сполучниками й прийменниками. На таку граматичну взаємодію прийменників і сполучників, у тому числі з компонентом **що**, в українській мові звернула увагу К.Г. Городенська, яка відзначила: «Характерно, що підрядні сполучники взаємодіють з прийменниками в межах усіх типів семантико-синтаксичних відношень, якими зв'язуються предикативні частини складнопідрядного речення. Так, зокрема, на рівні причинових семантико-синтаксичних відношень співвідносяться підрядні сполучники *бо, тому що, через те що, оскільки, завдяки тому що, у зв'язку з тим, що* і прийменники *від, з, внаслідок, у силу, у результаті, з приводу, із нагоди*, що вживаються з іменниками у формі родового відмінка, прийменники *через, за, з огляду, зважаючи на*, які сполучаються з іменниками знахідного відмінка, а також прийменники *завдяки, за*, що поєднуються відповідно з давальним та орудним відмінком іменників» [2, с. 29].

Відомо, що сполучники як службові слова та їх аналоги належать до морфологічно не відмінюваних лексем чи лексикалізованих сполук. Разом з тим незначна частина розгляданих одиниць сформувалася на основі непрямих форм твірного **що**: *причім (причому), внаслідок чого, у результаті чого, завдяки чому, після чого*.

У системі підрядних сполучників з базовим *щоб* структурно непохідних утворень немає. Навіть зазначений сполучник *щоб* характеризується досить прозорою внутрішньою і зовнішньою формою. Аналізуючи позицію О.О. Потебні в певною мірою дискусійному питанні щодо природи цього утворення, К.Г. Городенська відзначає: «Форми «чтоб пришел», «щоб прийшов» він так само виводить з давньоруського «что бы пришль», яке справді розчленовується на сполучник *что* і бажальне *бы пришль*, предикативність і спосіб якого залежить від дієслова *бы*, але не безпосередньо, а через посередництво «чтобы (есть) пришль», бажальність якого виражає *чтобы*, у складі якого *бы* вже не є дієсловом» [3, с. 226]. Отже, відірвавшись від дієслівних форм минулого часу на *-л*, колишня віддієслівна частка *би* вступила в аглютинативні зв'язки з препозитивним сполучником **що** і сформувала основний засіб вираження гіпотетично-бажальних відношень у складнопідрядних реченнях відповідного типу — сполучник *щоб(и)*.

Щодо інших сполучників з компонентом *щоб*, то всі вони є складеними одиницями, у структурі яких *щоб* посідає переважно постпозицію (*для того, щоб; нема того, щоб; з тим, щоб*) і рідше

виступає в інтерпозиції: *не так щоб..., а; не те щоб..., а; не так щоб..., але.*

Зі спостережень за формою вираження сполучникових еквівалентів випливає, що вони можуть включати до своєї структури від двох до чотирьох компонентів: *так щоб, з тим щоб і з таким розрахунком щоб; з тією метою щоб.* В абсолютній більшості еквівалентів сполучників до їх структури входять займенникові слова, переважно різні форми займенникового прикметника *той*. Як і в попередній групі, і тут трапляються варіантні форми вираження розгляданих сполучників: *нема того щоб і немає того щоб; з тією метою щоб і з тою метою щоб.* Крім того, практично в кожному сполучникові компонент *щоб* може виражатися своїм давнішим варіантом *щоби*: *тому щоб і тому щоби; з тим щоб і з тим щоби.*

Таку саму формально-семантичну прозорість виявляє і сполучник *якщо*, утворений з двох компонентів *як і що*. Як і в попередній групі, усі похідні від базового сполучника є складеними і включають від двох до чотирьох компонентів: *якщо тільки; якщо не; навіть якщо і у тому разі якщо.* Стосовно форми вираження тут також мають місце варіантні утворення: *в разі якщо і в тому разі якщо.* Помітна різниця порівняно з попередніми групами еквівалентів сполучників полягає в тому, що компонент *якщо*, на відміну від *що і щоб*, частіше перебуває в препозиції складених структур, наприклад: *якщо вже; якщо..., тоді.* Відмінним є і те, що до структур сполучникових еквівалентів із компонентом *якщо* найчастіше входять колишні частки, тоді як у структурі сполучників із компонентом *щоб* переважає представництво займенникових слів, а у складі сполучників із компонентом **що** — прислівників, займенникових слів і прийменників. Більшість підрядних сполучників з компонентом *якщо* здатні ускладнюватися часткою *б(и)*, яка переводить одиниці з реальним чи потенційно можливим значенням у модальну групу сполучників, що формують речення з ірреальною семантикою. Загалом, число сполучникових еквівалентів з *якщо* в структурі зростає за рахунок переважно близьких за значенням іменних та прийменникових компонентів.

Відомо, що частки виникли як дійктичні слова й належать до одного з найдавніших лексико-граматичних розрядів. Але первісних часток у сучасній українській мові збереглося мало, а в системі партикулярних утворень з компонентом **що**, як і серед відповідних сполучників, непохідних одиниць немає. Основну ж частину становлять партикулярні еквіваленти, які містять у структурі два, три, чотири компоненти, наприклад: *чи що, нема що, нащо ж, якщо б; а що вже; та що ж; не те щоб; хоч би там що; уже що, що, а; не що інше як; і що воно за.* По одній частці містять п'ять і шість компонентів, відповідно: *а що ж із того; що б там не було, а.* Понад половину цих одиниць характеризується можливістю утворювати варіантні форми вираження: *навряд (вряд) щоб; ось (он, от) воно що; не те щоб(и) та ін.* Більшість

варіантних утворень завдяки факультативним компонентам переводить частки: з одно- у двочленні: *що — що то, щоб(и) — і щоб(и), щоб — а щоб*; з дво- — у три- або чотиричленні: *і що — і що ж; для чого — та для чого; а що — а що ж; що як — а що ж як*; з три- — в чотиричленні: *не те що — не те що там; а що коли — а що коли б*; з чотири- — в п'ятичленні: *а що із того — а що ж із того*. Така гнучкість структури з усіх лексико-граматичних класів слів притаманна хіба що вигукам, які формуються переважно в невимушеному розмовному мовленні.

На відміну від аналітичних сполучників з досліджуваним компонентом, у структурі яких **що** перебуває переважно в постпозиції, у складі партикулярних еквівалентів цей елемент посідає довільну позицію, тобто практично з однаковою регулярністю виступає на початку, в середині чи на кінці, наприклад: *що то за; що ж; щоб там не було; ну що ж; тільки що й; та що там; а що коли б; та мало що; ну ось що; все одно що*. Це стосується і тих малочисельних структур, у яких **що** представлений формами непрямих (переважно родового) відмінків: *чому ж це так; нічого подібного; та мало чого; та для чого*. Разом із тим така довільність позиції **що** не означає можливості його перестановки в середині партикулярних еквівалентів, які є стійкими сполуками в українській мові.

Отже, у системі української мови особливе місце серед займенникових слів посідає лексема **що**, яка виявляє найрізноманітніші функціональні властивості, пронизуючи як твірний компонент усі значеннєві одиниці мови: морфеми, слова, лексикалізовані сполуки, фразеологізми, словосполучення й речення. Завдяки своїй полісемантичності й поліфункціональності **що** в лексико-граматичній системі української мови перетворився на унікальне за своїми валентними й креативними властивостями явище, яке багато в чому не має аналогів в інших слов'янських мовах. Важливе місце належить компоненту **що** й у складі еквівалентів слова, зокрема, співвідносних із службовими частинами мови, більшість яких змогли повстати тільки за його допомогою.

Література

1. Бевзенко С.П. Історична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору. — Ужгород: Закарп. обл. вид-во, 1960. — 416 с. 2. Городенська К.Г. Граматична взаємодія сполучників і прийменників // Актуальні проблеми синтаксису: Матеріали Всеукр. наук. конф., присвяченої 85-річчю І.І. Слин'яка. — Чернівці: ЧДУ, 1997. — С. 29–30. 3. Городенська К.Г. Проблема виділення словотвірних категорій (на матеріалі іменника) // Мовознавство. — 1994. — № 6. — С. 22–28. 4. Иванов Вяч. Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определённости/неопределённости в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определённости/неопределённости в славянских и балканских

языках. — М.: Наука, 1979. — С. 11–63. **5. Лучик А.А.** Російсько-український та українсько-російський словник еквівалентів слова. — К.: Довіра, 2003. — 497 с. **6. Лучик А.А.** Словник еквівалентів слова української мови. — Katowice: Wydawnictwo US, 2006. — 220 с. **7. Лучик А.А.** Граматична структура прислівникових еквівалентів слова української мови // Наук. зап. Сер.: Філол. науки (мовознавство). — Вип. 30. — Кіровоград, 2000. — С. 62–69. **8. Мейе А.** Общеславянский язык. — М.: Изд-во иностр. лит., 1951. — 483 с. **9. Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике: В 4 т. — М.: Учпедгиз, 1958. — Т. 1–2. — 536 с.; М.: Просвещение, 1968. — Т. 3. — 551 с.; Т. 4. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 318 с. **10. Преображенская М.Н.** Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчинённые предложения). — М., 1991. — 300 с. **11. Рогожникова Р.П.** Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. — М.: Астрель, 2003. — 416 с. **12. Савченко А.Н.** Сравнительная грамматика индоевропейских языков. — М.: Высш. шк., 1974. — 410 с. **13. Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. — М.: Прогресс, 1986–1987. — Т. 1–4. **14. Чабаненко В.А.** Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряни. — Запоріжжя, 2001. — 200 с. **15. Черных П.Я.** Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. — М.: Рус. язык, 1993. — Т. 2. — 560 с.

Стаття присвячена дослідженню функціональних властивостей займенникового компонента *що*, який виявляє унікальні синтагматичні і парадигматичні властивості у системі української мови. На великому фактичному матеріалі показана роль компонента *що* у формуванні еквівалентів слова. Побудовані й описані моделі сполучникових й партикулярних еквівалентів слова з компонентом *що*, здійснений їх зівставний аналіз.

Ключові слова: займенниковий компонент, еквіваленти слова, партикулярні еквіваленти слова, сполучникові еквіваленти слова, структурна модель.

Статья посвящена исследованию функциональных особенностей местоименного компонента *що*, демонстрирующего уникальные синтагматические и парадигматические возможности в системе украинского языка. На существенном фактическом материале показана роль компонента *що* в формировании эквивалентов слова. Построены и описаны модели союзных и партикулярных эквивалентов слова с компонентом *що*, произведён их сравнительный анализ.

Ключевые слова: местоименный компонент, эквиваленты слова, партикулярные эквиваленты слова, союзные эквиваленты слова, структурная модель.

The article focuses on the functional characteristics of the pronoun component, which shows unique syntagmatic and paradigmatic properties in the language system. The role of the component in the formation of the word equivalents is shown on the large factual material. The models of the conjunctive and particle word equivalents are researched, their comparative analysis is made.

Key words: pronoun component, word equivalent, conjunctive word equivalents, particle word equivalents, structural model.

В. Г. Маевская

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯН НА ПРИРОДУ
В ОСМЫСЛЕНИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ И А. Н. АФАНАСЬЕВА**

В доступной мне литературе о Цветаевой¹ имя А. Н. Афанасьева (1826–1871), русского фольклориста и мифолога, упоминается только в связи с поэмами Цветаевой «Царь-Девница» и «Молодец», а именно: использованием в них фабулы русских сказок из его собрания². В этой же связи упоминает Афанасьева и Цветаева³. Вместе с тем, значение Афанасьева для творчества Цветаевой не ограничивается только его ролью собирателя русских сказок. Гораздо большее влияние на творчество Цветаевой оказал труд Афанасьева по мифологии, его обширнейшее собрание и обработка мифов славян и индоевропейских народов в целом – «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869). Без учёта и знания этого влияния Афанасьева понимание творчества Цветаевой является не только неполным, но часто и просто недоступным.

Вопрос о самой возможности влияния «Поэтических воззрений» на Цветаеву связан прежде всего с решением проблемы источников мифологических и фольклорных образов, а также сюжетов, мотивов, жанровых, стихотворных и интонационных форм, поток которых буквально хлынул в её творчество в 1916 году. Как правило, они представляют собой магистральные, универсальные по содержанию символы мировой культуры, такие как *гора, дерево, крест, первый человек, рай, сад, лес, река, море, лук, стрела, дом, храм, колокольня, лестница, башня, путь, огонь, вода, небо, земля, заря, радуга, остров, облака, тучи, птицы, животные*, а также их варианты.

Мировой характер этих образов, обработанных в культурной истории, вобравших в себя идеи различных культурно-исторических эпох, – вошедших к тому же в язык Серебряного века, – затрудняет дифференциацию источников их заимствования Цветаевой. Сложным представляется также различение прямого восприятия Цветаевой произведений народного творчества, художественной литературы философии, живой стихии московского, а также среднерусского и южного говора, духовных стихов, Библии, апокрифов и т. д., с одной стороны, и с другой – восприятия непрямого, опосредованного художественной же литературой, философией, живописью, музыкой, словарями, энциклопедиями, трудами комментаторов, интерпретаторов, фольклористов, лингвистов и мифологов, в числе последних – трудом Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

Доказательством прямого обращения⁴ Цветаевой к труду Афанасьева являются прежде всего многочисленные явные текстовые

совпадения, которые маркируют заимствования отдельных образов, представлений, а также сюжетов и мотивов из мифов, собранных Афанасьевым.

Так, к примеру, в стихотворении «Косматая звезда...» (10.05.21) цветаевские метафоры кометы как «косматой звезды» и «волосатой звезды древних»⁵ очевидно восходит к описанию кометы Афанасьевым:

«Кометы причислялись также к звездам и назывались хвостатыми звездами или зирками с метлою, у немцев *schweifstern*, *haarstern* (волосатая звезда) и *pfauenschwanz* (павлиний хвост)...» [1, т. 1, с. 73]; Гумбольдт в своем „Космосе“ указывает на те поэтические представления, которые в древние времена соединялись с кометами: в них видели косматые звезды и г о р я щ и е м е ч и » [1, т. 1, с. 74].

Другой пример текстовых совпадений можно найти в гимне Артемиде в трагедии «Федра»: «В травах и в листьях – славьте её! / Частые листья – кудри её. / В ветках и в сучьях – славьте её! / Ветви? нет, руки, ноги её. /... Други, и в дёрне чтите её! / Чёрные корни – воля её. / Неколебимо сердце её – / Голые глыбы – сердце её!» Гротескный образ Артемиды, слившейся с лесом, является поэтической обработкой Цветаевой образа земли в её представлении у древних:

«На древнем поэтическом языке травы, цветы, кустарники и деревья назывались волосами земли. Признавая землю за существо живое, самодействующее... первобытные племена сравнивали широкие пространства суши с исполинским телом, в твердых скалах и камнях видели её кости, в водах – кровь, в древесных корнях – жилы, и наконец в травах и растениях – волосы» [1, т. 1, с. 138–139].

Смысловые и лексические совпадения в тексте Цветаевой и Афанасьева очевидны, а именно: {«травы»} = {«травы»}; {«листья», «ветки», «сучья», «ветви»} = {«кустарники и деревья», «растения»}; {«кудри»} = {«волосы», «волоса»}; {«корни»} = {«корни»}. Знание мифологического контекста образа Артемиды позволяет увидеть в ней символ земли.

Заимствования в произведениях Цветаевой маркируются часто на уровне отдельных слов и словосочетаний. В приведенном выше отрывке из гимна Артемиде упоминаются, например, «глыбы» и «дёрн», образ которого повторяется и в клятве кормилицы перед мёртвой Федрой: «Клянусь её дёрном...». Образы глыб и дёрна, клятва дёрном в трагедии Цветаевой также связаны с древним представлением о земле, которое проявилось в обычае присягать, держа на голове дёрн:

«Взятая с поля глыба и дёрн были символами матери-земли, а с тем вместе и поземельной собственности...» [1, т. 1, с. 149].

Также и в стихотворении «Помни закон...» (20.06.22) эпитеты «крутое», «мужское» и «золотое» в описании неба: «В этом пустом, / В этом крутом / Небе мужском / – Сплошь золотом... / ... / В небе мужских божеств, / В небе мужских торжеств!», а также метафора «небо.. круч» – восходят к многочисленным мифам о небе как о стеклянной, хрустальной, медной или железной горе, украшенной золотом, серебром и драгоценными камнями, а также о его браке с землёй, например:

«Округло-выпуклая форма небесного свода послужила основанием, опираясь на которое – доисторическая старина уподобила его с одной стороны черепу человеческой головы, а с другой – высокой блестящей горе» [1, т. 1, с. 115]⁶; «...Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле – воспринимающий, женский» [1, т. 1, с. 127]; «Небо у древних славян олицетворялось в мужском образе С в а р о г а » [1, т. 1, с. 129]. [1, т. 1, с.]⁷; «У Гомера небо называется медным: в мифических представлениях блестящая медь и золото имеют тождественное значение» [1, т. 1, с. 122].

Явными заимствованиями из труда Афанасьева отмечен цветаевский образ человека. Цветаева фиксирует в образе человека в первую очередь глаза, которые связываются с огнём и светом, например: «Два зарева: глаза и щеки» («Большевик», 31.01.21). Призыв к душе, «В тот час, душа, мрачи / Глаза...» («В глубокий час души...», 8.08.23), предполагает идею световой природы глаз, что и дает возможность их «мрачить».

Представления о значимости глаз у человека и их связи со светом и огнём являются общими для мифов многих народов мира. Они были восприняты средневековой и романтической традициями, которые получили развитие в культуре Серебряного века в целом и творчестве Цветаевой в частности.

Более точную дифференциацию источника заимствования допускает отождествление глаз с солнцами в стихотворении Цветаевой «О первое солнце над первым лбом!» (10.05.21): «О первое солнце над первым лбом! / И эти – на солнце прямо – / Дымящие – черным двойным жерлом – / Большие глаза Адама». Стихотворение связано с мифом о происхождении глаз от солнца, изложенным Афанасьевым:

«Из... сродства понятий света и зрения, во-первых, возникло мифическое представление светил небесных – очами, а во-вторых, родилось верование в чудесное происхождение и таинственную силу глаз. ... Скандинавские поэты солнце, луну и звезды называют глазами неба, и наоборот, глаза человека уподобляют солнцу и луне...» [1, т. 1, с. 153]; «По свидетельству старинных славянских и немецких памятников, восходящих до XII столетия, очи человеческие создались от солнца; верование это известно было и древним индусам. ... У разных народов уцелели любопытные предания о том, что глаз человеческий не только видит, но светит и жжет» [1, т. 1, с. 164].

Заимствуя этот миф, Цветаева объединяет его с христианским мифом об Адаме, первом человеке.

В стихотворении «Два зарева! – нет, зеркал!» (2.07.21) Цветаева не только отождествляет глаза с солнцами, но и использует метафору глаз-зеркал, превращая с помощью множественного числа – «зеркала» – привычную метафору глаз как зеркала души в конкретный и живой образ. Вместе с тем, образ глаз-зеркал также содержится в «Поэтических воззрениях»:

«Народные загадки уподобляют глаза человеческие зеркалам и стёклам...» [1, т. 1, с. 160].

Стихотворение построено как ряд следующих один за другим метафорических предикатов, или дефиниций, субъект которых возникает только в последней строке: «Два смертных глаза». Метафоры сближают

глаза с огнём и светом – «Два зарева», «два недуга» [лихорадка, жар], «Два чёрных круга / Обугленных», «дымят», «Пламень», «два солнца», «два алмаза», – тьмой – «Два черных круга / Обугленных», «мрак», «Две черных ямы», «Две черных славы», – глубиной и высотой – «Два серафических жерла», «Две черных ямы», «Две черных славы», «встают», «два солнца, два жерла», – кругом – «Два серафических жерла», «Два черных круга», «Две черных ямы», «два жерла». В последней в стихотворении метафоре глаз, «Подземной бездны зеркала», объединены минимум три метафоры: глаза как зеркало души; душа, человек как бездна; человек как земля⁸.

В этих значениях глаза противопоставлены плоскости, неподвижности, холоду и квадрату – «лёд зеркал», «плиты тротуарные», «тысячеверстья зал / ...полярных», «каменность простынь», – представляющих пространственно-временной мир. Более того, они выступают за пределы этого мира, возвышаются и торжествуют над миром, что передаётся с помощью предлогов *из, с, через, над*: «...из льда зеркал, / С плит тротуарных, / Через тысячеверстья зал / Дымят – полярных», «Над каменностию простынь – / Две черных славы». Поэтому глаза являются проводниками памяти, знания о Рае⁹ и первом человеке:

Так знайте же, что реки – вспять,
Что камни – помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

Глагольный предикат «встают», который относится к «Двум... глазам» и сопровождающим их метафорам, напрямую отождествляет глаза с двумя восходящими солнцами. Отождествление глаз с солнцами создает образ космического человека, не ограниченного пространством и временем, носителя бездны и выси, тьмы и света.

Таким образом, помимо привычных представлений о значимости глаз, фиксация глаз Цветаевой в контексте «Поэтических воззрений славян на природу» обнаруживает ещё одну функцию, а именно: напоминание об огненном происхождении человека, восстановление в нём образа первого, космического человека. В цикле «Георгий» (июль 1921) отождествление глаз героя с солнцами – «...солнца в венце из стрел!», – отчего его «очи» «непомерны», – подчинено созданию не только образа космического человека, но и образа святости, отрешившейся от мира, брезгующей соприкосновением с ним.

Метафора «зеркальных» глаз, заимствованная в труде Афанасьева, оказывается очень продуктивной для Цветаевой. В стихотворении «Пустоты отроческих глаз! Провалы...» (25.08.21) она рождает по

ассоциации целый каскад новых метафор, обыгрывающих глубину и прозрачность отражаемой в глазах высоты и зеркальную поверхность глаз, вызывающих ассоциацию с водой – от: «Пустоты...», «Провалы / В лазурь!» – до: «Душ раскаленных – водопой. / – Оазисы!» В стихотворении «Сахара» (3.07.23) образ «глазных оазисов» включен в метафорический ландшафт лирической героини-пустыни.

Иначе обыгрывается образ глаз-зеркал в стихотворении «Брожу – не дом же плотничать...» (16.10.23). Соединяя привычную метафору глаз как зеркала души с мифологическим образом глаз-зеркал, Цветаева строит образ глаз по прямой аналогии с зеркалом: «Мертвец настойчивый, / В очах – зачем качаешься?». «Мертвец», то есть возлюбленный лирической героини, заключенный в её душе¹⁰, находится, подобно отражению в зеркале, в её «очах», то есть буквально отражается в зеркале ее глаз. Поскольку он «мертвец», то есть обречен на вечное заключение в душе героини, постоянным является и его пребывание в глазах. Потому оно воспринимается героиней как навязчивое и маниакальное «качание».

В стихотворении из цикла «Стихи к Блоку», «Как сонный, как пьяный...» (25.11.21), парадоксальный образ блоковских глаз – «Сновидца, всевидца / Пустое стекло» – предполагает логический ряд непроявленных метафор: душа – бездна, глаза – зеркало души, следовательно, глаза – прозрачное стекло, через которое видна бездна, то есть пустота. Так Цветаева выходит к упомянутому выше фольклорному образу глаз-стёкол, который содержится в «Поэтических воззрениях» Афанасьева.

Помимо явных заимствований из труда Афанасьева, творчество Цветаевой содержит скрытые заимствования. Так, в стихотворении «Что другим не нужно – несите мне...» (2.09.18) ясно различаются культурные традиции античности (Гераклита, Эмпедокла), христианства, романтической культуры и культуры Серебряного века. В соответствии с ними лирическая героиня отождествляет себя с «огнём», «пламенем» и «Птицей-Феникс», с которыми связаны в названных традициях идеи жизни, творчества, самопожертвования, очищения, возрождения и гармонизирующей середины:

Что другим не нужно – несите мне:
Всё должно сгореть на моём огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В лёгкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост – венки – слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!

Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

Однако, своим непосредственным подтекстом стихотворение имеет описание Афанасьева домашнего очага у древних народов:

«Огонь на домашнем очаге можно поддерживать только приношением ему разных сгораемых материалов; пожирая их, он живет, но тотчас же погасает (= умирает), как скоро они превратятся в пепел. Так сама собою... возникла жертва огню» [1, т. 2, с. 41].

Приведенные тексты содержат смысловые и лексические совпадения: {«Что другим не нужно», «Прошлогодний хворост – венки – слова...»} = {«разные сгораемые материалы»}; {«несите мне»} = {«приношение»}; {«В лёгкий дар моему огню»} = {«жертва огню»}; {«Пламень пышет с подобной пищи!»} = {«пожирая их, он живет...»}; {«Поддержите высокую жизнь мою!»} = {«поддерживать»}; {«горю до тла»} = {«тотчас же погасает (= умирает), как скоро они превратятся в пепел»}. Они маркируют скрытую метафору лирической героини как домашнего очага¹¹. Это не только дополняет её образ значениями очищения, изгнания темной силы, источника изобилия, источника плодородия и богатства, объединения семьи, охраны жилья, защиты супружеских и родственных связей, дарования детей и счастья, но и объясняет значение и закономерность заключительной характеристики лирической героини: «...Высоко несу свой высокий сан – / Собеседницы и Наследницы!».

Если образ «Собеседницы», мне кажется, содержит намёк на платоновские диалоги, прежде всего «Пир», и подразумевает идею гармонии в настоящем времени, то образ «Наследницы» объясняется символическим значением домашнего очага, его связью с идеей рода:

«С культом домашнего очага теснейшими узами связывалось поклонение душам усопших предков» [1, т. 2, с. 74]; «Огонь на очаге был признан за семейное, родовое божество, которое охраняло счастье дома и родичей...» [1, т. 2, с. 75].

В результате, «наследничество» героини устанавливает в стихотворении идею рода, преемства, определяя понимание времени как роста и единства.

Более трудным для расшифровки контекста «Поэтических воззрений» является цветаевский образ рябины. Он возникает в поэзии Цветаевой впервые в девятом стихотворении цикла «Стихи о Москве», «Красною кистью...» (16.08.16):

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Появление «рябины» подготовлено в цикле образом дочери-«деревца» («Облака – вокруг...» 31.03.16), с которым связываются значения царствования, то есть середины, и – преемственности, единства прошлого и будущего, могилы и рождения, жизни и смерти, в целом – гармонического единства мира. Это позволяет увидеть в образе рябины не «чёртово» растение, как пишет С. Ельницкая [3, с. 85], а прежде всего *мировое древо*, символ иерархического и живого единства мира¹².

В контексте цикла значение «рябины» как *мирового древа* многократно повторяется и уточняется образами *храма, града, дома, сада, колокольни, холма, лестницы круга*, а также числом *семь*. (Образ лестницы в стихотворении не маркирован: «Семь холмов – как семь колоколов! / На семи колоколах – колокольни»).

Доказательством близости «рябины» этим символическим образам является совпадение первых двух строф стихотворения с двумя первыми строфами седьмого стихотворения цикла «Семь холмов – как семь колоколов!» (8.07.16). А именно, в обоих стихотворениях представлен образ дня рождения авторского «я», с которым связывается колокольный звон, красный (червонный) цвет, суббота («червонный день») и Иоанн Богослов. Различаются в его описании «колокольное семихолмие», «дом», круг «плетня» и «церковок» в первом и «рябина» во втором. Логически, при очевидной тождественности образа дня рождения в стихотворениях его различающиеся компоненты должны совпадать по своему смысловому значению. Следовательно, «рябина» является близким образом к символам *холма, дома, круга* и *храма* с их общим значением целостности и единства мира, то есть мировой гармонии.

Вместе с тем, метафора «зажглась» объединяет в символе «рябина» образы дерева, или куста, и огня, единство которых повторится в творчестве Цветаевой в ветхозаветном образе «Моисеева куста» («Расцветает сад, отцветает сад» 12.12.17) и «куста неопалимого» («Бог! – Я живу! – Бог! – Значит ты не умер!» октябрь 1919). Связь «рябины» с огнем подтверждается и эпитетом «жаркая» в третьей строфе. Также образ «горькой кисти» рябины связан с огнем: «Слово г о р ь к и й согласно своему происхождению значило в старину огненный (например, горкыи змии), горячий... и получило значение горького, едкого вкуса, потому что огонь жрет» [8, с. 296], – пишет А.А. Потемня в статье «О некоторых символах в славянской народной поэзии»¹³. Соединение дерева и огня в образе рябины связывает идею гармонического единства мира и движения, динамики, творчества.

Параллелизм совершенных однократных действий со значением возникновения, начала – «рябина зажглась» и «я родилась» – на фоне несовершенного, повторяющегося действия «падали» устанавливает

связь между ними, а также их субъектами – «рябиной» и «я» лирической героини. В результате, рождение героини приравнивается возникновению огня, а сама героиня отождествляется с огненным деревом с его значениями божественной целостности, гармонизирующей мир середины, творческого огня. Так, биографическое и мифологическое время объединяются. В третьей строфе подчеркнута нерасторжимость этой связи: «Мне и доныне...».

Колокольный звон, совпадение дня рождения авторского «я», то есть поэта, с днем Иоанна Богослова и субботой – дополняют символику рождения значениями благовествования, божественного дара¹⁴, ученичества, пророчества, а также завершения и кануна¹⁵. Так намечается параллель между авторским «я» и образом ученика Христа, пророка, что соответствует романтическому представлению о поэте.

Из вышеизложенного вытекает, что толкование «рябины» с её «горькой кистью» как символа «горькой жизни» лирической героини [2, с. 199], предложенное Г. Ванечковой, лишено основания, даже если упомянутая выше статья Потемни еще не была знакома Цветаевой в 1916 году. Такая интерпретация не соответствует ликующим интонациям и идеям цикла «Стихи о Москве» в целом – прежде всего его центральной идее иерархической гармонии божественного мира Москвы. Лирическая героиня цикла не только не отделяет себя от этого мира, но и осознает себя его гармонизирующей серединой, созидающим гармонию огнём. Само понятие горя в цикле связано не с «горькой жизнью» в её негативном значении, а с царственной, высокой судьбой: «В дивном граде сём, / В мирном граде сём, / Где и мёртвой – мне / Будет радостно, – / Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец!»

Символы мирового древа и божественного огня, представленные в стихотворении образом рябины, соответствует мировой мифологии в целом, а также гераклитовым, эмпедокловым, христианским и романтическим традициям в творчестве Цветаевой. Можно ли говорить о связи стихотворения со славянской мифологией и с «Поэтическими воззрениями славян на природу» Афанасьева, в частности?

Предположительно об отношении цветаевской «рябины» к славянской мифологии говорит сам вид дерева: рябина наряду с дубом, березой, явором, сосной и яблоней является у древних славян райским деревом [4, с. 451]. Также соединение в «рябине» дерева и огня соответствует не только ветхозаветной традиции, но и славянскому мифу о Перуне и рябиновых ночах:

«Усматривая в тучах небесные сады и рощи, фантазия сближала это мифическое представление с различными земными деревьями, и между прочим с рябиною, красные ягоды которой напоминали молниеносный цвет Перуна; потому бурно-грозовая ночь... получила название рябиновой, а ветка рябины... принималась за символ Перуновой палицы» [1, т. 2, с. 377].

Неслучайный характер этого соответствия подтверждается ещё одной параллелью стихотворения с мифами, собранными Афанасьевым. Отмеченное выше сближение рождения огня и рождения лирической

героини перекликается с мифом о тождественности акта сотворения богом-громовником Перуном огня и первого человека:

«В сущности и миф о происхождении огня, и сказание о начале человеческого рода были тождественны: бог-громовержец (Агни) послал с неба молнию, возжёт ею на земле огонь и устроил первый очаг: в том же молниеносном пламени он низвел на землю и душу первого человека...» [1, т. 2, с. 75].

Таким образом, первая строфа стихотворения полностью ложится на изложенный Афанасьевым миф о Перуне, включающий представление о рябине как символе молнии и о тождественности происхождения огня и первого человека.

Связь стихотворения «Красною кистью...» с «Поэтическими воззрениями» подтверждается также и контекстом цикла «Стихи о Москве», который отмечен заимствованиями из труда Афанасьева, которые мы можем здесь только обозначить. К ним относится образ «гостя» [1, т. 2, с. 4], образы «покрова» и «облаков» [1, т. 1, с. 542–543], возможно, также просьба лирической героини заткнуть её рот землёю [1, т. 1, с. 146] и целование лирической героиней земли [1, т. 1, с. 147].

Также контекст творчества свидетельствует о заимствовании Цветаевой образа рябины и фабулы о возникновении огня и человека из «Поэтических воззрений». В частности, приведённый выше миф о рябиновой ночи совершенно отчётливо прочитывается в стихотворении «И как под землёю трава...» (24.08.18) из цикла «Але»:

И как под землёю трава
Дружится с рудою железной, –
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

Сивилла! – Зачем моему
Ребёнку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему...
И век ей: Россия, рябина...

Стихотворение состоит из четырех, логически связанных друг с другом частей: 1) описание всевидящих глаз дочери; 2) на этом основании определение дочери: «Сивилла!»; 3) жалоба матери: «– Зачем моему / Ребёнку – такая судьбина?»; 4) пояснение жалобы: «Ведь русская доля – ему... / И век ей: Россия, рябина...».

«Рябина» стоит здесь как уточнение к «России», логически отождествляется с ней, становится символом России. (Символом России является рябина и в стихотворении «Рябину...» (1934): «Рябина! / Судьбина / Русская»). Одновременно «Россия, рябина» выступают в качестве метафорического предиката «века». Если перевести предикат «Россия, рябина» в прилагательное, получится – *российский, рябиновый* век со значением тождества *российский* и *рябиновый*. В итоге, становится очевидным, что цветаевский образ *рябинового века* как качественного определения времени жизни дочери в точности соответствует мифологическому образу *рябиновой ночи* как качественному определению времени грозы. Параллелизм построения образа «века»

мифологической «ночи» позволяет прочесть его значение как века грозного, грозного, бурного, огненного, божественного, высокого, а потому – страшного для матери. Эти значения объясняют многоточие в конце стихотворения. Оно открывает стихотворение невыразимому для поэта и для матери смыслу, который маркируется контекстом «Поэтических воззрений славян на природу», – мифологическими значениями грозы как *битвы, охоты, игры, молотьбы, любовного союза, пира, бани*¹⁶.

Так, в контексте творчества Цветаевой окончательно определяется связь рябины как мирового древа, а следовательно, и связь лирической героини, её дочери Али (преемственность: «деревцо моё») и России, символом которых является рябина, – с божественным огнём, молнией и грозой. Это позволяет предположить возможность тонкой ассоциативной связи желания героини «грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть» с мифами, в которых молния и огонь представлены в образе «грызущих зубов» [1, т. 1, с. 771]. С другой стороны, объединение в образе рябины значений мировой гармонии с символикой грозы включает в понятие гармонии не только динамику, но и борьбу, драматизм.

В стихотворениях Цветаевой «Всё круче, всё круче...» (июнь 1921), «В смертных изверюсь...» (5.09.22), «Когда обидой – опилась...» (8.09.22), «Госка по родине! Давно...» (3.05.34) и «Рябину...» (1934) связанные с «рябиной» идеи огненной, динамической гармонии сохраняются, но само понимание гармонии при этом существенно корректируется. К сожалению, рамки статьи не дают нам возможности продолжить анализ.

Предложенный анализ явных и скрытых заимствований М. Цветаевой из труда А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» далеко не является исчерпывающим. Всё же он даёт представление о их многочисленности и многообразии. Это позволяет видеть в труде Афанасьева один из основных источников мифологических и фольклорных образов в творчестве Цветаевой, а также её творческой инспирации.

Анализ показывает также, что заимствованные мифологические образы включаются в творчестве Цветаевой в символическую форму, подчиняясь центростремительной силе новой целостности, которую образует её личность. По словам Е. Коркиной, Цветаева делает «*мифопоэтические представления народа фактом своего индивидуального поэтического сознания*» [5, с. 161]. В результате этого, в отличие, например, от творчества К. Бальмонта, они утрачивают свою автономность.

Символическая форма в произведениях Цветаевой определяет возможность сближения мифологических образов, почерпнутых в труде Афанасьева, с родственными им образами – античными, библейскими, философскими, литературными и др., что не имеет ничего общего с эклектизмом. Близкие по значению образы не дублируют друг друга, но,

пересекаясь, уточняют и дополняют значение друг друга, становятся точными инструментами познания жизни и выражения сознания поэта. Обычно, в одном произведении Цветаева использует целый ряд близких символических образов, как, например, в разобранных выше стихотворениях. В результате такого употребления конкретные образы, совпадающие с символами мировой культуры, взаимно заряжают друг друга идеей, символизируются. Через взаимные сближения или отталкивания определяются их символические значения и оттенки значений. Идея интуитивно улавливается читателем в тончайших связях не только между образами, но и словами, стилистическими оттенками слов, заполняя внутреннее пространство произведения, проявляясь почти как дымка, налет, легкое дуновение, не ограничивая свободу конкретного образа и не утяжеляя его своей рациональностью. Это позволяет Цветаевой создать, с одной стороны, психологически убедительные и чрезвычайно живые конкретные образы, с другой – чрезвычайно гибкую и чрезвычайно строгую, способную к развитию философскую систему.

Обработанные в истории культуры, вобравшие в себя смыслы различных исторических эпох, культур, цивилизаций и отдельных творческих индивидуальностей, они становятся в произведении их проводниками, включая произведение в их контекст. Это бесконечно расширяет и углубляет смысл произведения, создавая необычайную плотность мысли, глубину и многослойность структуры не только произведения, но и отдельного образа. Так, разобранный выше образ рябины представляет собой кристалл, грани которого отражают традиции древней славянской мифологии, греческой античности, средневековой культуры и Библии, романтизма и Серебряного века.

Только в символической системе отношений, всякий раз меняющемся контексте, то есть в развитии творчества, активизируется и корректируется мифологическое значение заимствованных Цветаевой образов. Отсюда минимум два требования к исследованию источников заимствования: рассмотрение образа в динамических связях, то есть в контексте произведения и творчества, и только на этой основе – выяснение его конкретного источника или соотнесение с тем или иным культурно-историческим контекстом. С другой стороны, определение источника на основании прямых текстовых совпадений или скрытых цитирований, реминисценций или аллюзий способно подсказать новую трактовку образа и во всяком случае – уточнить и углубить его понимание. Абстрагирование от контекста творчества ведет к дурной тенденции: подмене точного значения цветаевского символа суммой значений, почерпнутых в мифологических словарях и словарях символов, а также произвольному привлечению того или иного контекста только потому, что в нем встречается подобный символ.

Вместе с тем, включение Цветаевой заимствованных у Афанасьева мифологических образов с их структурами и значениями в символическую форму своего творчества и подчинение их

символическому выражению своего сознания свидетельствует о их более глубоком проникновении в это сознание, родственности стоящей за ними поэтической картины мира как живого, божественного иерархического единства мировосприятию Цветаевой. Поэтому значение труда Афанасьева нельзя ограничивать ролью собрания мифов, как это имеет место в отношении книги Г. Шваба «Прекраснейшие сказания классической древности»¹⁷. Также одновременность возникновения у Цветаевой символической формы и новой образности в 1916 году подсказывает, что труд Афанасьева мог способствовать формированию у неё мифологического сознания и символического мышления, что и проявилось в полном изменении творчества Цветаевой на всех уровнях: формальных и содержательных¹⁸.

Такое глубокое влияние труда Афанасьева может быть связано не только с мифами, изложенными в нём, но и с научным методом Афанасьева, который проявляется в самой форме труда. В отличие от А. Куна и Г. Шваба, Афанасьев представляет не конечный результат работы в виде законченного изложения мифологического сказания, а сам процесс работы мифолога, историка, фольклориста, лингвиста-палеонтолога, восстанавливающего миф на основании многочисленных материалов, в том числе и языка. Поэтому объективно, независимо от рационалистического понимания мифа (Афанасьев развивал «грозовую» и лингвистическую теорию мифа В. Шварца и М. Мюллера), «Поэтические воззрения славян на природу» были, несомненно, для Цветаевой своеобразной школой мифологического и символического мышления и языка. Подтверждение этой гипотезы, однако, требует целостного исследования творчества Цветаевой в контексте эпохи.

Литература и примечания

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: Т. 1 3. – М., 1965–1969. **2. Ванечкова Г.** Символ «рябина» в поэзии Марины Цветаевой и его перевод // *Československá rusistika* 27. – 1982. – № 5. – С. 197–201. **3. Ельницкая С.** Поэтический мир Цветаевой: конфликт лирического героя и действительности // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 30.* – Wien, 1990. **4. Иванов В.В., Топоров В.Н.** Славянская мифология // *Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т.* – М., 1980–1982. – Т. 2 – С. 450–456. **5. Коркина Е.Б.** Лирический сюжет в фольклорных поэмах Марины Цветаевой // *Рус. лит.* – 1987. – № 4. – С. 161–168. **6. Осипова Н. О.** Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. – Киров, 2000. **7. Пастернак Б.** Собр. соч.: В 5 т. – Т. 4: Повести. Статьи. Очерки. – М., 1991. **8. Потемня А.А.** Слово и миф. – М., 1989. **9. Саакянц А.** Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М., 1999. **10. Телетова Н.К.** Трагедия «Фауст» Гете и поэма «Молодец» Цветаевой // *Рус. лит.* – 2000. – № 1. – С. 78–102. **11.**

Цветаева Марина. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1997–1998. **12. Шевеленко И.** Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М., 2002. **13. Makin M.** Marina Tsvetaeva: Poetics of Appropriation. – Oxford, 1993.

¹ Доступ к вузовским сборникам, региональным журналам, сборникам докладов локальных конференций, к сожалению, ограничен.

² См., например: [5, с. 162, 166; 13, с. 107–109, 135–136; 9, с. 211, 213, 277, 324–329; 6, с. 135; 10, с. 81].

³ См.: [11, т. 5/1, с. 295; т. 7/1, с. 381].

⁴ Восприятие труда Афанасьева Цветаевой было, несомненно, также и опосредованным, например, творчеством К. Бальмонта.

⁵ Здесь и далее цитируется по собранию сочинений в семи томах: [11].

⁶ См. также: [1, т. 1, с. 119–126].

⁷ См. также: [1, т. 1, с. 64–65, 126–150].

⁸ Объединение Цветаевой двух последних метафор позволяет предполагать их общий источник, которым может быть «Исповедь» А. Августина: «Великая бездна сам человек...» (Исп., 4, XIV, 22, 56); «...я стал сам для себя землёй, требующей тяжкого труда и обильного пота» А. Августин (Исп., 10, XVI, 25, 43).

⁹ Рай маркирован здесь мотивом течения рек вспять, связанным в творчестве Цветаевой с идеей движения времени к Раю, то есть с идеей возвращения в Рай.

¹⁰ Сравни: «...Ты во мне как в хрустальном гробе / Спишь, – во мне как в глубокой ране // Спишь, – тесна ледяная прорезь! / Льды к своим мертвецам ревнивы...» («Расщелина» 17.06.23); «Пропавший покоится / В надёжном гробу» («Сахара» 3.07.23).

¹¹ Прямая метафора очага содержится в очерке Цветаевой «Живое о живом» [11, т. 4/1, с. 193].

¹² В стихотворениях «Всё круче, всё круче...» (июнь 1921), «В смертных изверьях...» (5.09.22), «Когда обидой – опилась...» (8.09.22), «Рябину...» (1934) «рябина» представлена как дерево, в стихотворении «Тоска по родине! Давно...» (3.05.34) – как куст. В мифах *куст* является вариантом *мирового древа*. (В стихотворении «Рябину...» образ дерева маркирован действием: «Рябину / Рубили...», – рубят дерево, а не куст).

¹³ Имя Потебни Цветаева упоминает в письме к Е.Л. Ланну от 6.12.20: «Купила („полушалок“ – В. М.) на улице у старухи, к<отор>ая, живя 18 лет (а может быть — 81 г<од>!) в Москве, ни разу не была на Смоленском. — “Я зря болтаться никогда не любила”. Слушала с наслаждением. — Вот мой Потебня!» [11, т. 6/1, с. 163]. Многие образы и представлений Цветаевой соответствуют символам, которые рассматривает в названной статье Потебня, и могут быть вполне поняты только в её контексте.

¹⁴ Црк.-слав. «Иоанн» из др.-евр. «Бог милует».

¹⁵ О «субботнем» дне см.: [9, с. 105–106].

¹⁶ Значение грозы как бани является ключом к пониманию стихотворения «А и простор у нас татарским стрелам!» (9.02.22), которое и вообще может быть понято только в контексте мифов о грозе, реках крови и волках, изложенных в книге Афанасьева. Рамки статьи, к сожалению, не дают нам возможности

предложить его анализ.

¹⁷ Цветаева о роли Шваба: [11, т. 7/1, с. 381].

¹⁸ Б. Пастернак называет это изменение «перерождением» [7, с. 339], Е. Коркина отмечает «изменение мироощущения и стиля» [5, с. 161], Саакянц видит в Цветаевой 1916 года «совсем нового поэта» [9, с. 83], И. Шевеленко пишет о «перемене языкового арсенала» [12, с. 111], «новой стилистике» [12, с. 108, 110], возникновении в ней «церковно-славянского и народно-песенного» [12, с. 110] пласта.

В статье рассматривается влияние на М.И. Цветаеву труда русского мифолога А.Н. Афанасьева (1826–1871) «Поэтические воззрения славян на природу» (1865/69). Анализируя произведения Цветаевой, автор статьи обнаруживает в них многочисленные заимствования из названного труда. Включённые в символическую форму, они утрачивают свою автономность, становятся формой выражения сознания поэта. Сама одновременность возникновения символической формы в творчестве Цветаевой в 1916 году и мифологических образов, заимствованных у Афанасьева, говорит о том, что труд Афанасьева не только являлся одним из главных источников мифологических образов для Цветаевой, но и способствовал наряду с другими факторами формированию её мифологического сознания и символического мышления.

Ключевые слова: русский, литература, Серебряный век, заимствование, миф, символ.

У статті розглядається вплив на М.І. Цветаєву роботи О.М. Афанасєва (1826–1871) «Поэтические воззрения славян на природу» (1865/69). Аналізуючи твори Цветаєвої, автор статті знаходить у них багаточисельні запозичення із цієї роботи. Включені у символічну форму, вони втрачають свою автономність, стають формою вираження свідомості поета. Сама одночасовість виникнення символічної форми у творчості Цветаєвої у 1916 році та мифологічних образів, що були запозичені у Афанасєва, говорить про те, що праця Афанасєва не тільки являлася одним із головних джерел мифологічних образів для Цветаєвої, але й сприяла поряд з іншими чинниками формуванню її мифологічної свідомості й мифологічного мислення.

Ключові слова: російський, література, Срібне століття, запозичення, міф, символ.

In the article the author considers the problem of the impact of *The Poetic Outlook on Nature by the Slavs* (1865–69), written by Russian mythologist A.N. Afanas'ev (1826–1871), on M.I. Tsvetaeva. Analyzing works of Tsvetaeva, the author discovers in them numerous borrowings from the aforementioned treatise. These borrowings, being incorporated into the symbolic form of Tsvetaeva's work, lose their autonomy and become the form of expression of the consciousness of the poet. Along the simultaneity of the emergence of symbolic form in Tsvetaeva's work 1916 and of the appearance of mythological characters in it, borrowed by her from Afanas'ev, indicates that the mentioned Afanas'ev's work not only was one of the major sources of Tsvetaeva's mythological characters, but also, among other factors, contributed to the formation of her mythological consciousness and her symbolic thinking.

Key words: Russian, literature, Silver Age, borrowing, myth, symbol.

С. А. Матвєєва

ІНТЕРНЕТ ЯК СПЕЦИФІЧНИЙ КОМУНІКАТИВНИЙ ПРОСТІР

Комунікація – ключове поняття більшості гуманітарних наук нашої епохи. Останнім часом роль комунікації в суспільстві значно збільшилася, що, у свою чергу, змінило й ставлення до неї. Інтенсивний розвиток засобів комунікації привів до того, що результативність практично всіх видів діяльності людини (професійної, соціальної тощо) виявилася багато в чому залежною від успішності його комунікативної діяльності. «Ні в жодному сторіччі не розвивалося стільки різноманітних дисциплін, пов'язаних із впливом людини на людину» [1, с. 13]. Як досить складний процес, об'єктивне розуміння якого може відбутися тільки при поєднанні різних граней цього явища, досліджуваних комплексом наукових дисциплін, комунікація стає об'єктом вивчення таких наук, як антропологія, мистецтвознавство, педагогіка, історія, журналістика, право, філософія, політичні науки, психологія, соціологія й, звичайно ж, лінгвістика.

У перекладі з англійської слово «communication» означає «1) передача, повідомлення (думок, відомостей, новин тощо), інформація; поширення, передача; спілкування, зв'язок; 2) повідомлення, звістка, лист, послання; 3) зв'язок, повідомлення, комунікація; засіб зв'язку; комунікації, комунікаційні лінії; повідомлення, з'єднання» [2, с. 421]. Комунікація в лінгвістиці – це «спілкування, обмін думками, відомостями, ідеями тощо – специфічна форма взаємодії людей у процесі їхньої пізнавально-трудової діяльності» [3, с. 233], «процес інформаційного обміну: міжсуб'єктного, об'єктно-суб'єктного, об'єктно-суб'єктно-об'єктного – залежно від типу й способу одержання інформації» [4, с. 324], тобто комунікація, у якій переважає вербальний компонент, основним завданням якої є передача інформації.

Активізація й динамізація процесів у різних сферах життя та діяльності людини, зокрема й у користуванні мовою, які викликані інформаційним (і, як наслідок, культурним) вибухом останніх років, переходом від індустріального до інформаційного суспільства, знайшли своє відбиття й у «сплеску комунікативної активності нового типу» [5, с. 224] – спілкування, опосередкованого комп'ютером, що насамперед привело до закономірних перетворень і змін як у мові сучасного періоду, так і в різних наукових сферах, що осмислюють цей феномен. Інтернет як феномен культури ХХ–ХХІ століть, формуючи її особливу галузь, створив якісно інший соціально-культурний простір для комунікативної взаємодії та людей – кіберкультуру, перетворившись при цьому на один із дуже важливих і значних факторів розвитку суспільної, соціальної, культурної, політичної та інших сфер існування сучасного суспільства.

Як явище суспільне, що існує в особливих формах соціальної взаємодії та має такі характеристики, як *системність*, *кумулятивність*, *знаковий характер*, *комунікативність*, Інтернет визнається культурою, хоча й такою, що відрізняється безсумнівною своєрідністю. «Сьогодні Інтернет не тільки місце, де шукають інформацію, але й *простір особистого спілкування* й, що ще важливіше, *місце побудови співтовариства*. У мережі люди шукають і знаходять відкрите товариство, що дозволяє їм дістати доступ до відсутніх форм самовираження, спілкування й розвитку, що підтримує їх у русі до відкриття самих себе й навколишнього світу» [6]. Спілкування в Інтернеті, як й інші види контактів, впливає на процес взаємодії культур учасників, тобто на процес взаємних змін, впливів, обмін духовними, художніми, науковими досягненнями.

Поява в 60-х роках комп'ютерних мереж знаменувало початок модифікації процесу людського спілкування, що триває й дотепер. Ці зміни викликали необхідність усебічного осмислення й вивчення, і вже в 70-ті роки американські фахівці проводять перші соціальні та гуманітарні дослідження особливостей комунікації за допомогою комп'ютера (J. C. R. Licklider, R. Taylor, H. Sackman). На початку 90-х років подібні дослідження з'являються й у вітчизняній науці (на пострадянському просторі), що було обумовлено поступовим поширенням Інтернету та інших комп'ютерних мереж, а на початку 2000-х років гуманітарні й соціальні аспекти Інтернету досліджуються представниками різних наук активно й усебічно (Л. Ю. Іванов, О. Є. Войскунський, О. М. Галічкіна, М. Б. Бергельсон, І. М. Розіна, Г. Н. Трофімова, Л. А. Капанадзе).

Перші дослідження своєрідності інтернет-комунікаційних процесів носять очевидний переважно соціологічний характер: у них вказується на значні соціальні трансформації, що відбулися в суспільстві й спілкуванні людей з появою Інтернету (В. Ю. Нестеров, О. В. Мінаков, Н. Петрова, О. П. Белінська, О. Є. Войскунський). Слід зазначити як важливий момент, що в *лінгвістичних* дослідженнях інтернет-комунікації, що з'явилися трохи пізніше, як правило, зберігається акцент на соціальному функціонуванні мови в Інтернеті, на тісному взаємозв'язку його із суспільними процесами. Н. Петрова зазначає, що «Інтернет на сьогодні має соціальну функцію, яку не можуть реалізувати інші засоби масової комунікації. У різних своїх системах (сервера, телеконференції, чаті, ICQ та ін.) вона створює великий простір для спілкування, поле для формування відносин, відмінних від прийнятих у реальному світі, обмеженому ритуалами й межами соціальних систем, культур і субкультур. Інтернет сприяє формуванню відкритого суспільства. Відкрите щодо форм поведінки, видів інформації, кількості й характеру учасників, часу існування співтовариств, активності кожного учасника співтовариств і часу його існування в співтоваристві. Усі перераховані вище складові мають найвищу гнучкість» [6]. Очевидно, що подібна соціальна, психологічна відкритість Інтернету дуже впливає

на комунікативно-мовленнєві процеси, що протікають у ньому, а «соціальна спрямованість тексту втілюється у формі особистісно-орієнтованого спілкування» [7, с. 643].

Більшість дослідників вказують на досить значну специфічність інтернет-комунікації в порівнянні зі спілкуванням, що неопосередковане комп'ютером. Так, О. Долгополов відзначає, що «мережа не є безпосередньою копією реального життя, вона має свої функціональні доміанти, зокрема, такі, як зміна суб'єктно-об'єктних відносин, особливості мотивації користувачів, унесеність до процесів комунікації лише деяких соціальних груп, технологічні детермінанти комунікативної дії. Усі вони, так чи інакше, спричиняють зміни будь-якого об'єкта, який приходить в онлайн із оффлайна, а також характерні властивості тих явищ, які виникають безпосередньо в мережному просторі» [8].

Ці та інші особливості Інтернету дали змогу говорити про нього як про особливий вид комунікативного простору, основу якого складає синтез традиційних і специфічних законів комунікації взагалі та власне мовленнєвої комунікації.

Таким чином, найбільш важливі характеристики Інтернету як комунікативного середовища можна звести до таких:

- очевидна обумовленість соціальними факторами;
- особлива відкритість;
- інтерактивність;
- процесуальність;
- розширення діапазону каналів зв'язку й особлива їхня комплексна взаємодія.

Не змінюючи принципово суті комунікативного процесу, названі особливості водночас обумовлюють очевидну трансформацію окремих компонентів комунікативної взаємодії. Сама сутність інтернет-комунікації визначила нові елементи й характеристики такого роду спілкування: здійснення процесу комунікації через комп'ютерний канал зв'язку, конструювання взаємодії з віртуальним співрозмовником, можливість формування нового відкритого (не обмеженого рамками соціальних систем і культур) суспільства тощо.

Література

- 1. Почепцов Г. Г.** Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. — 656 с.
- 2. Новый** большой англо-русский словарь: В 3 т. / Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1993. – 832 с.
- 3. Лингвистический** энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – 709 с.
- 4. Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учеб. пособие. – К.: Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
- 5. Леонтович О. А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005. – 351 с.
- 6. Петрова Н.** Русский Интернет как открытое фольклорное общество //

<<http://www.kida.ru/litra/folklor.html>>. **7. Стилистический**
энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. –
М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с. **8. Долгополов А.** Свойства и признаки
объектов гуманитарного Интернета //
<[http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-
www.woa/wa/Main?textid=279&level1=main&level2=articles](http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=279&level1=main&level2=articles)>.

Стаття присвячена визначенню основних соціолінгвістичних та комунікативних характеристик Інтернету як нового простору спілкування.

Ключові слова: інтернет-комунікація, комунікативний простір, опосередковане спілкування.

Статья посвящена определению основных социолингвистических и коммуникативных характеристик Интернета как нового пространства общения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, коммуникативное пространство, опосредованное общение.

The article focuses on the main sociolinguistic and communicative features of the Internet as a new space for contacts.

Key words: Internet-communication, communicative space, mediated communication.

УДК 811.161.2'36

Т. Ю. Мороз

СЕМАНТИЧНО МОДИФІКОВАНІ ОНІМИ: СИМЕТРИЧНЕ Й АСИМЕТРИЧНЕ НА РІВНІ МОРФОЛОГІЧНОЇ КАТЕГОРІЇ ЧИСЛА

Проблема числових характеристик іменників-онімів неодноразово ставала предметом наукового розгляду [2; 3; 5; 6; 8; 9; 11–18]. Говорячи про специфіку вираження власними назвами числових значень, дослідники в першу чергу констатують, що відповідно до своїх значеннєвих і функціональних ознак оніми в граматичному плані характеризуються як одинні, оскільки «референційне значення слова співвідносить його з одним і тільки з одним об'єктом» [15, с. 159]. Звідси цілком закономірним постає висновок, що парадигматика значень власних іменників представлена лише однією, а відтак наявна усічена значеннєва парадигма: іменники – власні назви мають значення однини і не мають значення множини.

На рівні формальної репрезентації семантика одиничності не завжди забезпечується відповідними граматичними формами однини. Для української мови це твердження справедливе, оскільки власні назви представлені як формами однини, так і формами множини. За цими

ознаками аналізовані іменники розподіляються в різні морфологічні класи: перші до класу іменників *singularia tantum*, наприклад: *Катерина, Іван, Дніпро, Київ, Говерла*, другі – *pluralia tantum*, наприклад: *Черкаси, Альпи, Карпати, Дарданелли*.

За формальною ознакою в її стосунку до семантики одиничності зазначені групи слід розвести як протилежні: форми однини підтримують реальну семантику однини, оскільки в них «сема «одиничність» накладається на позначення індивідуального предмета» [14, с. 67], а форми множини не відбивають реального денотативного статусу об'єкта. Відтак в семантико-граматичному плані однинні за формою і значенням іменники можна вважати симетричними [11, с. 16], натомість множинні – асиметричними. Важливо при цьому наголосити, що поява семантико-граматичної невідповідності на рівні іменників – власних назв, що репрезентовані множинними формами, не є результатом порушення в системі мови, а зумовлена екстралінгвальними чинниками, зокрема узуалізацією колишніх форм множини загальних або власних іменників у функції власних назв на позначення одиничних об'єктів [2, с. 47; 18, с. 113–117].

Схарактеризована позиція дослідників подає стан речей, питомий для онімів, ужитих у прямому значенні, які відносяться до безпосереднього реального одиничного денотата, тобто які мають референту віднесеність. Разом із тим іменники – власні назви в результаті дії різноманітних чинників можуть зазнавати семантичного розвитку, можуть набувати інших, додаткових, переносних значень [4, с. 66–73; 18, с. 113]. При цьому зміна вихідної семантики іменника – власної назви впливатиме й на зміну його граматичної семантики, на чому наголошує Н.Г. Озерова, вказуючи, що переносне вживання власного імені є, з одного боку, основою його семантичного розвитку, з другого – викликає зміни характеру граматичної семи «число», яка притаманна цьому іменнику [14, с. 68].

Дослідження змін у граматичних характеристиках іменників-онімів під впливом різноманітних семантичних процесів уже проводилися у вітчизняному й зарубіжному мовознавстві [2–5; 9; 14; 16; 18], однак при цьому дослідники зазвичай обмежуються констатацією того, що форма множини з відповідним значенням множини на рівні семантично модифікованих онімів не становить корелята форми й значення однини вихідного оніма. Питання ж про те, чи мають новоутворені семантично модифіковані оніми повну парадигму форм і значень, залишається без відповіді. Необхідність пошуку відповіді на нього, зумовлена потребою більш системного опису характеру співвідношення семантики та граматики у сфері морфологічних категорій, стверджує актуальність пропонованого дослідження.

Метою статті є визначити характер співвідношення значень числа та форм їх вираження на рівні іменників-онімів, що зазнали семантичного розвитку, в термінах симетрії / асиметрії [7; 10, с. 47].

Передусім варто зазначити, що зміни в лексичній (умовно лексичній, адже іменники-оніми не мають лексичного значення як такого) і пов'язаній із нею граматичній семантиці характерні більшою мірою для іменників-онімів класу *singularia tantum*. І це цілком логічно: для таких іменників потенційно відкритою є позиція для утворення значення й форми множини. Натомість іменники – власні назви класу *pluralia tantum* мають набагато менше можливостей для цього [11, с. 16]. Саме тому в різноманітних джерелах найчастіше згадують про модифікацію значення й появу форми множини на ґрунті одининних іменників і майже ігнорують той факт, що множинні іменники теж можуть зазнавати семантичних модифікацій, які, щоправда, найчастіше не підтримуються формуванням корелятивних форм числа. У межах пропонованої роботи увага в основному буде зосереджена саме на іменниках класу *singularia tantum*.

Стосовно одининних іменників – власних назв у науковій літературі вказують на декілька різновидів значенневих модифікацій онімів, які виливаються в зміну граматичного значення онімів. І.Р. Вихованець і К.Г. Городенська, наприклад, зазначають, що форми множини від іменників-онімів можуть позначати: а) сукупність однойменних осіб або предметів; б) узагальнення на ґрунті характеристичних ознак власних назв; в) сукупність осіб з однієї родини [5, с. 97]. Відразу слід термінологічно дещо уточнити формулювання, запропоноване в пункті б), оскільки в цьому разі йдеться не про узагальнення на ґрунті характеристичних ознак власних назв, а те саме узагальнення, але на ґрунті характеристичних ознак референта (денотата), позначеного власною назвою у формі однини. В іншому ж наведений розподіл цілком точний і підтверджується прикладами з усного та писемного мовлення, де випадки утворення форм множини від іменників-онімів досить частотні. Наприклад, у реченнях *У кожному дворі по два-три хлопців – **Василі, Грицьки та Івани**. Який урожай був на отих **Іванів**! У нашого сусіди було аж три **Івани** – Іван Парубок, Іван Великий, Іван Малий* (І. Сенченко) власні назви – імена осіб (виділені напівжирним шрифтом) ужиті у формах множини, що свідчить про їх нереферентне вживання, натомість їхнім протиставленням стає тричі вжитий іменник *Іван*, який використаний у своєму основному значенні для позначення трьох різних денотатів, що додатково підкреслюється характеристичними уточненнями (*Парубок, Великий, Малий*). А в наведеному нижче фрагменті:

— *Тпр-р-ру!* — зарепетував *Гриць*, одурівши від здивування і радості. Впізнав знайомих. «**Морози!**!, їй-бо, **Морози!**!» — *А бий тебе коза хвостом, як каже наш тато! Куди це ти, кирпата, так спотикаєшся прудко? Агов!..*

— *А-а-а!.. До тебе, до тебе ж!.. Здоров — ха-ха-ха!* — *жених! А де це ти так розігнався?! Чи не свататись?.. Вигуки. Сміх. Вибухи здивування і радості.*

— *Морози!*..

— *Сірки!*..

Морози зустрілися з Сірками. Гора з горою не сходиться... А два роди — два древніх і славних роди навіть в такому океані, в таких безмежних нетрищах не змогли розминутися.

Григорій з величезним інтересом спостерігав сцену, таку несподівану і таку незвичайну. Морози зустрілися з Сірками! І де?!.

Та, далєбі, в цих загадкових і фантастичних нетрищах можна сподіватися і таких речей, а то ще й несподіваніших (І. Багрянний) — іменники на позначення прізвищ ужиті в множині для показу сукупності представників однієї родини, що виразно тлумачить і сам контекст.

На противагу цілком нейтральним значенням, що виражаються формами множини в наведених вище прикладах, в реченнях *Людя набридли теревені кучм, медведчуків, базових про наші успіхи, коли народ купається в середньовічній убогості; Повстав народ, а не «вулиця», як знуцально і зверхньо стверджують Кучма і всілякі гавриши* (Сільські вісті. — 30 жовтня 2004) власні назви – прізвища *Кучма, Медведчук, Базів, Гавриш*, ужиті у формі множини, виражають яскраво негативний оцінний компонент значення, через що семантика власної назви майже нівелюється й найважливішим постає оцінно-характеризувальне значення, яке зближує ці власні назви із загальними.

Механізм перетворення власної назви в загальну точно може бути описаний у термінах теорії референції. Зокрема Н.Д. Арутюнова вказує, що поки власне ім'я не закріплене за конкретним об'єктом, воно незначуще, але щойно воно отримало свого носія, воно обростає асоціаціями, які створюють образ референта імені. З іменем починають пов'язуватися різноманітні відомості про номіната, враження від нього, його зовнішній вигляд, емоційне ставлення, яке ним породжується тощо. Природно, що ці асоціації у різних осіб суттєво різняться. Це не заважає їх адекватному використанню. Однак, якщо за іменем закріплюється позначення стабільної сукупності ознак, воно може стати загальним, тобто набути статусу предиката [1, с. 25], або, іншими словами, набути можливостей до позначення характерологічних ознак.

Перетворення власних назв у загальні може відбуватися в двох напрямках: до актуалізації позитивних ознак колишнього референта або до актуалізації негативних ознак. У наведених вище прикладах спостерігається акцентування негативних характеристик референтів, які й закріпилися в значеннєвому комплексі колишніх власних імен у функції загальних. Це значення в українській традиції знаходить підсилення ще й у графічному оформленні словоформ.

У цілому перетворення власних назв у загальні формує певне поняття. При цьому формування нового поняття забезпечується не лише семантичними механізмами, а і, як було зазначено, засобами графіки, морфології та синтактики. У зв'язку з цим А.А. Брагіна цілком слушно підмітила, що ланцюги власних імен, співвідносні з різними

референтами, виявляють подібність до загальних назв, коли набувають форми множини. При цьому зникають видові розбіжності, залишається загальне – родове значення. Іншими словами, форми множини створюють узагальнення, а перерахування – синтаксичний паралелізм однорідних членів обриває зв'язок з індивідуальним референтом, чим забезпечується перетворення власних імен у загальні зі сформованим поняттєвим змістом [4, с. 71–72].

Крім зазначених випадків розвитку семантики власних іменників, дослідники виділяють й інші. Наприклад, Н.Г. Озерова говорить про зміну семантики іменників-онімів і пов'язані з цим зміни в їх числових характеристиках, завдяки чому такі іменники фактично перетворюються на загальні назви, у разі, якщо: 1) географічні назви стають найменуванням марок автомобілів, тракторів, комбайнів, побутових приладів, машин і механізмів; 2) географічні назви обираються як псевдоніми, позивні та ін. декількох осіб [14, 69], хоча в загальному ці види перетворень можуть бути підведені під більш загальний тип, який у класифікації І.Р. Вихованця та К.Г. Городенської [5], наведеній вище, позначений пунктом а).

Варто зазначити, що спостереження над семантичними процесами у сфері власних назв однинної форми, в результаті яких утворюються корелятивні форми однини / множини, приводить інколи до деяких неправомірних висновків. Так, скажімо, згадана вище дослідниця (Н.Г. Озерова) схильна вважати, що в разі перенесення власної географічної назви на позначення інших реалій новоутворена власна назва стає цілком тотожна загальному найменуванню, завдяки чому й підтвердженням чого, на її думку, є існування корелятивних форм однини та множини цих власних назв, пор.: *Волга* (річка) – «*Волга*» (машина) / «*Волги*» (машини) [14, с. 69–70]. Схожу думку висловлює й В.І. Болотов, аналізуючи випадки зміни в семантиці іменників – власних назв на прикладі речень: *У жильцов нашего дома семь волг; У жильцов нашего дома семь легковых автомобилей. Марка легковых автомобилей «Волга».* Він говорить: «Власна назва *Волга* вжите в значенні марки автомобіля, тобто в значенні загальної назви. Відношення між словами автомобіль і «*Волга*» (*волга*) – відношення родового і видового поняття, і «*Волга*» в значенні марки автомобіля – загальна назва, яка конотує обмежену кількість ознак. Формант множини в слові «*Волга*» означає невизначену, однорідну множину на рівні мовної норми... Тут власна назва спочатку оказіонально використовується як загальна назва, а потім (за аналогією до інших загальних назв) у неї з'являється множина з адекватним змістом (однорідна, невизначена множина)» [3, с. 104]. Така інтерпретація мовного факту видається сумнівною з ряду міркувань.

По-перше, власні назви у своєму первинному значенні зберігають співвіднесеність з уявленням про одиничний предмет чи особу. Не втрачають вони цього змістового компонента й у разі розвитку чи зміни семантики слова, щоправда, вона в цьому разі затьмарюється іншими

значеннями. Так, у разі перенесення назви гідроніма *Волга* на позначення марки машини «*Волга*» новоутворена назва так само стає власною, що співвідноситься передусім із уявленням про одиничний, унікальний, відмінний від інших об'єкт, наділений певними характеристиками. Тобто в цьому значенні лексема «*Волга*» є репрезентантом граматичного класу *singularia tantum*, так само, як і лексема *Волга* в значенні «річка». По-друге: корелятивні форми однини та множини власних назв цілком можуть утворитися як від власної назви річки – *Волга*, так і від власної назви машини – «*Волга*», пор.: *Побачити Волги, Амури й зрадіти серцем. – Побачити «Волги», «Таврії» й зрадіти серцем.* Однак у першому випадку назовні переносно-характеризуючі форми множини власних назв, а в другому – форми множини, які вжиті в прямому значенні, зумовленому еліптичним використанням власної назви на місці родового поняття. Отже, цілком логічно буде говорити, що розвиток семантики у напрямку витворення форми множини характерний для всіх груп одиничних іменників – власних назв, оскільки в кожному разі форма множини починає свідчити, що в семантичній структурі лексеми відбулася зміна: власна назва почала співвідноситися з поняттям, замість указівки на унікальність об'єкта актуалізованою виявляється поняттєва сема (належність об'єкта до певного угруповання). Відповідно зазнає змін і функція власної назви: вона перетворюється з диференціюючою на генералізуючу [8; 9; 19, с. 79;]. Попередні міркування підтверджуються аналізом наведених вище прикладів, де замість форм множини видових назв можуть бути підставлені родові назви-поняття, пор.: *Побачити рідні річки (Волгу, Дніпро) й зрадіти серцем. – Побачити старі добрі машини («Волгу», «Запорожець») й зрадіти серцем.*

Отже, на рівні іменників – власних назв, які традиційно відносяться до класу *singularia tantum*, у референтному вжитку семантико-граматична асиметрія виявляється: 1) у відсутності в них співвідносної форми множини, що визначає їх статус у парадигмі морфологічної категорії числа як системно-асиметричний; 2) у можливості модифікації їх основного значення іменників, що дозволяє їм утворювати симетричну в цілому для системи морфологічної категорії числа опозицію значень і форм однини / множини. Однак водночас це перетворює модифіковані іменники в асиметричні щодо глибинної семантики власних назв як такої, що може бути співвіднесена лише з одним, унікальним об'єктом.

Запропонований вище аналіз окремих випадків зміни граматичних характеристик іменників-онімів під впливом семантичних процесів становить лише незначну частку ще недостатньо висвітленої в лінгвістичній літературі проблеми симетричного та асиметричного співвідношення семантики і граматики на рівні морфологічних категорій різних частин мови і в тому числі іменника, що розгортає широкі перспективи подальших студій у цьому напрямку.

Література

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Безпояско О.К., Городенська К.Г., Русанівський В.М. Граматика української мови. Морфологія: Підручник. – К., 1993.
3. Болотов В.И. Множественное число имени собственного и апеллятива // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 93–107.
4. Брагина А.А. Синонимы или quasi-синонимы? (Семантика отражения) // Вопр. языкознания. – 1976. – № 1. – С. 62–73.
5. Вихованець І.Р., Городенська К.Г. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови. – К., 2004.
6. Карпенко Ю.О. Теоретичні засади розмежування власних і загальних назв // Мовознавство. – 1975. – № 4(52). – С. 46–51.
7. Карцевский С.О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. II. – М., 1965.
8. Ковалик І.І. Про власні і загальні назви в українській мові // Мовознавство. – 1977. – № 2(62). – С. 11–19.
9. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 251–267.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
11. Матвіяс І.Г. Іменник в українській мові. – К., 1974.
12. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981.
13. Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. – М., 1963.
14. Озерова Н.Г. Лексическая и грамматическая семантика существительного. – К., 1990.
15. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
16. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». – Х., 1990.
17. Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 5 – 34.
18. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М., 1969.
19. Українська мова: Енциклопедія. – К., 2000.

В статье определяется характер соотношения значений числа и форм его выражения на уровне получивших семантическое развитие имен существительных – онимов в терминах симметрии / асимметрии.

Ключевые слова: имя существительное – оним, симметрия / асимметрия, число, формы выражения, имя собственное, имя нарицательное.

У статті визначається характер співвідношення значень числа та форм їх вираження на рівні іменників-онімів, що зазнали семантичного розвитку, в термінах симетрії / асиметрії.

Ключові слова: іменник-онім, симетрія / асиметрія, число, форми вираження, власна назва, загальна назва.

In article is defined nature of the correlation of meanings of the number and the forms of its expression at a rate of received semantic development of the noun – an onyme in terms of the symmetries / asimmetrii.

Key words: noun – an onyme, symmetry / asymmetry, number, the forms of the expression, proper noun, common noun.

Н. И. Неловкина

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ЖЕНСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ
(на материале русского и английского языков)**

Актуальность темы публикации обусловлена вниманием современной гуманитарной науки к одной из ведущих функций рекламы, играющей особую роль в репрезентации социальной реальности. При реализации этой функции непосредственная информация о товарах и услугах представлена в контексте других идей, рассказывающих об устройстве общества и взаимоотношениях в нём людей [1].

Как представляется, наиболее полно информация о социализации продукта выражена в рекламных текстах, содержащих гендерный компонент.

Проблема трактовки женских образов в современном рекламном дискурсе освещена в работах А. Альчук, П. Волошина, И. Грошева, а также Н. Зайцевой.

Предмет исследования – контрастивное сопоставление содержания языковых единиц, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры.

На наш взгляд, в данном случае необходимо дать трактовку понятия «концепт». Автор монографического учебного пособия «Основы лингвистической теории текста и коммуникации» Е.А. Селиванова таким образом интерпретирует это понятие: «Концепт – подкатегория информативности, конденсированное воплощение содержания текста, исходящее из авторского замысла, интерпретируемого адресатом» [2, с. 324].

Национально-культурная специфика концепта как единицы ментальности [3, с. 76] выявляется при сопоставительном изучении концептов в языковом сознании разных народов. Выявление компонентов, составляющих ценностное ядро концепта, возможно при тщательном анализе оценочной семантики лексических единиц [4, с. 21], посредством которых тот или иной концепт репрезентируется в языке.

Объектом исследования в данном случае является лингвокультурологическое своеобразие русской и английской женской печатной рекламы, опубликованной в нескольких популярных английских и русских журналах для женщин (*Космополитен mini, Glamour, Коллекция Караван историй, Луза, Aura*) [5].

При изучении гендерного фактора в языке многими лингвистами - гендерологами (И.И. Халеевой, А.В. Кирилиной, Д.Ч. Малишевской и др.) в качестве одного из ведущих аспектов исследования называется

лингвокультурологический подход, предполагающий изучение мужественности и женственности как базовых культурных концептов. Общественная значимость категории «гендер» оправдывает его применение ко всем языковым явлениям, имеющим отношение к проблемам пола. «Пол и его проявления не просто “регистрируются” языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения наивной картины мира. Поэтому правомерно установить, как происходит фиксация пола в языке: с помощью каких средств, семантических полей, оценок и т.д., также его релевантность для разных языков» [6, с. 5].

Рассматривая феномен человека в языке, ученые пришли к необходимости изучения языковой личности, выделяя ее как индивидуальное или типизируемое образование в динамическом или статическом аспектах [7–9].

Типизация языковой личности может осуществляться с различных позиций: психологии, социологии, лингвистики, культурологии. Лингвокультурное описание языковой личности сочетает в себе достижения других наук в данной области. Лингвокультурный типаж личности составляет совокупность представлений о культурных концептах, то есть лингвокультурный типаж является узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [10, с. 5–25].

Своеобразие текстов журнальной рекламы заключается также и в том, что они являются средой, где отражаются, культивируются, обыгрываются стереотипные представления о национальном характере народа. Сознанию и языку носителя каждой культуры свойственно наличие стереотипов, которые являются своего рода содержательным центром культуры, ярким ее представителем.

В журнальной рекламе, по мнению автора данной публикации, целевой аудиторией которой являются женщины, практически нет ограничений ни по объему текста, ни по форме его изложения. Эмоциональная направленность, стремление к образности и художественности передаются при помощи метафор, сравнений, сложных прилагательных, как в русском, так и в английском языках.

Для анализа были отобраны экземпляры печатной продукции, позиционируемые издателями как работы, на страницах которых поднимаются вопросы красоты, имиджа и прочих составляющих.

Подборка печатных изданий, используемых для анализа в данной статье, была сделана с 1996 по 2007 г. и представлена следующими изданиями: *Космополитен mini*, *Glamour*, *Коллекция Караван историй*, *Aura* [11–14].

Проведенный анализ показал, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда, эмоциональное воздействие. Судя по нашим наблюдениям, при оценке женского лица значимым как в русском, так и в английском языках являются в первую очередь цвет

волос, цвет глаз цвет кожи. В русскоязычной рекламе выявлено достаточное количество лексем, называющих женщину по деталям лица, например:

- глаз: синеглазка, черноглазка; бровей: чернобровка;
- формы лица: круглоличка;
- цвета кожи и волос: смуглянка, белянка, чернушка, златовласка.

В русском языке для обозначения данных характеристик внешности используется вышеперечисленная стилистически окрашенная лексика. Особо следует отметить то, что большая часть приведенных примеров функционирует как безэквивалентная лексика, то есть как лексика, не имеющая аналогов в других языках.

Данное явление носит название лакунарной лексики. В данном случае речь идет о разнообразных способах выразительности, отражающих имиджевые особенности. Как правило, подобные концепты не имеют эквивалентов в другой лингвокультуре. «Будучи национально-специфичными, они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освоения действительности и её моральной оценки. Через их посредство реализуются категории, которыми мыслят носители лингвокультуры, и те рамки, в которые они поставлены для осознания и интерпретации окружающего мира» [15, с. 117].

В английском языке эксплицируется только семантика «цвет волос»: blonde, goldilocks, brunette, redhead.

Актуальными для оценки фигуры являются ее параметрические данные, такие, как «рост», «объем», «пропорциональность» (следует отметить, в английском языковом сознании выделяется также аспект «женские формы», а именно «привлекательная округлость форм»: *curvaceous – (of a woman) having a pleasingly well developed figure, with attractive curves; voluptuous – (of a woman) having a beautiful soft rounded body that excites sexual feeling; также pin-up a glamorous, often voluptuous girl; her voluptuous curves.*

При характеристике одежды в сравниваемых двух языках релевантными для положительной оценки выступают признаки: красота, чистота, аккуратность, новизна, соответствие индивидуальности. В русском и английском языках также оценивается соответствие одежды моде и социальной обстановке. Однако при негативной оценке признак «старомодность» актуален лишь для английского языкового сообщества.

Межнациональная специфика репрезентации концепта «женщина» в англоязычных и русскоязычных рекламных текстах обнаруживается в различных как количественных, так и качественных показателях их лингвистического оформления. Например, для русского языка релевантным является тот факт, что высокую положительную оценку в большинстве случаев имеют внешние атрибуты, составляющие эталон русской красоты в традиционном её понимании: светлые, как

правило, длинные волосы, черные брови, синий или голубой цвет глаз, светлая кожа.

Английское языковое сознание при оценке женской внешности акцентирует преимущественно признак «каузация эмоций у субъекта оценки», и красота определяется не соответствием эталону или стандарту, а индивидуальными предпочтениями. О доминировании личных вкусов при констатации красоты свидетельствует также известная английская поговорка *beauty is in the eyes of beholder*.

Следует отметить, что наиболее часто в указанных печатных изданиях встречаются адаптированные рекламные тексты. То есть тексты, созданные на английском языке для продвижения иностранных брендов.

Из чего следует, что традиция англоязычных рекламных текстов обнаруживает в себе следующие особенности:

1. Преимущественное внимание в рекламных текстах к концептам молодость, красота, внешность:

Face the future with beautiful, perfect skin [14] (Обладая красивой, безупречной кожей, смело встречай будущее).

2. Эмоциональность текста, которая формируется содержанием стилистически окрашенных слов, обладающих определенной стилистической значимостью:

Irresistible! Made from the creamy summer milk Dubliner is a real treat that you can enjoy anytime. Spoil your self! [11] (Неотразимо! Сделанный из летних сливок Dubliner – настоящее удовольствие, которым можно наслаждаться в любое время. Побалуйте себя!).

3. Выраженная диалогичность рекламного текста:

When was the last time you were French kissed? Seduce your lips with endless options of 36 sumptuous shades to capture your every desire... Life is more beautiful with Clarins [12] (реклама губной помады New Rouge Lipstick от фирмы Clarins, Vogue).

4. Императивность текста, большое количество глаголов в повелительном наклонении и доверительное обращение на «ты»; данное речевое поведение отличает определённая назидательность, дидактичность:

*Как выйти замуж по Интернету: 1) **Не торопись**, тщательно все подготовь. 2) **Не делай** поспешных выводов, даже если на первый взгляд кажется, что перед тобой настоящий принц. 3) **Четко сформулируй** для себя, чего конкретно ты хочешь добиться [12];*

4) Carven Paris. Leave your mark on a man [14] (Carven Paris. Оставь свой след на мужчине); 5) Твоя кожа любима. Olay [13].

5. Эмоциогенность рекламных текстов женской рекламы выражающаяся в употреблении слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, связанная с функционированием большого количества описательных прилагательных со значением оценки:

Cle de Peau Beaute. Спокойствие красоты. Чувственность манящих губ. Свежесть росы в изысканном блеске.

Притягательность волнующего взгляда.

A fascinating blend of tropical wetness, zesty freshness and floralcy. Rare, radiant, intriguing... an intoxication of the senses [11] (Пленительное сочетание тропической влаги, пикантной свежести и цветочных ноток. Необычное, излучающее свет, интригующее... упоение чувствами).

6. «Женская» реклама отражает в основном межличностные отношения, прежде всего взаимоотношения мужчины и женщины, а также различные стороны дружбы между женщинами и т.п.:

Carven Paris. Leave your mark on a man [14] (Carven Paris. Оставь свой след на мужчине); Искусство обольщения (Blank Noir. S.T. Dupont) [12].

7. Свойственные для рекламного текста лаконизм, а также энергия и динамичность речи, которые достигаются путем употребления определённо-личных и инфинитивных безличных предложений:

Поддайся искушению 212 sexy. Carolina Herrera [14].

8. Побудительные и вопросительные предложения, которые активизируют внимание реципиента и побуждают его к действию, а восклицательные предложения усиливают энергичность и экспрессию высказывания, представляя уверенность, жизнерадостность, активность:

Приворожи ночь! Night brights by OPI (лаки для ногтей) – побудительное [13];

Ты потрясающе выглядишь! Все прочтут это по твоим губам!

Бальзам для губ Nivea «Нежный уход и сияние» – восклицательное [14].

Что может увеличить объем радости? Удлиняющая тушь для ресниц Maybelline intense XXL volume+ length – вопросительное [12].

Таким образом, следует выделить основные тенденции, которые нашли отражение в рекламных адаптированных текстах:

1) путем вышперечисленных принципов создается образ независимой социально активной женщины, которой свойственны самостоятельное принятие решений, предприимчивость, решительность;

2) реклама как носитель кросскультурных концептов и представлений о них транслирует данные концепты в другой языковой среде;

3) текст женской печатной рекламы на материале русского и английского языков отличается следующими признаками:

- неограниченный объем;
- эмоциональная окраска, наличие экспрессивно-оценочной лексики, которая отражает аксеологическую направленность речи адресанта.

Литература

1. **Маркина М.** Способы репрезентации женского образа в современной рекламе: проблема идентификации // Эл. полнотекстовая «Библиотека Ихтика» // <http://ihtik.lib.ru>. – Уфа, 2006.
2. **Селиванова Е.А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учеб. пособие – К.: Брама, Изд-во Вовчок О.Ю., 2004. – 336 с.
3. **Карасик В.В., Слышкин Г.Г.** Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 75–80.
4. **Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
5. Эл. источник www.ttsybina@logosgroup.ru.
6. **Горошко Е., Кирилина А.В.** Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – № 2 (1/1999).
7. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
8. **Нерознак В.П.** Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. – Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С. 112–116.
9. **Сиротинина О.Б.** Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – С. 51–57.
10. **Карасик В.И., Дмитриева О.А.** Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
11. **Aura.** – 1998. – № 7–8.
12. **Cosmopolitan.** – 2000–2005. – Янв.–авг.
13. **Коллекция** // Караван историй. – 2002–2007. – №1–6 (янв.-июнь).
14. **Glamour.** – 2000. – № 2–5.
15. **Леонтович О.А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.

В статье рассматривается вопрос о лингвокультурологическом своеобразии женской печатной рекламы (на материале русского и английского языков). На примере рекламных текстов автор проводит контрастивное сопоставление содержания языковых единиц, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры. Выделены основные особенности текстов женской печатной рекламы.

Ключевые слова: концепт, национально-культурная специфика, гендерный фактор, женская печатная реклама.

У статті розглядається питання щодо лінгвокультурологічних особливостей жіночої друкованої реклами (на матеріалі російської та англійської мов). На прикладі рекламних текстів автор розглядає контрастивне зіставлення змісту мовних одиниць, які відображують специфічний тип сприйняття навколишнього середовища та традицій національної культури. Також було виділено основні особливості текстів жіночої друкованої реклами.

Ключові слова: концепт, національно-культурна специфіка, гендерний фактор, жіноча друкована реклама.

The question of lingvocultural originality of the printed advertisement for women (on the material of Russian and English languages) is being viewed in the article. Using the examples, the author gives the contrastive comparison of the content of language units, which reflect the specific type of perception of the surrounding reality and the traditions of national

culture. The main peculiarities of the printed texts with the advertisement for women have been picked out.

Key words: concept, national and cultural peculiarities, gender factor, printed advertisement for women.

УДК 371.3

S. V. Ponikarovska

**TO THE PROBLEM OF TEACHING PROFESSIONAL
VOCABULARY AND SPEAKING
IN TECHNICAL HIGHER SCHOOLS**

Language is the main means of acquiring knowledge and education. One of the major sectors of educational process is collecting various sorts of information and its further processing and organizing. It is not an easy task. Several factors can prevent organizing the process of thinking: lack of professional knowledge, not enough concentration, difficulties in generalizing and making conclusions. Nowadays there is one more factor added to the named factors – poor knowledge of foreign languages, especially English, which is, of course, a major instrument of professional communication and obtaining update information today.

There is no strict distinction between teaching language for general use and for professional communication. Teaching language for professional use is only based on students' requirements concerning their future profession. Obtaining and processing information and possibility to communicate on professional themes are interrelated but different stages of teaching foreign language.

Speaking about technical higher schools one of the main components of teaching professional English is accumulation and usage of English vocabulary intended to be used in speaking. Efficiency and success of teaching vocabulary depends on the choice of material in foreign language which is included in the process of teaching. Thus, the special texts and the texts which are considered to be the source of widening terminological vocabulary on specialty are the base material to teach students task-oriented and productive speaking. Reading special literature is, of course, the main means to enrich students' special vocabulary and prepare them to making individual statements. Practice shows that at the initial stage of study, students master terminology of modern popular science texts. Senior students who already have some knowledge on their profession and some base of terminology in their native tongue can process non-adapted texts of scientific style. Such type of reading is necessary for writing abstracts, reports, for students' future professional growth and making their knowledge of specialty more profound.

In this way students obtain certain knowledge and skills to use the obtained information in their activity independently.

Terms and terminological word-combinations are introduced separately and in sentences or in contexts. This helps understand the rules of derivatives' formation and common words, which acquire new, terminological meaning, and guess or understand meanings of this or that word or word-combination.

There are certain psychological peculiarities of the process of forming productive skills of free speaking, the first task of which is storing as many as possible lexical units in students' memory. Information, conceived in the form of verbal signal, is imprinted in the student's memory. This happens on the base of interaction of conscious and extra-mental development of individual's psychical functions. Together with this, memory fixes the data of the moment and situation of information reception, degree of information familiarity to the students, linguistic context of information appearance etc [1, p. 156].

When we use lexical units or terms while speaking we draw them out of our memory. Specific character of speech requires this drawing to happen not just quickly, but instantly, without any control of senses over the results and sequence of search, selection, reading out operations, i.e. automatically. Normal process of speaking assumes that the student has formed the skills of lexical shape of his speech [2, p. 7]. That means that he can automatically draw and combine full copies of words, corresponding to the specific needs and situations of communication.

One more feature of speaking skills is their flexibility or adjustability. When we say that skills are flexible, it means that they help use the known material in the situations which have never occurred in the student's life before. We can maintain that only vocabulary whose imprints in the student's memory are the strongest, can be such active.

The process of imprinting lexical units in the memory should be organized properly to ensure such characteristics of speech. To make imprints stronger, repeated repetition of both lexical units and communication situations must be involved in the process of teaching. Multiple reception of the studied units help fixing them in the memory exactly.

The next condition which helps provide successful retrieving new words from memory when speaking is the organization of forming corresponding «automatisms». These «automatisms» can be developed not only in the result of multiple reproductions, but also through multiple perceptions of foreign words in the context. Repeated perception of words in the content of different texts creates the necessary conditions for mental set to draw out full copies. That is, it promotes creating mechanisms of productive lexical skills [3, p. 241].

The third condition of successful actualization of vocabulary, when generating the students' own statement, is proper organization of activity in the process of which the formation of the skills given above is realized. The following should be provided to succeed: productivity of mastering processes,

enough repetitions, diversity of repetitions, and proper allocation of the studied material in time.

Professional conversation in foreign language presupposes the following abilities: speaking on the text, speaking in connection with the text, speaking without connection with the text. Students are to get acquainted with lexical and grammatical means which help acquire this or that ability. Great attention is paid to structures peculiar to the oral speech – speech etiquette, accesses, repetitions and specifications. Students also learn how to fill the pauses to make their speech more impressive and conceivable.

Concerning speaking on the text actual skill is the ability to wrap the text, that is to abstract it. This ability helps students mark the most essential and the most characteristic information in the text. Speaking in connection with the text is concentrated on improvement of informative side of speaking. Students are to be able to speak sequentially, demonstratively, with good reasoning. Great attention is paid to comparison of phenomena, their similarity and diversity. When building their statement students have to learn how to make conclusions, summaries – they are to use deductive method of thinking, where a new idea is deduced from the previous statements. Such ability is necessarily to be formed as it is obligatory in professional activity. Special attention should be paid to development of cause and effect relations because they help build up skills of making conclusions, giving reasons, proving their own estimations.

The most complex skills are those of speaking without connection with the text because they mean initiative spontaneous speaking. We can figure out several tasks of such speaking: a) to speak on the given topic, b) to give positive or negative estimation of some work, c) to comment critically on the information received, d) to make suggestions on the issues discussed. The last one is the most difficult but it is essential for future specialist and is worth much time and attention. Ability to carry out logical operations contribute to thinking process of students, experience of scientific work, prepares them to individual activity. To develop such types of skills active forms of study are necessary, such as discussions or disputes. Here we need the texts, which are close to oral speaking by linguistic characteristics. The materials, which are taken from conferences or other meetings of specialists, will suit here, because they represent oral speech of specialists which was taken as minutes or recorded.

We can assert that knowledge of specific vocabulary and having certain speech habits are not enough to realize the ultimate objective of teaching speaking on professional topics. To take part in such talks students must be prepared to direct oral interaction through foreign language. This preparation means combination of various types of activities expanding possibilities of using already acquired skills and knowledge in different types of assignments. Practice of teaching shows that professional communication almost never leaves students indifferent, because they like functional approach to study. They are interested in using their knowledge of specialty and

knowledge of foreign language whatever it is. This is a strong motivation of speaking. That is why teachers have to take advantage of various methods to ensure possibilities of students' independent work.

It has been proved that writing is an effective method of teaching speech. Independent composition of written texts with their subsequent discussion adds to the characteristics of oral statements. It should be noted that in this case written texts should be created according to the laws of oral speech. Their estimation is also made in terms of their correspondence to the peculiarities of oral statement. First of all the content of statement is evaluated, and only then its language faults. Thus writing becomes the means of teaching communication, not the means of training the material being studied.

Experimental data show the efficiency of bilingual exercises, especially when the time of teaching is limited. Besides, we can confirm that translating more or less finished fragments of texts into foreign language is also very practicable. The translation should be made as an imitation of interpreting activity, so the objective point is not formation of professional translation skills but improvement of the skills of foreign language speaking interaction. At a certain stage of training even a spontaneous interpretation of texts from native language into foreign one is possible, both abstractive and detailed.

Teaching professional vocabulary and speaking needs constructive methods, hard and diligent preparation, creative approach and serious but not boring atmosphere in class. Neither part of teaching process must be uninterested – this is the guarantee of success.

Literature

1. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение. – 1991. – 220 с. **2. Поляков О.Г.** Профильно-ориентированное обучение английскому языку // Ин. яз. в шк. – 2004. – №2. – С. 6–10. **3. Nunan D.** Language teaching Methodology. Prentice Hall International. – P. 234–244.

Рассматривается возможность комбинаций различных видов упражнений для преодоления трудностей в овладении иноязычной профессиональной лексикой. Анализируются проблемы и предлагаются варианты решений. Подчеркивается заинтересованность сторон обучения как гарантия успеха.

Ключевые слова: контекст, навыки, накопывание, психология, говорение.

Розглядається можливість комбінування різних видів вправ для здолання труднощів оволодіння іншомовною лексикою. Аналізуються проблеми та пропонуються варіанти рішень. Підкреслюється зацікавленість сторін навчання як гарантія успіху.

Ключові слова: контекст, навички, накопичування, психологія, говоріння.

Possibility to combine various types of exercises to fight the difficulties of learning foreign vocabulary. Problems are analyzed and various decisions are proposed. The fact of both parts of the process being interested is underlined as a key to success.

Key words: context, skills, accumulation, psychology, speaking.

Е. А. Сазонова

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ СОНЕТНЫХ ТРАДИЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ «ОЗЁРНОЙ ШКОЛЫ»
(на материале произведений С. Т. Кольриджа)**

Из всех твёрдых стихотворных форм поэзии (сонет, баллада, рондо, газель, танка и мн. др.) сонет – единственная, получившая широкое распространение и свободно применяемая в лирике различных направлений: философской, любовной, описательной и т.д. Первыми крупными мастерами сонета явились итальянские поэты XIII–XIV вв.: Данте и Петрарка. Сонеты Ф. Петрарки в честь Лауры и на смерть Лауры – общепризнанны одной из вершин поэзии Возрождения в мировом масштабе.

Сонет возник в XIII в. в Италии. Расцвет его связан с именами Данте и Ф. Петрарки (XIV в.). Позже его разрабатывали П. Ронсар во Франции (XVI в.), В. Шекспир в Англии (XVII в.); во время господства классицизма сонет находился в забвении; был возрождён во Франции в XIX в. романтиками (в Польше блестящие образцы были созданы А. Мицкевичем); становится излюбленной формой поэзии у «парнасцев» и символистов (А. Ренье, Х.-М. ЭрEDIA). Сонеты писала чилийская поэтесса Габриэлла Мистраль [4, с. 68].

В русской поэзии сонет известен с XVIII века (В. Тредиаковский, А. Сумароков, М. Муравьёв и др.), но особенную популярность этот жанр приобрёл в XIX веке (А. Дельвиг, В. Бенедиктов, А. Григорьев и др.). Блестящие образцы сонетной формы создал А. Пушкин, причём одно из его произведений в этом жанре содержит и краткую историю сонета («Суровый Дант не презирал сонета, В нём жар души Петрарка изливал...»). В XX веке в искусстве сонета проявили себя очень многие известные поэты, среди которых К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Волошин, И. Бунин и др.

Традиция сонета предписывала определённое содержание, требовала строгой внутренней композиции, ограничивала отбор слов и налагала другие запреты [6, с. 364].

Известны изменения сонетной формы, например «хвостатый сонет», с наращением трёхстиший – в семнадцать и даже двадцать строк (например, у Ф. Берни). Особую очень сложную форму, составленную из пятнадцати сонетов, называют *венком сонетов* [4, с. 68].

Для литературной Англии с XVIII века сонет входил в число типичных жанров наряду с одой, элегией, монодией. К жанру сонета обращается и одна из самых ярких и противоречивых фигур в английской поэзии, поэт-романтик, представляющий «озёрную школу» Сэмюэль Тейлор Кольридж (Samuel Taylor Coleridge, 1772–1834). В

1794–1795 гг. он создаёт цикл сонетов, посвященных видным деятелям эпохи: Уильяму Годвину, Тадуешу Костюшко, Ричарду Шеридану [3, с. 363].

Особая эмоциональная атмосфера ранней юношеской поэзии Кольриджа создаётся удивительным умением поэта на какое-то время погрузиться в свой собственный мир, увидеть сложный, причудливый, изменчивый и загадочный облик художника, наделённого тонкой и ранимой душой (например, стихотворение «Pain» («Боль»), 1789). В его работах отражается необыкновенная творческая активность, вместе с тем ощущается своеобразный теоретический поиск поэта. Чётко определяется философская направленность поэзии, смелее и яснее проявляется эксперимент в поэтической структуре.

В произведениях «Сонет к реке Оттер» («Sonnet to the River Otter», 1793) и «Сонет к осенней луне» («Sonnet to the autumnal moon», 1788), которые мы выбрали для последующего анализа, преобладают радостные и одновременно грустные настроения при прощании с детством. Здесь, как и вообще в юношеской лирике Кольриджа, ещё сильно влияние поэтической традиции XVIII в. с её высоким стилем и обилием риторики. Однако обращение к образу луны и к теме надежды и отчаяния уже предвещает будущего Кольриджа.

Остановимся более подробно на характеристике сонета как особой жанровой формы лирики.

«Сонет (итал. sonetto, от прованс. sonet – песенка) – твёрдая стихотворная форма: стихотворение из 14 строк, разделённых на два 4-стишия (*катрена*²) и два 3-стишия (*терцета*³); в катренах повторяются только 2 рифмы, в терцетах – 2 или 3. Расположение рифм допускает много вариантов; наиболее устойчивы два типа: 1) «итальянский» – катрены по схеме *abab abab* или *abba abba*, терцеты по схеме *cdc dcd* или *cde cde*; 2) «французский» – катрены по схеме *abba abba*, терцеты по схеме *ccd eed* или *ccd ede*. Из многочисленных условных правил, разработанных теоретиками сонета, наиболее общепризнанны два: а) «замкнутая» рифмовка катренов *abba* считается совершеннее, чем «открытая» *abab*; б) «замкнутым» катренам должны соответствовать «открытые» терцеты (*cdc dcd* или *ccd ede*), «открытым» катренам – «замкнутые» терцеты (*ccd eed*). Стих сонета – *одинадцатисложник*⁴ в итальянской и испанской поэзии; *александрийский стих*⁵ – во французской; 5-стопный ямб – в английской, 5-стопный и 6-стопный ямб – в немецкой и русской» [4, с. 67].

Остановимся на аспектах лингвистического анализа, выбранного для рассмотрения сонетов Кольриджа – тех сонетов, которые, в первую очередь, демонстрируют своеобразие почерка С. Кольриджа как представителя «озёрной школы».

В соответствии с поставленной задачей лингвистическому анализу в первую очередь должны быть подвергнуты те языковые средства, которые современным языком оцениваются как находящиеся в

пассивном запасе: устаревшие по своему употреблению слова; некоторые специфические контекстуальные лексические значения, уже не актуальные для настоящего момента; архаичные грамматические формы, а в отдельных случаях также произносительные и акцентологические варианты.

Итак, перед нами два сонета, состоящие, как и диктует жанр, из 14 строк, написанные стихотворным размером пятистопный ямб, что наиболее типично английской поэзии.

SONNET

To the Autumnal Moon

Mild Splendour of the various-vested Night!
Mother of wildly-working visions! hail!
I watch thy gliding, while with watery light
Thy weak eye glimmers through a fleecy veil;
And when thou lovest thy pale orb to shroud
Behind the gather'd blackness lost on high;
And when thou dartest from the wind-rent cloud
Thy placid lightning o'er the awaken'd sky.
Ah such is Hope! As changeful and as fair!
Now dimly peering on the wistful sight;
Now hid behind the dragon-wing'd Despair:
But soon emerging in her radiant might
She o'er the sorrow-clouded breast of Care
Sails, like a meteor kindling in its flight [3, c. 9].

SONNET

To the River Otter

Dear native Brook! Wild streamlet of the West!
How many various-fated years have past,
What happy and what mournful hours, since last
I skim'd the smooth thin stone along thy breast,
Numbering its light leaps! yet so deep imprest
Sink the sweet scenes of childhood, that mine eyes
I never shut amid the sunny ray,
But straight with all their tints thy waters rise,
Thy crossing plank, thy marge with willows grey,
And bedded sand that vein'd with various dyes
Gleam'd through thy bright transparence!
On my way,
Visions of Childhood! oft have ye beguile'd
Lone manhood's cares, yet waking fondest sights:
Ah! That once more I were a careless Child! [3, c. 17].

В каждом из сонетов обнаруживаются лексические единицы, стилистически маркированные как *поэтические*. К такой лексике принадлежат следующие: orb – *поэт.* небесное светило; глаз [1, с. 135], amid – *поэт.* в середине [1, с. 75], marge=margin – *поэт.* поле; край; грань [1, с. 22], lone – *поэт.* одинокий [1, с. 811]. Архаические лексические формы: oft – *уст.* неоднократно [1, с. 124], ye – *уст.* ты; the [1, с. 815].

Оба сонета Кольриджа отличаются яркой индивидуальной образностью, находящей выражение прежде всего в таких тропах, как метафора и сравнение. Стремясь воспроизвести в своих произведениях «лица и характеры сверхъестественные или, по крайней мере, романтические», поэт ставил целью, по его собственным словам, необходимость «наделять призраки воображения человекоподобием и убедительностью, чтобы вызвать у читателя ту готовность к временному отказу от недоверия, которая и составляет поэтическую веру» [3, с. 366].

Безусловно, внимания заслуживают и оригинальные авторские *сравнения*: Ah such is Hope! as changeful and as fair; *эпитеты*: the sorrow-clouded breast of Care; awaken'd sky; the various-vested Night; various-fated years; the sweet scenes of childhood.

В придании тексту неповторимой образности участвуют и грамматические элементы, среди которых следует отметить такие, свойственные авторской манере Кольриджа, как пропуск слога ради соблюдения размера или из стилистических соображений (o'er = over); использование архаической местоименной парадигмы 2 лица единственного числа (thy, thou); архаические грамматические формы (gather'd, skim'd, vein'd, gleam'd и др.).

Реформируя поэтическую лексику, т. е. намеренно сближая её с обычной разговорной речью реальной жизни, Кольридж «ломал» привычные поэтические штампы.

Анализируя творчество Кольриджа в целом, нельзя не отметить метрику его стихотворений. На наш взгляд, она многообразна: это четверостишия, пяти- и шестистрочные строфы, белый стих, частая смена слогов в строке, перебои метра и ритма и мн. др. Его произведения раскрываются в сложных символических образах и аллегориях, поэту присуще богатое разнообразие жанров, метров и приёмов звуковой организации стиха.

Читая в очередной раз произведения С. Т. Кольриджа, наглядно доказывается, что в истории английской литературы он сыграл важную роль, во многом определив дальнейший ход её развития.

Литература и примечания

1. **Большой** англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. ред. И.Р. Гальперина. – М.: Сов. энциклопедия, 1972 – 863 с. 2. **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с. 3. **Кольридж С.Т.** Избранное / Сост. А.Н. Горбунов: На англ. яз. – М.: Прогресс, 1981 – 456 с. 4. **Краткая** литературная энциклопедия / Под

ред. А.А. Суркова. – М., 1972. **5. Литература:** Справ. материалы: Кн. для учащихся / С.В. Тураев, Л.И. Тимофеев, К.Д. Вишневский и др. – М, 1989. **6. Словарь** литературоведческих терминов / Под ред. Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева. – М.: Просвещение, 1974 – 510 с. **7. Соловьёва Н.А., Колесников Б.И.** Английская литература. – М., 1989.

¹«**Венок сонетов** – архитектурная форма поэмы, состоящей из 15 сонетов» [2, с. 12].

²«**Катрен** (от франц. quatre – четыре) – четверостишие. Структура катрена позволяет достичь огромного ритмического, синтаксического, интонационного многообразия, слагаясь из двустиший при строгом соблюдении попарного их чередования» [6, с. 123].

³«**Терцет** (от итал. terzetto) – строфа, состоящая из трёх стихов, обычно употребляется в соединении с другим терцетом, связанным с первым системой рифм. Два терцета составляют вторую часть сонета» [2, с. 303].

⁴«**Одиннадцатисложник** – один из распространённых размеров итальянского, польского, русского силлабического стиха. Делился цезурой на два полустишия в пять и шесть слогов. Употреблялся в различных жанрах – лирических, эпических и драматических» [6, с. 252].

⁵«**Александрийский стих** – система двустиший, шестистопный ямб со смежными рифмами. Своё название он получил, по одной версии, от древней поэмы об Александре Македонском, написанной этим размером, по другой версии – от имени школы поэтов в египетской Александрии, в среде которых шестистопный ямб был наиболее популярным метром стиха» [2, с. 15].

Статья посвящена лингвистическому анализу и выявлению особенностей поэтического языка поэта-лейкиста С.Т. Кольриджа (на примере произведений «Сонет к реке Оттер» и «Сонет к осенней луне»).

Ключевые слова: сонет, лингвистический анализ, лексические значения, архаичные грамматические формы, поэтическая лексика.

Стаття присвячена лінгвістичному аналізу та виявленню особливостей поетичної мови поета-лейкіста С.Т. Кольриджа (на прикладі творів «Сонет до ріки Оттер» та «Сонет до осіннього місяця»).

Ключові слова: сонет, лінгвістичний аналіз, лексичні значення, архаїчні граматичні форми, поетична лексика.

The article deals with the linguistic analysis and the revealing of some peculiarities Coleridge's poetic language (the materials from S.T. Coleridge's works «Sonnet to the river Otter» and «Sonnet to the autumnal moon»).

Key words: sonnet, linguistic analysis, lexical meanings, archaic grammatical forms, poetic lexis.

Н. В. Сафронова

ВЛИЯНИЕ ПУШКИНА НА ДУХОВНЫЙ МИР ОГАРЕВА

Пристрастие Огарева к Пушкину сложилось еще в ранней юности. В «Моей исповеди», которая была задумана как своего рода дополнение к «Былому и думам», он вспоминал себя в десятилетнем возрасте, когда в их доме регулярно бывал сын соседа и приятеля его отца Федор Левин. Этот человек, пишет Огарев, «имел на мою жизнь влияние: он каждое воскресенье привозил из пансиона тетради тогдашних запрещенных стихов Пушкина, Рылеева и других и переписывал для себя, а я у него переписывал для себя, и не только я...» [1, т. 2, с. 406–407].

Можно ли не вспомнить, как Герцен рассказывал в «Былом и думам» не просто о том же, но буквально теми же словами. Только вместо Федора Левина там фигурирует учитель Иван Евдокимович Протопопов, который «стал носить мне мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов Пушкина «Ода на свободу», «Кинжал», «Думы» Рылеева, я их переписывал тайком...» [2, т. 8, с. 64]. К этому можно добавить свидетельство Герцена, который позднее писал об Огареве: «Ненапечатанные стихи Пушкина и Рылеева были и ему известны» [3, т. 12, с. 72], а также признание самого Огарева: «Кто во время оно не знал этих стихотворений? Какой юноша, какой отрок их не переписывал?» [1, т. 2, с. 470].

Обратим внимание и на то, что как у Герцена, так и у Огарева имя Пушкина устойчиво соседствует с именем Рылеева, Пушкин воспринимается как певец вольнолюбия в ореоле декабристских устремлений. И такой подход закрепился надолго. Когда в годы учебы в Московском университете образовался кружок Герцена и Огарева, то и для его членов эти имена стояли рядом. Как вспоминал в 1860 г. Н.И. Сазонов, «на собраниях нашего кружка мы декламировали запрещенные стихотворения Рылеева и Пушкина...» [3, т. 14, с. 130].

В сентябре 1837 г. Огарев пишет стихотворение «На смерть поэта», снабженное характерным подзаголовком: «По перечтении Е.О.», т.е. романа «Евгений Онегин». В литературе уже обращало на себя внимание, что в большом ряду стихотворений, вызванных гибелью Пушкина, только оно выдерживает сопоставление с самым прославленным их них – со «Смертью Поэта» Лермонтова.

И действительно, Огарев возвышает свой обвиняющий голос не только против убийцы, который

на воле,

Красив и горд, во цвете лет,

Гуляет весел в сладкой доле.

Он обличает не одних лишь абстрактных «врагов поэта»,

И весь, весь этот черный хор
Клеветников большого света,
В себе носивший заговор
Против спокойствия поэта,
не только тех, кого Лермонтов назвал «жадною толпой стоящих у трона»,
но и самого обладателя этого трона, причем обвиняет его не только в
смерти поэта, но и в тех унижениях, которым он подвергал Пушкина при
жизни:

А тот, чья дерзкая рука
Полмир цепями обвивая,
И не согбенна, и крепка,
Как бы железом облитая,
Свободой дышащую грудь
Не устыдилась своевольно
В мундир лакейский затянуть, -
Он зло, и низостно, и больно
Поэта душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами [1, т. 1, с. 47].

Через несколько лет Огарев писал в стихотворном послании «К
Т. Н. Грановскому»:

Одно пристрастье я с тобою
Питаю к Пушкину...
А, может,
К нему у нас пристрастья нет,
А просто ни один поэт
Души так верно не тревожит [1, т. 1, с. 9182].

Из года в год, с молодости до предсмертного часа Огарев пишет
стихи (первая и вторая части поэмы «Юмор», 1840–1841; «С того
берега», 1858; «Бранной лиры, бранной славы», 1863; «Il giorno di Dante»,
1865; «С утра до ночи», 1869; «Издателю “Свободы” в Сан-Франциско»,
1872), которым предпосланы эпиграфы из произведений Пушкина. Даже
письмо Огарева к Герцену от 26 января 1869 г. имеет эпиграф: «Мороз и
солнце! День чудесный!» [5, с. 508].

В ряде произведений Огарева налицо выразительные
реминисценции из Пушкина и другие следы его учебы у своего великого
предшественника. Они неоднократно привлекали к себе внимание
исследователей, в частности Я.З. Черняка, В.А. Бочкарева,
Н.П. Сысоевой, Л.С. Конкиной, Е.Я. Дмитрука. Поскольку они
представляют собой важную сторону рассматриваемой проблемы, мы не
считаем возможным обойти их вниманием, но попытаемся
охарактеризовать их по возможности кратко, отчасти опираясь на опыт
наших предшественников, отчасти дополняя сделанное ими собственным
материалом.

Как и для Герцена, для Огарева самым любимым, самым близким

пушкинским произведением был «Евгений Онегин». В поэме «Юмор», которая считается самым любимым, самым дорогим Огареву его эпическим произведением ученые усматривали «переосмысление композиции» «Евгения Онегина». Несомненны переключки с Пушкиным в рассуждении об элегии и оде, в ироническом описании образа жизни сытых мещан, известное пушкинское прощание с юностью в заключительных строфах шестой главы повлияло на стихотворение Огарева «Прощанье с краем, откуда я не уезжал».

Есть основание для сопоставлений Онегина с лирическим героем «Юмора», причем беспредметное онегинские отрицание перерастает в ненависть к крепостной действительности. В.А. Бочкарев проводит убедительные параллели между романом Пушкина и другой поэмой Огарева – «Деревня»: «Герой ее Юрий наделен типичной биографией лишнего человека, скитальца. В его характере и взглядах найдутся черты, близко напоминающие Онегина» [6, с. 40].

Близки к пушкинским и лирические отступления в поэме Огарева, в которых перемежаются элегическая и ироническая тональность.

Еще более выразительные отзвуки получил в этой поэме «Медный всадник». Как отмечал еще Б.В. Томашевский, «совершенно по стопам Пушкина шел Огарев в своем «Юморе» [7, т. 2, с. 410]. Пушкиным навеян и образ Петра, и вопросы, обращенные к нему поэтом: «Куда рукою кажет он? Куда сквозь тьму впери́л он очи?», и роль, которую играет гневная и злоецающая Нева, Как и Евгений, герой Огарева дважды оказывается у памятника, а после угрожающих слов, обращенных к Петру, обращается в бегство. Но следуя за Пушкиным, Огарев во многом и полемизирует с ним. Как отметила Н.П. Сысоева, «герой «Юмора» не противопоставляется Фальконетову памятнику, олицетворяющему, в понимании Огарева, прогрессивное государственное начало, а *солидаризируется* с ним, объединяется перед лицом николаевской монархии, воплощающей реакцию и деспотизм» [8, с. 61].

Сам Огарев признавал, что «до сих пор пушкинская форма и пушкинский язык, настроение, мысли и чувства – у нас живы и не заменились новыми формами», и подтверждением истинности этой мысли может служить прежде всего сама поэзия Огарева, в которой то и дело дают себя знать «пушкинские формы», зримые реминисценции и перефразировки из Пушкина. Например, строки в «Юморе»: «Из странствия его Не вышло после ничего» вызывают в памяти пушкинские: «Ничего Не вышло из пера его», а «Отменно быстро и умно» в поэме «Сны» – «Отменно тонко и умно» в «Евгении Онегине».

Стихотворение Огарева «Я помню робкое желанье» строится так же, как «Я помню чудное мгновенье», в нем тоже зафиксированы три момента, три перемены в эволюции чувства и даже слова появляются сходные: «Шли годы» у Пушкина, «Шло время» у Огарева. Здесь не может быть и речи об эпигонстве. Огарев воссоздает *другую* историю *другой* любви. Но пушкинские формулы так глубоко запали в душу

Огарева, что он повторяет их, по нашему убеждению, не сознательно. Уже отмечалось сходство и в стиховых конструкциях: видоизменение онегинской строфы в таких стихотворениях, как «На смерть поэта», «Предисловие к “Колоколу”», «До свидания», «Т. Н. Грановскому».

В издании, подготовленном Анненковым, Огарев прочитал впервые напечатанное стихотворение Пушкина «Стансы» («Нет, я не льстец, когда царю...»). Издатель видел в нем патриотическое продолжение «Стансов» 1826 г. («В надежде славы и добра...»). Огарев же расценил это стихотворение и, в частности, его последние строфы, выражавшие либеральную программу, надежды на ограничение самодержавной власти, развитие просвещения и утверждение гражданской миссии литературы, чуть ли не как нравственное падение.

Для революционных деятелей 1850–1860-х гг. эта программа была уже недостаточной, потому неприемлемой. Вспомним, что и Герцен в «Былом и думах» причислял это стихотворение к тем, которые вызвали «негодование», которое «не пощадило Пушкина» [2, т. 11, с. 329]. У Огарева это негодование вылилось в такие строки, обращенные к Анненкову:

Мой друг, я стансы прочитал,
Но все же с ними не согласен,
Их тайный смысл не только мал,
Но даже гадок и опасен.

Как ни отличен стих и слог,
Как ни прекрасны выраженья, -
Я все же их прочесть не мог
Без глубочайшего презренья.

Да будет проклят тот певец,
Кому страдания не чужды, -
А он становится подлец
Без поощренья и без нужды.

О! не хвали печальных строк,
Не называй их заблужденьем,
И перед нравственным паденьем
Останься холоден и строг [11, с. 272–273].

Отдавая должное исследователям Огарева, которые собрали значительный материал, характеризующий место Пушкина в жизни и творческом мире Огарева, нельзя не отметить, что остается недостаточно исследованной огаревская концепция Пушкина, которая с наибольшей полнотой воплощена в его предисловии к сборнику «Русская потаенная литература».

Огарев ведет в ней страстную полемику с теорией «искусства для искусства», доказывая, что она «могла явиться только в эпоху общественного падения», что не может существовать «действительное

искусство, отрешенное от общественных вопросов» [1, т. 2, с. 440, 441].

Далее Огарев переходит к одной из определяющих особенностей пушкинского творчества – его народности. Не будем забывать, что народность не является таким органическим свойством искусства, как, скажем, образность, принадлежность к жанру и некоторые другие. Как ни методично расписаны элементы литературы в «Поэтическом искусстве» Буало, никаких упоминаний о народности мы там не найдем. И это естественно, потому что классицизм ориентировался на античность как на вечный, вневременной и вненациональный образец.

Не зря Огарев считает необходимым напомнить, что вопрос о народности – это вопрос, «недавно возникший в литературе». Действительно, концепция народности складывается у предромантиков, получает разностороннее обоснование в эстетике Гердера и окончательно оформляется в стройную теорию деятелями немецкого романтизма. Определяющим признаком народности становится ориентация на неповторимость каждой национальной литературы, усвоение ею собственного фольклора, воплощающего «дух нации».

Для романтиков, в том числе русских, для декабристов, Вяземского, Сомова, молодого Пушкина народность означала прежде всего национальность, национальное своеобразие, установку на изображение своих национальных характеров, воспевание своей природы, усвоение своих фольклорных образцов. Пушкин писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [12, с. 40]. Воплощение их в литературе и означало то, что Пушкин «разумет под словом народность».

Статья Огарева создавалась в другую эпоху, когда сложилось и получало все большее распространение другое понимание народности, сердцевиной которого был демократизм, установка на широкую читательскую аудиторию. Пусть еще не наступило время, о котором мечтал Некрасов, когда «мужик не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет», но как мечта, как цель оно уже существовало.

Следует отдать должное историзму мышления Огарева, который не позволял себе судить о народности «на том основании, читает или не читает поэта простой народ», потому что «простой народ не имеет доступа к образованию», «его время поглощено повседневным трудом», а «богатые сословия преднамеренно не допускают его до образования». В результате «Пушкин так же мало имеет читателей в нашем простонародии, как и Кольцов; видно, час народа не пробил. Но если судить о народности поэта по складу ума и речи, то нельзя не признать Кольцова народным поэтом – в смысле простонародного, и нельзя не сознаться что Пушкин был и народным поэтом» [1, т. 2, с. 462].

Естественно, Огарев не мог оставить без внимания то воздействие, которое оказало на Пушкина движение декабристов. С лицейских лет он воспитывался «под влиянием усиливающейся ненависти к власти, потребности свободы и преобразований, под влиянием создающегося политического общества... Оно слышится в любви к вольному племени в «Кавказском пленнике», в жажде воли, дышащей в «Цыганах» [1, т. 2, с. 465]. В обеих поэмах Огарев ощущал воздействие Байрона, считая, однако, что байроновские идеалы у Пушкина не удались, «и живыми остались только внутренняя, затаенная, но всегда чувствуемая вражда с правительственной жизнью и потребность освобождения» [1, т. 2, с. 466]. Переломным в глазах Огарева, как и Герцена, явилось создание «Евгения Онегина», где поэт «совершенно отделяется от байроновского идеала» и «совершенно становится на русскую почву».

Как известно, в декабристском движении всегда давали себя знать два направления, две тенденции, две стратегии. Одна, радикальная, жаждала революции, свержения самодержавия вооруженной рукой и даже физического истребления императорской фамилии. Другая, умеренная, стремилась к ограничению монархического режима, введению конституции, уничтожению всевластия цензуры и других либеральных реформ. Пушкин был близок и с теми, и с другими и отдал дань обеим тенденциям.

Казалось бы, Огарев мог увидеть здесь проявление того пушкинского качества, о котором он уже писал, его «всеобъемлющей впечатлительности», которая «включала всякое содержание и искала многообразные формы». Но этого не произошло. Внешне сдержанной, но по существу жесткой и даже в чем-то язвительной критике Огарев подверг одно из программных «декабристских стихотворений Пушкина – его оду «Вольность».

Ее разбор начинается словами, которые звучат резким диссонансом со всем, что было сказано в статье до сих пор: «Если, перелистывая лирические политические стихотворения Пушкина, мы останемся холодны, читая «оду на свободу», это именно потому, что в ней, из настроения и направления, Пушкин перешел в какую-то нетвердым почерком составленную запись конституционного положения. Эта ода, вероятно, навеяна случайным разговором о необходимости конституции – мысль, которая часто мелькала перед глазами тайного общества, не знавшего, куда вынесет сила событий, придется ли обойтись вовсе без царя, или воспользоваться удобным случаем вынудить конституцию» [1, т. 2, с. 467].

Как известно, «одой на свободу» в то время называли оду «Вольность». Это стихотворение Пушкина не раз становилось предметом внимания исследователей, но, на наш взгляд, непревзойденным остается анализ политической доктрины «Вольности», данный Б.В. Томашевским в его монографии «Пушкин». Напомнив, что при окончательной доработке Пушкин дополнил стихотворение строфой, обращенной к

царям, в которой, в частности, говорилось:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой –

ученый продолжает: «Эти заключительные строки звучат как очень умеренное изложение политических целей: вольность народов объявляется не только совместимой с тронами, но даже их опорой. Закон в этих стихах приобретает характер закона конституционного, ограничивающего власть царя. Изложенная здесь программа кажется совсем не радикальной, хотя и соответствующей настроением петербургских декабристов, в те годы не мечтавших о чем-либо сверх монархической конституции» [7, т. 1. с. 170]. При этом он напомнил, что строки:

А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы! –

не должны пониматься как к призыв к восстанию, что нередко делается, особенно в учебной и популярной литературе, ибо в ином случае они вступили бы в вопиющее противоречие с остальной частью оды.

Огарев понял пушкинскую мысль правильнее, чем многие наши современники, которые в стремлении возвеличить Пушкина всячески преувеличивали его революционность. Никакого призыва к восстанию он в оде «Вольность» не нашел, и именно это привело его к неудовлетворенности этим произведением. Прочитав те же заключительные стихи, которые приведены и у Томашевского, он находит, что это «воззвание, так холодно кончающее стихотворение... так же мало представляло ясного смысла в практике, как и в самом стихотворении. Где был этот надежный закон?.. Закон, никогда не исходивший из народной жизни, создаваемый из видов правительственных удобств, а не ради удовлетворения народных потребностей, не мог представлять никакого ручательства за вольность и покой народа, и, конечно, из-за этого закона нечего было становиться стражею у трона» [1, т. 2, с. 467–468].

По мнению Огарева, вопрос о конституции «падал сам собой», «являлся у декабристов Северного общества только мимоходом», а у декабристов Южного общества «даже вовсе не ставился». Нет необходимости углубляться в эту часть статьи Огарева, в большей степени характеризующую его политические позиции, чем отношение к Пушкину. Отметим только, что неудовлетворенность политической доктриной, отраженной в оде «Вольность», и привела к тому, что Огарев недопонял и недооценил это стихотворение.

Он писал, что «самая неясность конституционной мысли у декабристов и у самого Пушкина носила в себе немощь впечатления, вызвавшего оду на свободу; как бы то ни было, мы остаемся холодны при ее чтении» [1, т. 2, с. 470]. Возвращаясь к анализу «Вольности»,

проведенному Томашевским, напомним важный вывод исследователя: «Эта умеренная программа не снимает с пушкинской оды окраски революционности» [7, т. 1, с. 170].

Огарев эту революционность не увидел, но при этом проявил достаточную объективность, чтобы подтвердить то «огромное влияние», которое оказала «Вольность» на современников: «Мы лично были свидетелями этого влияния, оно доказывается и самой ссылкой Пушкина, которая, по времени, совпадает с первым распространением рукописи. Публика забыла конституционную неясность в стихотворении и рукоплескала «грозе царей» [1, т. 2, с. 470]. Это свидетельство Огарева выразительно подтверждается тем контекстом, в котором «ода на свободу» неоднократно упоминается у Герцена.

Сам Огарев склонен отдать преимущество другим стихотворениям Пушкина – «Деревне», «выстраданной из действительной жизни до художественности формы», «Посланию к Чаадаеву», где так звучно сказалась юная вера в будущую свободу», но он сохраняет достаточную меру объективности, чтобы признать, что «впечатление, произведенное одой, было не менее сильно» [1, т. 2, с. 470].

О творчестве Пушкина в последнее десятилетие жизни Огарев говорит лишь несколько слов, видимо ориентируясь на тот отбор его стихов, который был проведен для сборника, к которому писалось предисловие. Это было, по его мнению, время ухода Пушкина «из целости гражданского направления в исключительную художественность», когда «гениальная впечатлительность становится его слабостью» и он, наряду с «Посланием в Сибирь», пишет стансы «Нет, я не льстец, когда царю...», а «в 1831 году он дошел до оды “Клеветникам России”» [1, т. 2, с. 479]. Сходство этого взгляда на Пушкина с герценовским, кажется, вполне очевидно.

Литература

1. **Огарев Н.П.** Избранные произведения: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1956.
2. **Герцен А.И.** Собр. соч.: В 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1956.
3. **Герцен А.И.** Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. – Пг.: ГИЗ, 1919–1925.
4. **Пассек Т.П.** Из дальних лет // Полярная звезда. – 1881. – № 1.
5. **Литературное наследство.** – Т. 39–40. – М.: Изд-во АН СССР, 1941.
6. **Бочкарев В.А.** Н.П. Огарев и его предшественники // Учен. зап. Куйбышев. пед. и учит. ин-та, 1942. – Вып. 6. – С. 28–64.
7. **Томашевский Б.В.** Пушкин. – Кн. 1–2. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 1961.
8. **Сысоева Н.П.** Тема «Медного всадника» и Петербурга в поэме Н.П. Огарева «Юмор» // Страницы русской литературы середины XIX века. – Л., 1974. – С. 55–69.
9. **Из переписки** недавних деятелей // Русская мысль. – 1889. – № 11.
10. **П.В. Анненков** и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885. – Т. 1. – СПб., 1892.
11. **Огарев Н.П.** Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1956.

12. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – Т. 11. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

В статье освещается место Пушкина в жизни и творчестве Огарева, систематизируются факты влияния великого поэта на своего наследника. Особое внимание уделено анализу выдающегося произведения Огарева-критика – его предисловию к сборнику «Русская потаенная литература». Показана связь и взаимовлияние в отношении к Пушкину Огарева и Герцена.

Ключевые слова: реминисценция, народность, пушкинские формы, концепция.

У статті висвітлюється місце Пушкіна у житті та творчості Огарєва, систематизуються факти впливу великого поета на свого спадкоємця. Особливу увагу приділено аналізу найзначнішого твору Огарєва-критика – його передмові до збірника «Русская потаенная література». Показано зв'язок та взаємовплив у відношенні до Пушкіна Огарєва і Герцена.

Ключові слова: ремінісценція, народність, пушкінські форми, концепція.

There in the article reflects the place of the Pushkin in Ogarev's life and activity, the facts about the great poet's influence on his inceptor are ordered. The most of attention payed the analysis of the most important work of Ogarev-critic that is his forward to the collection «Russian sacramental literature». The connection and interaction in the Ogarev and gertzen's attitude to Pushkin is showed.

Key words: borrowing, nationality, pushkin's forms, conception.

УДК 372.881.111.1:373.5.03

В. Є. Сергєєва

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКИХ ЦІННОСТЕЙ У ПІДЛІТКІВ НА УРОКАХ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

Сучасна українська школа розвивається відповідно до світових освітніх тенденцій на принципах демократії, гуманізації й гуманітаризації. За роки державної незалежності відбулась поступова заміна єдиної, унітарної, політехнічної школи з установкою на середнього учня багатоманітною, варіативною, різнорівневою школою з новою педагогічною парадигмою: учень перестав розглядатися як об'єкт впливу вчителя й набув статусу рівноправного суб'єкта навчально-виховного процесу.

Перехід до 12-річного навчання в школі передбачає якісну зміну позиції й ролі іноземних мов у її освітньому й виховному просторі: «Навчання іноземних мов слід розглядати як процес особистісного розвитку людини в контексті діалогу культур. Знання іноземних мов – важлива передумова особистих, культурних, професійних контактів молодій людині, запорука її успішності в житті. Саме оволодіння

іноземними мовами допоможе їй усебічно реалізуватися, виробити широке планетарне мислення, відчутти себе не тільки патріотом, а й громадянином світу» [12, с. 12].

Метою навчання іноземної мови в рамках базового курсу є оволодіння учнями основами іншомовного спілкування, у процесі якого відбувається виховання, розвиток і освіта особистості школяра. Іншими словами, сучасна мета навчання іноземної мови – підготувати учнів до реальної **міжкультурної комунікації**. Цей термін чітко трактується в сучасній методичній науці, ним позначається адекватне взаєморозуміння двох учасників комунікативного акту, які належать до різних культур. У самому розумінні міжкультурної комунікації закладено рівноправну взаємодію представників різних спільнот з урахуванням їхньої самотності й своєрідності, що призводить до необхідності виявлення загальнолюдського на підставі порівняння досліджуваної (іноземної) і власної (рідної) культур. Саме така постановка мети навчання відповідає потребам, які висувуються до іноземних мов на сучасному етапі розвитку суспільства.

Якщо раніше основною метою навчання були мовна та мовленнєва компетенції, то сьогодні вимагає від освіти формування не лише інтелектуально освіченої людини. Світу потрібна людина вільна, розвинута й освічена, яка мала б достатньо знань, що складають цілісну картину світу, володіла навичками й уміннями для здійснення різних видів діяльності (навчальної, трудової, морально), а також мала загальнолюдські цінності й орієнтації, досвід творчої діяльності, уміння користуватися новими технологіями, була б готова до міжособистісного й міжкультурного спілкування й співробітництва й усередині своєї країни, і на міжнародному рівні, прагнула б уникати й долати конфлікти.

Аналізуючи особливості комунікативно орієнтованого навчання, як його тлумачать розробники, слід підкреслити, що значна кількість положень зосереджена на учневі, зумовлюючи виховання, формування та розвиток його як особистості на засадах загальнолюдських цінностей.

Слід відзначити, що в сучасних педагогів-методистів простежується кардинальна зміна погляду на взаємодію рідної й іноземної мов у процесі їх вивчення, на оцінку значення цієї взаємодії у формуванні й вихованні особистості підлітка.

Успішне оволодіння іноземною культурою неможливе без урахування особливостей рідної культури (передусім норм, національних цінностей, правил поведінки й т. ін.). Іноземна культура може бути зрозуміла й прийнята тими, хто її вивчає, лише при зіставленні з рідною, з тими знаннями й досвідом, якими учні вже оперують.

Шляхи засвоєння рідної й іноземної мови є протилежними. «Якщо розвиток рідної мови починається з вільного, спонтанного користування мовленням і завершується усвідомленням мовленнєвих форм і оволодінням ними, то розвиток іноземної мови починається з усвідомлення мови й довільного володіння нею й завершується вільним,

спонтанним мовленням» [5, с. 226]. Можна твердити, що аналогічним є й шлях оволодіння духовними цінностями, які містяться в мовній матерії.

Вивчення іноземної мови будується на базі сформованих значень у рідній мові. Таким чином, іноземне слово, яке засвоюється дитиною, стосується предмета не прямо, а опосередковано. Словесне значення, у результаті вираження двома мовами, відривається від свого безпосереднього зв'язку зі звуковою формою й набуває відносною самостійності, тобто усвідомлюється як таке. Засвоєння іноземної мови дозволяє оволодівати найвищими формами рідної, однак вплив двомовності має й більш глибокі наслідки. Як зауважував Л. Виготський, «не лише інтелектуальний розвиток дитини, але й формування її характеру, волі й особистості в цілому перебуває в безпосередній залежності від мовлення» [6, с. 336–337].

З точки зору філософії, психології, лінгвістики, мова – це система знаків будь-якої фізичної природи, створених людиною в процесі культурно-історичного розвитку з метою оволодіння зовнішнім і внутрішнім світом, перетворення його на свідомій основі й забезпечення соціального спілкування. Мова – форма існування й вираження суспільної й індивідуальної свідомості, яка закріпилася на психофізіологічному рівні як друга сигнальна система людини (І. Павлов). У мові акумулюється й координується інформація про минуле, сучасне й майбутнє людства.

Мова є найвищим досягненням людської культури, без якого неможливим було б виділення людей із природного континууму та їх прогресивний розвиток в історичному просторі й часі. Глибокий взаємозв'язок мови й культури дозволяє твердити, що «культура є мовою, яка об'єднує людство» [2, с. 89], а мова – це «зовнішній прояв духу народів: мова народу є його духом, і дух народу є його мовою, і важко уявити собі щось більш тотожне» [7, с. 68].

У сучасній соціокультурній ситуації спостерігаються активні взаємоспрямовані рухи: від рідної мови – до іноземної, і навпаки. Причому перша тенденція є поки більш стійкою й змістовною, наповненою як прагматичним, так і чисто гуманітарним смислом: нове покоління вибирає не стільки пепсі, скільки англійську – мову Інтернету, міжнародного бізнесу, світової політики, музики, сучасних технологій [11, с. 4]. Знання іноземної мови дозволяє не лише прилучитися до чужого способу життя, культурних цінностей, але й досягти просування професійними сходами, здобути позитивний імідж «людини освіченої».

Іноземна мова сприяє культурному самовизначенню особистості, яке проявляється з її входженням в соціокультурний простір, що розширюється: від сім'ї, школи, міста, регіону, країни до всього світу. Чим більшим є досвід міжкультурного спілкування й ширшим соціокультурний простір, у якому визначає своє місце людина (Я – учень, Я – українець, Я – громадянин світу), тим краще вона усвідомлює свою роль, місце значення й відповідальність у глобальних

загальнолюдських процесах. Під культурним самовизначенням розуміємо прийняття індивідом певних рис групових утворень, які проявляють себе в конкретній ситуації й тим самим відносять його до їх представників, а також усвідомлення особистістю свого місця в спектрі культур і діяльність, спрямовану на зарахування себе до того чи іншого групового утворення [17].

Браун (1994) і Літлвуд (1984) писали: «Мова – це культура; це душа країни й народу, який говорить нею. Мова, що вивчається, має неймовірну силу – проникаючи в людину, керує нею. Автоматично відбувається злиття людина – мова – культура» (переклад автора. – В. С.) [19, с. 20].

Будь-які знання й досвід, набуті за допомогою іноземної мови, сприйматимуться лише через призму знань, сформованих у процесі оволодіння рідною культурою. Знання іноземної мови тією мірою є таким, якою воно здатне задовольнити потреби людини. За словами В. Сухомлинського, «знати – це означає застосовувати свої знання. Про знання можна говорити лише тоді, коли вони стають чинником духовного життя, захоплюють думки, пробуджують інтерес» [16, с. 38–39].

Задовольняючи потреби підлітка, знання іноземної мови повинне перейти у форму досвіду. У свою чергу, знання стає досвідом тоді, коли воно поєднується із засобами практичної діяльності й поведінки. Набуваючи при цьому й знакового вираження, воно здатне змінювати свідомість людини, бути стимулом її дійсного духовного розвитку. У процесі розуміння завжди виникає ситуація «особистісного залучення», яка вимагає від суб'єкта особливої «інтелектуальної самовіддачі», її результатом стає «особистісне знання» (М. Полані).

Основою такого навчання є культура як спосіб життя з духовними цінностями, пріоритетами, звичаями, віруваннями носіїв мови, яка вивчається. Культура складається з ідей, духовних цінностей, звичаїв і мистецтва, які розподілені в певному суспільстві. Культура – також певне суспільство чи цивілізація, особливо та, яка сприймається у зв'язку з її ідеями, мистецтвом і способом життя [18].

Унаслідок міжкультурного спілкування паралельно відбувається навчання й іноземній мові, і культурі країни, мови якої вивчається, яке своєю кінцевою метою має створення в учнів нової культурної свідомості – здатність під час контактів з іншою культурою зрозуміти інший спосіб життя, інші цінності; по-іншому підійти до своїх цінностей і відмовитись від наявних стереотипів і упереджень, що дозволяє жити в гармонії із загальнолюдською й національною культурою.

Важливо відзначити, що процес оволодіння іноземною культурою, тобто навчання міжкультурній комунікації починається з вивчення іноземної мови. Пізнаючи нову мовну форму, учень відкриває для себе ту частину культури, соціокультурну одиницю, яка лежить за нею, через іноземну мову ним пізнається культура народу, носія мови. Іноземна

культура постає у вигляді мозаїки, яка доповнюється новими елементами. Учень сприймає її не як відображену в мові, а як створювану мовою. Процес вивчення іноземної культури за допомогою іноземної мови йде від окремого – мовних структур – до загального – пізнання й розуміння культури [3].

Відзначимо, що учні, які вирости в одній національній культурі, вивчаючи іноземну мову, спочатку знайомляться, а потім засвоюють суттєві факти, норми й цінності іншої національної культури, збагачуючи вже наявні (сформовані в процесі онтогенезу) морально-етичні цінності. При цьому здійснюється процес «акультурації» (термін Є. Верещагіна, В. Костомарова), тобто злиття, «складання» рідної культури з культурою країни, мова якої вивчається.

Під час вивчення іноземної мови проходить три етапи акультурації:

1) закріплення наявних позитивних відомостей про країну мови, що вивчається, про її традиції, самих носіїв мови, їхні цінності, ідеали, норми й правила поведінки; 2) запас знань суттєво збільшується; 3) усуваються упереджені, неадекватні знання – «стереотипи свідомості» [4, с. 150].

Таким чином, у процесі вивчення іноземної мови відбувається формування позитивного ставлення до мови й духовних цінностей, норм, ідеалів, закріплених у ній, тобто, учні оволодівають не лише прагматичними знаннями, навичками й уміннями, а відбувається всебічний розвиток і освіта особистості, які формують у підлітків цінності, притаманні людям будь-якої національності, культури й релігії.

Ця переорієнтація освіти під час засвоєння іноземної мови зі «знання центричного на культуру відповідне» (Ю. Пасов) зробить людину не лише освіченою, навчить не «шаблонним» думкам, а навчить думати; навчить не готовим знанням і їх застосуванню, а креативності й свободі [13].

Сфера іншомовного спілкування утворює специфічну галузь загальнолюдської ідентифікації, у якій зливаються людство в цілому й загальнолюдське в кожному конкретному його представникові. «Імовірно, історичне й особисте «дорослішання» людини виражається в динамічному процесі розширення її ідентичності до масштабів людства й одночасно поглиблення її до все більш повного прийняття своєї унікальної індивідуальності. Усе більш актуальними стають загальнолюдські цінності, усе більш вираженими – індивідуальні особливості. І одночасно розмикаються, знецінюються, стають неактуальними й ніби прозорими межі раси, нації, темпераменту, навіть статі й віку. Через ідентифікацію з людством людина приходиться до справжнього усвідомлення своєї індивідуальності, і, навпаки, прилучення до загальнолюдських цінностей можливе лише через повне вираження своєї самобутності. Замикання людиною на спільностях середнього рівня (расова, національна, класова та ін.) призводить до

зупинки її розвитку, обмежує можливості прояву її індивідуальності» [15, с. 30–31].

У багатоманітну соціокультурну практику мова ніколи не входить у своїй чисто лінгвістичній визначеності. Стаючи об'єктом чи засобом узагальнення й спілкування, мова перетворюється на ідеологічний, етичний та естетичний чинник величезної сили. Мова перебуває в постійному, напруженому внутрішньому й зовнішньому діалозі, – вважав М. Бахтін. «Адже всяке конкретне слово (висловлювання) знаходить свій предмет, на яке воно спрямоване, завжди, так би мовити, уже обговореним, запереченим, оціненим, закутаним серпанком, який його затемнює, чи, навпаки, світлом уже сказаних чужих слів про нього. Він облутаний і пронизаний спільними думками, точками зору, чужими оцінками, акцентами. Спрямоване на свій предмет слово входить у це діалогічно схвильоване й напружене середовище чужих слів, оцінок і акцентів, вплітається в їх складні взаємини, зливається з одними, відштовхується від інших, пересікається з третіми...» [1, с. 89–90].

Мовленнева діяльність є одночасно спілкуванням і узагальненням. «Таким чином, вищі притаманні людині форми людського спілкування можливі лише завдяки тому, що людина за допомогою мислення узагальнено відображає дійсність» [6, с. 51].

Говорячи про мовленнєву діяльність як єдність спілкування й узагальнення, можна представити цю єдність як одночасне існування в мовленнєвій діяльності кількох функцій мови. О. Леонтьєв пропонує розуміти під функціями мови лише ті функціональні характеристики мовленнєвої діяльності, які проявляються в будь-якій мовленнєвій ситуації й не мають у мові відповідних закріплених за ними елементів.

Ми вважаємо правомірним виділення катарсичної функції мови. У ній акумулюються потенціали багатьох інших функцій, забезпечуючи водночас її особливий смисл, який не збігається у вигляді простої суми всіх попередніх. Катарсис у мові реалізується через синтез розуміння, оцінки й ставлення людини до об'єктів, явищ і процесів навколишнього світу, виражених в адекватній знаковій формі. Саме через переживання мовного катарсису людина стає повноцінною «мовною особистістю». Під «мовною особистістю» мається на увазі особистість, виражена в мові, яка відображає через мову картину світу й визначає процеси сприйняття й розуміння.

Можна сказати, що справжня «мовна особистість» – це «Номо katharsikus», тобто людина, яка має потребу й здатність зазнавати духовної насолоди від досконалості «мовної картини світу», від збігу в ній предмета і знака, від точності вираження особистого погляду й оцінки явищ, нарешті, від соціального визнання успішності цієї діяльності.

Отже, мовний катарсис – це складний духовний стан особистості, пов'язаний з переживанням задоволення від високої якості знакового освоєння соціоприродного середовища й внутрішнього світу людини,

здійснюваного відповідно до критеріїв адекватності й повноти, новизни й оригінальності, вишуканості й простоти.

Сутність мовного катарсису двоїста: з одного боку, він є складовою частиною національного образу світу, забезпечує процеси національної ідентифікації, активізує почуття патріотизму й національної гордості. З іншого боку, мовний катарсис може бути ціннісною основою для практичного формування указаних вище сторін і якостей особистості. Мовний катарсис є загальнолюдською духовною цінністю й тому самоцінний для індивіда. Він необхідний для глибокого духовного самовдосконалення особистості. Згідно з формулою В. фон Гумбольдта, досконала мова – стимул досконалого життя. «Мова – одне з тих явищ, яке стимулює людську духовну силу до постійної діяльності. Інакше кажучи, у цьому випадку можна говорити про прагнення втілити ідею досконалої мови в життя» [7, с. 52].

Кожній мовній системі, яка є «семантичним Всесвітом», притаманні свої оригінальні способи й засоби не лише пізнання й представлення світу, але й вираження катарсису. О. Потебня вказував, порівнюючи мову із зором, що як найменші зміни в будові ока впливають на світоспоглядання людини, так і кожна дрібниця в устрої мови дає нові комбінації елементів думки. Заміна багатьох мов однією, «загальнолюдською», призведе до розумового збіднення людини, до зниження рівня думки. Логічно твердити, що при цьому відбудеться й зниження духовного рівня людей. Справа в тому, що «пізнаване діє на нас естетично й морально. Мова є разом шлях усвідомлення естетичних і моральних ідеалів, і в цьому відношенні відмінність мов не менш важлива, ніж відносно пізнання» [14, с. 259].

Спираючись на думку О. Потебні, ми можемо припустити, що кожній мовній системі притаманна своя катарсична культура, не схожа на культуру інших мов. Багатоманітність мов і багатоманітність катарсисів взаємно пов'язані й обумовлені. Катарсис у мові є національним так само, як національним є образ світу, створюваний на його основі.

Пізнання чужих мов забезпечує передумови для досягнення й властивого їм духовного катарсису. За нашою гіпотезою, глибина й повнота освоєння іноземних мов може визначатись за здатністю особистості переживати в їх контексті катарсичні духовні стани.

Навчання іноземній мові рівнозначне (рівносильне) засвоєнню не лише нового образу мислення, але й нового виду катарсису. Це відповідає ідеї формування загальнолюдських цінностей на основі збагачення змісту й розширення видів катарсичної діяльності.

Питання практичного застосування катарсичної діяльності й мовного катарсису для формування загальнолюдських цінностей у підлітків у процесі вивчення іноземної мови буде детально розглянуто надалі.

Слід підкреслити, що величезний потенціал має іноземна мова під час використання її як комплексного засобу розвитку, виховання й формування особистості підлітка. Функції іноземної мови – практична, загальноосвітня, виховна, морально-етична – повинні бути тісно переплетені й взаємопов'язані. Це дозволить саме на уроках іноземної мови ефективно формувати загальнолюдські цінності, однак досягти цього можна лише за наявності в дітей усвідомленої мотивації, тобто спонукання до діяльності, пов'язаної із задоволенням потреб підлітків. Якщо діяльність не має сенсу для особистості дитини, тобто є і для свідомості, і для переживань учнів нейтральною, то й сама діяльність не матиме ніякого впливу на розвиток самого підлітка.

Межі нашого дослідження не дозволяють уповні подати здійснений аналіз методичної літератури з проблеми реалізації виховних цілей на уроках іноземної мови, однак ми повинні відзначити важливість отриманої інформації для нашої практичної роботи.

Як свідчить ретроспективний аналіз, починаючи з 60–70-х років, питання практичного володіння іноземною мовою мало першорядну важливість, а необхідність взаємодії загальноосвітніх і виховних функцій іноземної мови викликала палкі суперечки. Більшість педагогів висловлювались на користь «говоріння заради говоріння», тобто виховна роль іноземної мови ними майже цілком ігнорувалась. У процесі нашого дослідження було встановлено, що формування ціннісних орієнтирів, загальнолюдських цінностей, виховання почуттів гуманізму, патріотизму й т.ін. є винятково прерогативою предметів гуманітарного циклу шкільної програми (історія, література, людина і суспільство та ін.).

Сучасній школі часто докоряють у тому, що виховання в ній «хворіє» на словесність, маючи на увазі передусім розрив між закличками й гаслами, з одного боку, і організацією практичної поведінки – з іншого. Втім, ще В. Сухомлинський казав, що це непорозуміння, оскільки «виховання словом» – найслабша ланка в діяльності школи. «Проблема виховання словом – одна з найбільш життєвих і гострих проблем, над якими... перш за все треба працювати й у теоретичному, і в практичному плані. Тонкість внутрішнього світу людини, благородство морально-емоційних відносин не затвердиш без високої культури словесного виховання» [16, с. 39].

Унаслідок міжкультурного спілкування підлітки оволодівають такими характеристиками:

- умінням здійснювати іншомовне спілкування в чотирьох видах мовленнєвої діяльності: аудіюванні, говорінні, читанні, письмі;
- опануванням мовленнєвими здібностями (мовні здогадки, логічне викладання думок тощо);
- умінням міжкультурного іншомовного спілкування;
- умінням культурного спілкування, прийнятого в сучасному цивілізованому світі;
- опануванням через міжкультурне спілкування

- загальнолюдськими цінностями;
- усвідомленням учнями суті мовних явищ, іншої системи понять, через яку може сприйматися дійсність;
- розумінням та поважанням своїх життєвих позицій і думок та свого оточення (батьків, учителів, друзів, співрозмовників тощо).

Виходячи з цього, ми виділяємо низку положень узагальнюючого характеру, які є для нас науковим орієнтиром у подальшій дослідницькій роботі:

1. Іноземна мова перестала бути засобом говоріння чи, іншими словами, мовної освіти іноземною мовою, сьогодні іноземна мова є засобом міжкультурного й міжнаціонального спілкування в рамках уроку іноземної мови.

2. Мовна взаємодія характеризується сучасними вченими як міжкультурна інтеграція, як прояв діалогу свідомостей і культур, як вихід за межі індивідуального й національного «образів світу».

3. Ті, хто вивчає іноземну мову, передусім прагнуть оволодіти ще одним способом комунікації. Учні, які виростили в одній національній культурі, спочатку знайомляться, а потім засвоюють суттєві факти, норми й цінності іншої національної культури, тобто здійснюється процес «акультурації». Мова здатна визначальним чином впливати на світосприйняття й світовідчуття людини. Отже, проблема мовленнєвої культури не може бути чисто філологічною, це, перш за все, духовно-моральна проблема.

4. Іноземна мова покликана підготувати підлітків до активного, творчого життя в мінливому світі, сприяти подоланню традицій жорсткого етноцентризму, оволодінню ціннісним досвідом різних народів і людства в цілому. Саме через іноземну мову вповні виражається індивідуальність національних культур, їх тісний зв'язок із загальнолюдськими цінностями, дається уявлення про «європейську самосвідомість», формуються навички міжкультурної комунікації.

5. Знання іноземних мов робить людину духовно багатомірною, піднімаючи її до рівня родової істоти. Таким чином, мова є носієм цінностей, властивих тому чи іншому народові. Навчання іноземної мови в школі повинне орієнтувати учнів на засвоєння цих цінностей.

6. У педагогічному плані іноземна мова повинна пройти через ціннісну систему учня, збагачуючи й ускладнюючи її за катарсичним принципом. Мова, засвоювана на основі катарсичних переживань, сама стає особистісною духовною цінністю. Неодноразово пережитий «мовний катарсис» притягає до себе учня, примушує його глибоко й постійно (а не механічно й поверхово) займатися вивченням мови. Завдяки мовному катарсису особистість у духовному плані розвивається акселеративно, тобто прискорено й інтенсивно. Саме в процесі мовної взаємодії й відбувається засвоєння загальнолюдських цінностей, властивих тій чи іншій мовній культурі.

Література

1. **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
2. **Библер В.С.** Диалог культур и школа XXI века // Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы. – Кемерово: АЛЕФ, 1993. – С. 84–96.
3. **Варганов А.В.** От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур // Ин. яз. в шк. – 2003. – №2. – С. 21–25.
4. **Верещагин Е.Н., Костомаров В.Г.** Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
5. **Выготский Л.С.** Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – 487 с.
6. **Выготский Л.С.** Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – 504 с.
7. **Гумбольдт фон В.** Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
8. **Державна національна програма “Освіта” / Україна XXI століття** – К., 1994.
9. **Діалог культур: Україна у світовому контексті // Мистецтво і освіта: Зб. наук. праць / Упоряд. і відп. ред. С.О. Черепанова.** – Л., 1998. – Вип. 3.
10. **Діалог культур: Україна у світовому контексті // Філософія освіти: Зб. наук. праць / І.А. Зязюн, С.О. Черепанова, Н.Г. Ничкало, В.Г. Скотний та ін.** – Л., 1999. – Вип. 4.
11. **Кипиани В.** Право писання // Киев. ведомости. – 2001. – 13 января. – С. 4.
12. **Кремень В.Г.** Національна освіта як соціокультурне явище // Учитель. – 1999. – №11–12.
13. **Пассов Е.И.** Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 253 с.
14. **Потебня А.А.** Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
15. **50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева.** – М.: Прогресс; [Париж]: Пайо. – 557 с.
16. **Сухомлинський В.О.** Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. – К.: Рад. шк., 1985. – 557 с.
17. **Сысоев П.В.** Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного и родного языков // Иностр. яз. в шк. – 2003. – №1. – С. 42–54.
18. **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 597 с.
19. **Bruner J.S.** The Process of Education. – Cambridge, Massachusets: Harvard Univ. Press, 1999. – 237 p.
20. **Littlewood W.** Foreign and Second Language Learning Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 172 p.

В статье иностранный язык в рамках школы рассматривается как фактор формирования общечеловеческих ценностей у подростков. Логика нашего исследования требует изучения культурологических и воспитательных возможностей иностранного языка как средства формирования общечеловеческих ценностей у подростков в процессе обучения. Именно задача обучения и воспитания на основе общечеловеческих ценностей является на сегодняшний день основной и остро стоящей перед всем обществом, образовательной системой Украины и учителями.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, общечеловеческие ценности, изучение иностранного языка.

У статті розглядаються виховні можливості іноземної мови у формуванні загальнолюдських цінностей у підлітків. Логіка нашого дослідження вимагає вивчення культурологічних і виховних можливостей іноземної мови як засобу формування загальнолюдських цінностей у підлітків у процесі навчання. Саме завдання навчання й виховання на основі загальнолюдських цінностей є сьогодні основним для всього суспільства, учителів і освітньої системи України.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, загальнолюдські цінності, вивчення іноземної мови.

Culturological and upbringing of intercultural communication is considered in the article as means of formation universal values at senior pupils. The specific character of the school subject «English language» in the process study by senior pupils is discovered. Namely training and upbringing task on the basis of universal values is principal and pointed of the society, educational system of Ukraine and teachers of foreign languages nowadays.

Key words: intercultural communication, human values, learning foreign language.

УДК 821.161.1 – 3.09 + 929 Пьецух

А. А. Слиская

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

**(В. Пьецух, сборник «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки
родной истории»)**

Бернард Шоу говорил, что единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков. А история России этому яркое подтверждение. А виной всему – менталитет.

Известный российский писатель Вячеслав Пьецух в сборнике «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории» попытался найти ответ на вопрос, отчего «земля наша так велика и обильна, а порядка в ней нет». Известный литературовед Евгений Шкловский определил, что «большинство произведений Пьецуха обращено к русскому национальному характеру и российской истории с ее драматическими поворотами, к художественному осмыслению русской почвы, чем бы и кем бы она ни была бы представлена – будь это город, поселок или деревня, слесарь, пенсионер или доморощенный интеллект» [2]. Данный сборник не стал исключением. Он состоит из двадцати одного историсофского эссе (термин Яна Шенкмана), но объединенного одной темой – история России. В сборник также вошли произведения, которые затрагивают темы значения литературы («О падении языка», «О пользе чтения»), особенностей русского национального характера с точки зрения поговорок и пословиц русского народа («О пословицах русского народа»).

В эссе, давшему название сборнику, наш автор разделил русских на «дурней и сумасшедших». «Дурни – это понятно, мы; добывающие хлеб в поте лица своего, страждущие, обделенные, совестливые, коротающие жизнь в унылых очередях, и при этом охотно верящие каждому неординарному шалопаю, который бередит наши раны и одновременно навевает золотые сны» [4, с. 5]. А к сумасшедшим он отнес, как ни странно, политиков, воров и убийц. По мнению Пьецуха, именно альянс дурней и сумасшедших, породил разруху в великой стране.

Великий русский философ Н.А. Бердяев в начале 20-го века отмечал, что существует два типа национального сознания. Согласно первому, можно идеализировать стихийные свойства народа, быть в упоении от этих свойств и не допускать никакой их критики. Но существует и другой более высокий тип национального сознания, для которого национальное бытие есть творческое задание, который требует самокритики и призывает к перевоспитанию во имя осуществления национальных задач. При этом нужно стремиться к единству национального сознания для всех [1, с. 540]. Автор отмечает трагичность последних ста лет развития России. Именно этот период, по его мнению, ознаменовал потерю национального самосознания, национальной традиции. «...столетняя наша история есть плод творчества величайших бездельников и редкостных недотеп...и от любого выскочки, от какого-нибудь даже отдельно взятого желчного пузыря зависит каждый час нашей искрометной жизни» [4, с. 9–10]. В одном из интервью В. Пьецух сказал, что «нет такого народа-страдальца, как наш. Ни одна нация, наверное, не выжила бы в результате того, что испытал русский народ. Шла бесконечная война с азиатским началом и азиатскими ухватками наших руководителей, начиная с древности и заканчивая большевиками. Последний удар нанесли именно большевики – русских больше не существует» [6].

Но русский народ может спасти возрождение духа или у Пьецуха «корпус национальной морали» [4, с. 161]. К сожалению, молодое поколение воспитывается не в национальном духе, а в духе американском, на фоне научно-технического прогресса, который может скорее привести к воспитанию «мещанина» (А.И. Герцен), – безобидного, тихого, заинтересованного лишь в своих мелких делах, но отнюдь не к хому хуманису (термин В. Пьецуха), то есть «человеку человеческому» [5, с. 82–83].

Парадоксальность русского национального характера подчеркивается в названии рассказа «Свобода как наказание». Абсолютно непонятно, почему весь мир стремится к свободе, как к наибольшему благу, в то время как у русских она дается в наказание. У Пьецуха русский человек свободен по своей сути, поэтому рамки европейской «свободы», ограниченной законом, ему тесны. «Отсюда... и бестолочь русской жизни, поскольку русак искони до бессмыслия свободен и ему узки пошлые нормы лично-социального бытия...в нем

народилась новая внутренняя свобода, с которой ничего поделаться уже нельзя, хоть ты к каждому приставь по сотруднику государственной безопасности» [4, с. 93]. В итоге свобода была нужна только «...кое-кому из писателей, кое-кому из читателей и десятку-другому специалистов по гуманитарному департаменту», но парадокс в том, что писатели и читатели и специалисты по гуманитарному департаменту прочитались, потому что печатное слово резко упало в цене, после обретения свободы. Истинно свободный человек у автора, это человек, который освободился от животного элемента и сохранившего в себе частицу Духа, которую вложил Создатель. И такому человеку не нужны ни конституция, ни демократические свободы, так как он свободен Душой, именно поэтому счастье не в свободе, а в нас самих [4, с. 98]. В одном из интервью Пьецух сказал, что «произошел какой-то слом в культурном организме нации. Я думаю вот что – во всем виновата свобода, это преподлейшее изобретение демократически организованного ума – *при этом* – Русский человек получил свободу не только выражать свое мнение и ходить на избирательные участки или не ходить, он еще получил свободу не читать, не интересоваться искусством и культурой. При большевиках почему-то было стыдно не быть читателем, а при либералах не стыдно, потому что при сегодняшнем режиме норма не культура, а прибавочная стоимость, деньги и пр.» [6]. И с автором нельзя не согласиться, ведь свобода выбора породила относительную вседозволенность, которая чаще больше вредит, чем дает развитие обществу.

Известный филолог Б.А. Ланин, занимаясь исследованием трансформации истории в современной литературе, пришел к выводу, что современные авторы, в частности и В. Пьецух переосмысливая историю, предлагая свои версии исторического процесса развития человечества, утверждают две вещи: человеческое знание о человеке и человечестве относительно; литературная реальность безусловно выше реальности «логически осязаемой», т.е. правда образов оказывается куда выше правды факта и правды логического умозаключения [3]. Писателю легче вносить новые теории на обсуждение, так как он не скован обязанностью доказать ее фактически, поэтому, возможно, писательский взгляд на историю более продуктивен, чем методология современной истории.

Завершает сборник рассказ «Уроки родной истории», в котором автор переосмысливает историю России от матриархата до наших дней, предлагая свой альтернативный вариант ее развития (в литературоведении существует сейчас целое направление, занимающееся альтернативной историей). Пьецух оригинально оценивает деяния наших русских князей, особенно примечательной оказывается роль Владимира Святославовича, который у автора «хладнокровный убийца, интриган и пьяница и большой безобразник по женской части, вместе с тем реформировал языческий культ, обустроил Киев... и решил выйти на европейскую арену, женившись на

константинопольской принцессе Анне» [4, с. 186], а в традиционной интерпретации он один из величайших политических деятелей, который заботился о будущем Руси. Вызывает некоторое удивление и отношение к учредителю Москвы – князю Юрию Долгорукому, который получили свое прозвище за то, «что он был большой ревнитель чужого добра, которое лежало не только плохо, но даже и далеко» [4, с. 187].

За время существования Россия пережила главенство и печенегов, и варяг, и татар, и даже немцев, у этих народов мы перенимали их культуру, поэтому, по мнению Пьецуха, своя собственная до конца не сформировалась. «Вследствие нашего от части вынужденного обезьянства в России сложился тот размытый тип человека, общества, государства, которому трудно симпатизировать, и который нельзя понять, во всяком случае, за своих нас Европа не признает. Главным образом, ее смущает наша неевропейская бедность при сказочном богатстве самой земли, монгольские ухватки во внутренней и внешней политике, запущенность городов и весей, склонность к витанию в облаках» [4, с. 182]. Безусловно, нельзя не согласиться, что Россия не вызывает в Европе положительного отношения к себе, какие бы реформы и изменения не происходили.

Единственной чертой, которая, по мнению автора, является исконно русской – это пьянство, которое даже послужило критерием выбора религии.

Пьецух вводит в свое произведение категорию «русского Бога»: «Что он есть, мы не знаем, однако нам вполне достаточно того знания, что он есть. Как же ему не быть, если наша захудалость с лихвой компенсирована великой художественной культурой, если нам было суждено спиться, а мы все никак не сопьемся» [4, с. 190]. Хотя известно, что Бог един для всех и, пожалуй, можно рассматривать это утверждение как противоречащее общепринятой религии, но такие провокационные утверждения присущи прозе Пьецуха и этим он интересен читателю, ведь, если нет о чем спорить, то не о чем и говорить.

Особое отношение у автора и к власти, которая отравляюще действует на человека независимо от его половой принадлежности. При этом наш автор предлагает вносить ценз на рост для претендентов на высшую государственную должность, так как и Ленин, и Сталин, и Хрущев были роста небольшого, а при их руководстве страна страдала наиболее всего.

Отличительной чертой русских политиков он называет силу самовнушения. «Но мы-то знаем, что они – просто несчастные люди, не нашедшие своего места в жизни, у которых слабо развита вторая сигнальная система, и они постоянно путают действительность и слова» [4, с. 190]. Не остались без внимания и работники дорожной милиции, которые считают, что мзда с проезжающих – это такая как бы премия, добавка к жалованию, а не мзда. И их нельзя осуждать, потому что издревле разбой был промыслом (Робин Гуды по-русски), и поэтому в

нашем национальном сознании тот, кто не берет того, что плохо лежит – дурак.

Пьецух называет Россию страной чудес и отмечает, что «воздух у нас вредный, который отравляет чужака до такой степени, что из здравомыслящего человека он превращается в дерганое, возвышенное и в высшей степени непрактичное существо» [4, с. 199]. Но самое примечательное, то, что «атмосфера русской человечности такова, что она перемальвает любой национальный материал в нечто нервно-романтическое, неуравновешенное, сострадательное, вдумчивое, добродушное и беспутное, каковые качества неожиданно-негаданно слагаются в причудливую сумму, и та проходит у нас под ласковым термином – русачок» [4, с. 199]. Разгадать эту загадку нашей страны предстоит, наверное, будущим поколениям, хотя, формулу существования русского человека вопреки всему неподвластно разгадать никому – разве что во всем виноват «русский Бог».

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России: Соч. – М., 1998. **2. Вильченко О.** Вячеслав Пьецух: «Люблю поразмыслить вспясть» // <http://www.mdk-arbat.ru>. **3. Ланин Б.А.** Трансформация истории в современной литературе // <http://www.invest.ntax.ru>. **4. Пьецух В.** Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории: Сб. – М., 2006. **5. Пьецух В.** Новая московская философия // Новый мир. – 1989. – №1. **6. Токмаков В.** Во всем виновата свобода, или Суп из русских бобов // <http://tbs.asu.ru>. **7. Шпалов С.** Вячеслав Пьецух: «Я не сверху и не сбоку, а внутри народной жизни» // <http://www.kultura-portal.ru>

Статья посвящена исследованию особенностей русского менталитета с точки зрения истории России в прозе современного российского автора В. Пьецуха.

Ключевые слова: менталитет, свобода, мораль, «русский Бог».

Стаття присвячена дослідженню особливостей російського менталітету з точки зору історії Росії в прозі сучасного російського автора В.П'єцуха.

Ключові слова: менталітет, свобода, мораль, «російський Бог».

The article is devoted to the research of Russian mentality historically in the prose of the contemporary Russian writer V. Pjechuh.

Key words: mentality, freedom, morality, «Russian God».

О. Г. Тараненко

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУДРОСТЬ» В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале фразеологических единиц)**

В настоящее время на рубеже XX–XXI ст. антропоцентрическая тенденция в лингвистике заняла главенствующую позицию. Этот процесс прежде всего связан с интересом исследователей к ментальному миру человека и языку как средству отражения мыслительных процессов индивидуума.

На эти вопросы ищут ответ когнитология и лингвокультурология где базовым понятием, оперативной единицей является концепт.

Концепт, согласно С.Г. Воркачеву, является «зонтиковым» термином, охватывающим сразу несколько различных отраслей знания: философию, культурологию, психолингвистику, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию

Актуальность данного научного исследования обусловлена глубоким интересом исследователей к феномену концепта и недостаточной разработанностью концепта «мудрость» и его трансформации в английском и русском языках (в сопоставительном аспекте).

Цель статьи – показать методику анализа данных, содержащихся в толковых, фразеологических и синонимических словарях, включающих в себя концепт «мудрость» в русском и английском языках. Задача – представить структуру концепта «мудрость» в вышеозначенных языках и выявить сходства и различия в восприятии данного качества у представителей этих этносов.

В данной работе концепт «мудрость» будет исследован в сопоставительном аспекте на базе английских и русских фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки, на базе толковых, синонимических словарей.

С.Г. Воркачев подчеркивает, что «различия в подходах к концепту когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в достаточной степени условны и связаны не столько с общими задачами этих дисциплин – типологией и моделированием представления знаний в языке, сколько с техникой выделения объекта исследования и методикой его описания» [1, с. 14]. Именно поэтому интерпретация концепта у различных исследователей имеет определенные расхождения.

В работе В.А. Масловой выделяется несколько основных подходов к пониманию концепта в рамках когнитологии и лингвокультурологии.

Так, Ю.С. Степанов уделяет более пристальное внимание концепту как единице культуры, его определение – концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека [2, с. 45]. По его мнению, концепт является важной составляющей коллективного бессознательного.

Представители 2-го направления в изучении концепта (Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, А.Д. Шмелев) рассматривают концепт как единицу когнитивной семантики.

3-й подход характеризуется пониманием концепта как оперативной содержательной единицы памяти ментального лексикона, всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Е.С. Кубрякова).

В рамках 4-го подхода, представителем которого является Ю.Д. Апресян, концепт понимается как «система взглядов, коллективная философия, которая навязывается языком всем его носителям», а свойственный языку способ концептуализации в чем-то является универсальным, а в чем-то национально специфичным [2, с. 60].

С.Г. Воркачев рассматривает концепт как явление лингвокультурологического характера и определяет его следующим образом: концепт – «это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих звуковых реализаций, образующих соответствующую языковую парадигму и обладающий этнокультурной спецификой» [1, с. 17].

Согласно Д.С. Лихачеву, совокупность концептов отдельно взятого индивидуума формирует концептосферу личности, основанную на «наивной картине мира», т.е. представлениях человека об окружающей его действительности, окрашенных национально. В число подобных концептов входит мудрость как черта характера человека, отраженная в языке посредством как когнитивных метафор, так и паремиологическим, и фразеологическим фондами, разветвленной системой синонимов.

В представленной работе мы будем придерживаться определения, данного концепту С.Г. Воркачевым, поскольку тематика настоящего исследования предполагает наличие сильного национально-культурного компонента.

Согласно вышеприведенным подходам к пониманию сути концепта, можно сказать, что когнитивный аспект (Е.С. Кубрякова, А.Д. Шмелев) подразумевает исследование концепта через языковые средства и их репрезентацию в виде фреймов, сценариев или скриптов (М. Минский, Ч. Филлмор), в то время как С.Г. Воркачев, относящий концепт к единице лингвокультурологического порядка, делает акцент на национальной специфике и отвлеченности концепта как ментального образования высокой степени абстракции, где его структура подразделяется на 3 составляющие.

Сюда входят: 1) понятийная составляющая, отражающая признаковую и дефиниционную структуру концепта, 2) образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, значимостная, 3) определяемая местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [1, с. 19].

Понимание концепта как ментального представления человека о конкретных и абстрактных явлениях через призму его жизненного и культурного опыта, представленное посредством языковых единиц и обладающее ярко выраженным эмоциональным и этнокультурным своеобразием позволяет нам провести концептуальный анализ лексемы «мудрость» в рамках сопоставления ФЕ английского и русского языков.

Концепт «мудрость» обладает глубинным смыслом, кроющимся в коллективном бессознательном, в мифологических представлениях данного концепта как образа голубя (Духа), Софии, Богоматери, олицетворяющих это качество на уровне архетипа [3, с. 90].

Расшифровывая термин «архетип», необходимо сослаться на основоположника этого понятия К.Г. Юнга, характеризующего архетип как «элементарные мысли», «прамысли», «вторую психическую систему коллективную по своему характеру, существующую наравне с человеческим сознанием» [3, с. 91]. То есть архетип является «кирпичиком», благодаря которому строится коллективное бессознательное (термин Юнга) – мифологическое, подсознательное представление человека о реалиях и абстракциях, его окружающих. Именно поэтому в сказках народов мира мы можем найти отражение архетипических моделей, свойственных тому или иному этносу.

Говоря в этом контексте о мудрости, нельзя не упомянуть того факта, что она находила свое отражение в сказках как качество, положительно характеризующее индивида (Василиса Премудрая у русских, Ходжа Насреддин у узбеков, Мерлин у англичан). Мудрость противопоставляется темноте, невежеству, даже богатству, власти сильных мира сего, поскольку главное богатство мудрого – познание тайных секретов бытия, поиск смысла жизни. Это лежит за границами жизненных реалий и принадлежит области трансцендентного – уделу лишь немногих избранных.

В данном исследовании мы пронаблюдаем трансформацию восприятия данного качества у русских и англичан.

Обращаясь к словарным данным, можно сказать следующее: в классическом санскрите, от которого ведут начало языки индоевропейской семьи, мудрец переводится как «думья» [4], что показывает тесную связь между обладанием мудростью как высшим знанием и наличием ума, ведь не каждый умный человек является мудрым, но каждый мудрец, безусловно, умен.

Согласно более поздним источникам (этимологические словари), слово «мудрость» является общеславянским, производное от того же корня, что и «мнить», имеет связь с балтийскими и германскими

языками, образовано от основы *mand, ср. др.-герм. Munter, означающий «бодрый», «живой», греч. Manthano, имеющий значение «учу», «понимаю», балт. Mandrus – «бодрый». Также зафиксированы значения др.-сакс. Mendian «наслаждаться», др.-нем. - «muntri» - «прилежание», «рвение» [5, с. 229; 6, с. 113]

Мудрость является одним из основных концептов, имеющих «слоистое» (термин Воркачева) строение и разветвленную структуру; именно этим обуславливается столь различное толкование этимологии данного слова в разных культурах, но в целом, сравнивая данные более поздних (во временных рамках) толковых словарей, мы можем видеть понимание мудрости у Даля как «соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства», а как дополнительное значение – «искушенность, хитрость» [7, с. 990]. Следовательно, происходит качественное переосмысление этого концепта, его углубление, понимание мудрости как высшей благодати, но в то же время и источника печали (в многой мудрости – многие печали (Экклезиаст). При этом мы видим, что в ареал концепта «мудрость» включены и концепты ума, истины и блага, а также хитрости.

Современные толковые словари дают такую трактовку мудрости: «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [8, с. 146]; «свойство и качество мудрого, глубина и обширность познаний» [9, с. 440], «глубокое знание, понимание чего-либо, опирающееся на жизненный опыт» [10, с. 503].

Все словари зафиксировали также такое значение мудрости – как «сложность, замысловатость, трудность» [11, с. 200], нередко данное с пометой «ирон.»

Все это говорит об изменении понимания значения данного концепта на современном этапе, где мудрость – это прежде всего житейский опыт, высокий интеллект, умение выходить из жизненных ситуаций, а человека, делающего что-то, не входящее в рамки обыденного кругозора, нередко обвиняют в «мудрености», «мудровании», т.е. налицо и негатив в оценке данного качества.

Значение мудрости как высшего блага и правды отходит на задний план. Об этом свидетельствуют и данные синонимических словарей, где мудрость представлена лишь таким синонимическим рядом: мудрывать, умствование, суемудрие (с пометой устар.), умничать, мудрствование (со значением «издеваться»). Зато мудрость входит в состав синонимического ряда лексемы «умный», где оно имеет положительную коннотацию – «мудрый, неглупый, премудрый, многомудрый, смысленый» и выражение «мудрый яко змий (шутл.)» [12, с. 405]. То есть видна связь между современным пониманием мудрости как «умения жить», недюжинных интеллектуальных способностей, но вовсе не как истины и справедливости.

Исследуя данные английских толковых словарей, можно проследить следующие тенденции: Фулер и Хорнби понимают мудрость как «обладание опытом и знанием вместе с умением их практического и критического применения, осторожность, здравый смысл, проницательность, дальновидность, справедливость» [13, с. 500; 14, с. 770]. В словаре Макмиллана зафиксировано: «мудрость – способность принимать правильные решения, основываясь на опыте или знаниях, приобретение знаний и умений в течение долгого периода» [15, с. 264].

Мы видим, что для английской культуры помимо концептуальных составляющих мудрости – опыта и знаний, ума, присутствует также компонент здравого смысла, осторожности, проницательности – тех черт характера, которые свойственны англичанам в большей степени, чем русским. Согласно данным толковых словарей на современном этапе, мудрость обладает более позитивной коннотацией у представителей английской культуры, чем в русской, что повторно доказывается и данными синонимических словарей английского языка. В словаре Девлина дается следующий синонимический ряд лексемы «мудрость»: осторожность, предвидение, проницательность, острота ума, понимание, сообразительность, умение различать, распознавать, верное суждение, глубина, вдохновение, способности, разумность, эрудиция, опыт, благоразумие [16, с. 990]. Причем нигде не дается помет «ирон.», напротив, англичане относятся к обладанию мудростью очень серьезно, хотя, как и у русских, отчетливо прослеживается связь между наличием ума, опыта и сообразительности как основных компонентов мудрости.

Переходя к образной составляющей концепта «мудрость» (посредством ФЕ), надо сразу отметить тот факт, что на современном этапе согласно данным фразеологических словарей практически не встречается ФЕ с концептом «мудрость» в «чистом виде», т.е. ФЕ, содержащие данный концепт, немногочисленны, выступают на передний план такие составляющие концепта «мудрость»: ум (с дальним прицелом, с царем в голове, жить своим умом, ходячая энциклопедия, ума палата, котелок варит, семи пядей во лбу, ловить на лету, маг и волшебник), опыт(глаз наметан, стреляный воробей), умение жить (быть самим собой, золотая середина, набираться ума-разума) [17, с. 90–112; 18, с. 124–150]. Их немногочисленность и выход на переднее место составляющей «ум» говорит о снижении значения мудрости как таковой в современных условиях в русскоязычной среде.

Согласно данным фразеологических словарей английского языка, концепт «мудрость» (wisdom) в них представлен боле ярко. Так, в словаре А.В. Кунина отражают мудрость такие ФЕ: to learn wisdom by the follies of the others (учиться на чужих ошибках), serpentine wisdom (мудрость змия), Solomon's wisdom (Соломонова мудрость), wisdom is the wealth of the wise (мудрость – богатство мудрого) some are wise, some are otherwise (одни мудрые, другие – наоборот) [19, с. 507].

Более поздние фразеологические словари, как и в русских источниках, указывают на «затушевание» самого концепта «мудрость», выход на передний план таких его составляющих как ум: *to use an old bean* (думать), *to have enough brains* (иметь достаточно мозгов), *to case a joint* (разобраться в ситуации прежде чем действовать), *to come to the point* (добраться до сути дела), *to think it twice* (дважды подумать перед действием), *all there* (разумный, уравновешенный человек), опыт (*know-how*), умение жить: *to make the best of the bad bargain* (сделать хорошую мину при плохой игре), *to carry it off* (выпутаться из сложной ситуации), *to keep out of smth* (не вмешиваться в чужие дела), проницательность: *to get to the bottom* (докопаться до сути), *to get at* (добраться до сути), *to play it smart* (*умно и расчетливо поступить*) [20, с. 200–210; 21, 400–415].

Доминантной, как и русском языке, является составляющая мудрости – ум, т.е. англичане высоко оценивают это качество наравне с русскими, но в английском национальном понимании мудрости есть очень важная составляющая, отсутствующая у русских – проницательность, желание докопаться до сути дела, предвидеть ситуацию на много ходов вперед. Это подтверждают данные как толковых, так и синонимических и фразеологических словарей.

Перейдем к значимостной составляющей концепта «мудрость», т.е. тому месту, которое данный концепт занимает в языковом сознании в русской и английской концептосферах. Исходя из проведенного исследования, можно сказать, что на современном этапе роль концепта «мудрость» как такового отходит на задний план, поскольку она вытесняется одной из основных составляющих этого концепта – умом. Подобная тенденция четко видна на примерах ФЕ обоих языков. Правда, в силу различия этнокультуры англичан и русских, существуют некоторые акценты в интерпретации мудрости. Так, для англичан свойственен более рациональный подход к решению жизненных проблем, нежели русским, что подтверждается наличием таких составляющих как проницательность, осторожность в структуре концепта «мудрость». Не зря синонимами мудрости в английской этнокультуре выступают дальновидность, глубина понимания, благоразумие. У русских понимание мудрости со времен Даля существенно трансформировалось, т.е. вместо «высшего блага, истины» мы видим «глубокое знание, понимание чего-либо, опирающееся на жизненный опыт», а также слегка ироничное отношение к человеку, позиционирующему себя как мудреца, знающего ответы на все вопросы. (отсюда глаголы – мудрить, мудровать, мудрствовать). Для англичан несвойственно выражение иронии по поводу чужого ума, наоборот, мудрый человек является уважаемым (*it was wise of you to do like this*), к его мнению прислушиваются.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) определение концепта как ментального представления человека о конкретных и абстрактных явлениях через призму его жизненного и культурного опыта, представленное посредством языковых единиц и обладающее ярко выраженным эмоциональным и этнокультурным своеобразием позволяет нам провести концептуальный анализ лексемы «мудрость» в рамках сопоставления ФЕ английского и русского языков;

2) анализ 3-х концептуальных составляющих (по Воркачеву) дал четкое представление о структуре концепта «мудрость» и его месте в концептосферах англичан и русских;

3) неизбежность различий в интерпретации концепта «мудрость» в концептосферах русских и англичан (на материалах толковых и фразеологических словарей) обусловлена этнокультурной спецификой и национальными особенностями этих народов.

Литература

1. **Воркачев С.Г.** Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2003.
2. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. – М., 2001.
3. **Зарубежный психоанализ** / Под ред. В.М. Лейбина. – СПб., 2001.
4. **Словарь санскрита (Дэвангари – язык богов)** Маричи Мфрута Copyright 2004 // http://marichin.narod.ru/Sanskrit/ORDEV/19_y.htm
5. **Этимологический словарь русского языка.** – Ростов-н/Д., 2004. – 240 с.
6. **Этимологический словарь русского языка** / Сост. А.Г. Преображенский. – М., 1959. – 350 с.
7. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 2000. – 779 с.
8. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений / Рос. АН; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 1999. – 944 с.
9. **Словарь современного русского литературного языка.** – Т. 6. – М.–Л., Изд-во АН СССР. 1957. – 795 с.
10. **Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.** Русский толковый словарь. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – 928 с.
11. **Толковый словарь русского языка:** В 4 т. – Т. 2 / Под. ред. Д. Ушакова. – М., 1996. – 520 с.
12. **Александрова З.Е.** Словарь синонимов русского языка. – М., 1998. – 495 с.
13. **The concise Oxford Dictionary of current English.** Adapted by H.W. Fowler and F.G. Fowler. – Oxford at the Clarindon Press, 1954.
14. **Hornby A.S.** with the assistance of **Ruse Cristina.** Oxford Student's Dictionary of Current English. – Moscow–Oxford. 1984.
15. **Macmillan English Dictionary.** – Oxford University Press, 2002.
16. **Девлин Д.** Словарь синонимов и антонимов английского языка. – М., 2005. – 559 с.
17. **Жуков А.В.** Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М., 2003.
18. **Яранцев Р.И.** Русская фразеология: Словарь-справочник. – М., 1997. – 845 с.
19. **Кунин А.В.** Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1964. – 944 с.
20. **Новый учебный словарь фразеологии современного английского языка** / Под ред. М.Е. Опаленко. – М., 2004. – 351 с.
21. **Словарь**

английских пословиц и фразеологических выражений. – Смоленск, 2001. – 560 с.

Статья посвящена сопоставительному анализу английских и русских фразеологических единиц, отражающих концепт «мудрость» в английской и русской концептосферах.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, сопоставительный анализ, языковая картина мира.

Статья посвящена зіставному аналізу англійських та російських фразеологічних одиниць, які репрезентують концепт «мудрість» у англійській та російській концептосферах.

Ключові слова: концепт, концептосфера, зіставний аналіз, мовна картина світу.

The article is devoted to the comparative analysis of the concept «wisdom» in English and Russian conceptual spheres.

Key words: concept, conceptual sphere, comparative analysis, language world's outlook.

УДК 371. 32.: 78: 82

О. С. Ткач

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УРОК КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ГАРМОНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Начало XXI века – эпоха тотального экспериментирования. Система образования – не исключение. В современной школе остро стоит вопрос о разнообразном подходе к ведению уроков. Каждый учитель, изучивший традиционную педагогику и научившийся давать обычные уроки, задумывается над тем, что еще можно сделать для того, чтобы повысить интерес к обучению, эффективность уроков и при этом снять перенапряжение, утомляемость учеников, а главное – гармонизировать их мировосприятие, расширить культурную парадигму детей.

Я работаю в школе (педагогический стаж 17 лет) и мои преимущества в том, что я одна преподаю все предметы 4 года, изучила досконально программы учебных дисциплин и хорошо вижу межпредметные связи. Мне легче связать два и более предметов: удобнее «передвигать» тематику каждой дисциплины и добиваться ее совпадения с другой. Так, вполне логично, я пришла к необходимости интегрировать уроки.

Интегрированный урок – сравнительно новый вид образовательной деятельности. Он отличается от использования межпредметных связей на одном уроке тем, что разные предметы

переплетаются на нем пластообразно, взаимопроникающе. Нередко интегрированный урок ведут два учителя. Интегрированные уроки повышают познавательный процесс, служат развитию воображения, памяти, позволяют изучить явление *в целом*, не дробя его для изучения в различных дисциплинах. Интегрированность процесса усвоения нового материала очень велика.

В программе литературного чтения для третьего класса (учебник: Чтение и литература. 3 класс: В 4 ч. / Авт.-сост. О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2006) есть тема «Чтение и пение». Само название нацеливает на объединение данного урока литературного чтения с уроком музыки. Мы решили объединиться с учителем музыки. Так, появился интегрированный урок «Чтение и пение». Поставили цель урока: показать детям, что есть особые музыкально-литературные произведения – песни. При планировании определили конкретную задачу урока: научить ребят самих делать выводы на основе анализа песни. На этом уроке ученики спорили, что главное в песне – музыка или слова? (Дети, конечно, сталкивались с песнями с раннего детства, но никогда не задумывались, а к какому виду искусства их отнести).

Урок музыки и литературного чтения.

Тема. Чтение и пение.

Цель. 1. Совершенствовать коллективные формы работы, поддерживать интерес к урокам музыки и литературного чтения.

2. Продолжить формирование целостной мыслительной деятельности на основе межпредметных связей.

3. Привить навык самостоятельного анализа и обобщения проанализированного материала.

4. Выучить песню «Мальчишки и девчонки» (сл. И. Дика, муз. А. Островского).

Тип урока. Интегрированный.

Оборудование. Плакаты с муз. терминами; диск с песнями «Мальчишки и девчонки» (сл. И. Дика, муз. А. Островского), «Наш край» (сл. А. Пришельца, муз. Д. Кабалевского), «Прививка» (сл. С. Михалкова, муз. М. Матвеева), «Улыбка» (сл. М. Пляцковского, муз. В. Шаинского).

Учебник. Чтение и литература. 3 кл.: В 4 ч. – Ч. 2.: Учебник / Авт.-сост. О.В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2006.

Урок проводится в кабинете музыки.

Ход урока:

1. Организационный момент.

2. Разогрев речевого аппарата.

Дыхательная гимнастика.

Работа с гласными А О У Э И Е. Произносят сначала четко раздельно; потом слитно; отрывисто; в обратном порядке.

Музыкальное приветствие.

3. Проверка домашнего задания.

Чтение текста Виктора Владимировича Галявкина «Крути снежные вертя»

В.В. Голявкин. КРУТИ СНЕЖНЫЕ ВЕРТЯ.

– Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя... –

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочёл: – Кроя мглою бурю кроет, Круги снежные вертя... Что-то не то. Я опять начал снова:

– Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

– Буря кроет, небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Всё получалось, как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочёл:

– Утро воет небо мгилою...

Это было совсем не то. Я сразу это понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чём тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

– Не нужно зубрить, – сказал старшей брат, – разберись, в чём там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и чётко прочёл: – Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя...

Ответы на вопросы:

1. В чем главные ошибки героя рассказа, который пытался выучить стихотворный текст?

2. Какие правила заучивания стиха составили вы?

Ученики: Прочитай стихотворение. Подумай о чем, и что говорят стихи. Не зубри, читай выразительно, меняй тембр речи, представляй картины. Проследи рифму. Улови ритм стихотворения, обрати внимание на то, где делать паузы. Перечитывая, закрывай книгу и декламируй.

4. Актуализация изученного ранее.

Учитель:

Правильно. Вы употребили такие термины: ритм, пауза, темп. Повторим, что это такое. (Читают плакаты, повторяют:

Темп – скорость движения речи.

Ритм – равномерное чередование ускорения и замедления речи.

Пауза – остановка, делит речь на фразы.)

5. Сообщение темы урока.

Упомянутые нами термины употребляют не только на уроках литературного чтения, но и при изучении музыкальных произведений. Вы уже увидели, что сегодня у нас не обычный урок, он проходит в кабинете музыки. Тема урока: «Чтение и пение».

Сегодня на уроке мы попробуем определить, что есть общего у музыки и стихотворений. Вы выучите песню, и подумаете, к какому виду

искусства ее можно отнести. А в конце урока ответите на вопрос: «Что в песне главное – музыка или слова?»

6. Работа над песнями. (Ведет учитель музыки.)

Учитель: Вы уже выучили много песен. Чем песня отличается от стихотворения?

Ученики: Ее поют. У нее есть мелодия.

Учитель: Как связана мелодия со стихами?

Ученики: Мелодия передает настроение, характер стихотворения, ритм.

Учитель: Многие знаменитые стихотворения положены на музыку. Сейчас вы будете слушать отрывки стихотворений и представлять, какая мелодия для них подходит.

1) Вспомните стихотворение Сергея Михалкова «Прививка». Какая музыка подойдет для этой песни? (Учитель читает 1, 2 строфы.)

Ученики: Задорная, веселая, хвастливая.

Учитель: Послушайте, какую музыку написал М. Матвеев. (Слушают отрывок песни.)

2) Стихотворение А. Пришельца «Наш край».

Наш край

То березка, то рябина
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?

Солнцем залиты долины,
И, куда не бросишь взгляд,
Край родной, навек любимый,
Весь цветет, как вешний сад.

Ученики: Музыка должна быть плавная, протяжная, лирическая. (Слушаю музыку Д. Кабалевского.)

3) Слова песни «Улыбка» из м/ф «Крошка Енот». (Учитель читает первые строчки.)

Ученики: Мы эту песню учили, мы ее знаем!

– Сейчас споем эту песню. Пойте выразительно, передайте характер этой песни. (Поют.)

– Сегодня мы выучили новую песню «Мальчишки и девчонки». Прочитайте слова на стр. 31.

Работа над песней. Исполнение песни.

7. Итог урока.

– Есть песни, написанные на слова известных стихотворений (стихи не предназначались для пения). Это «Прививка», которую мы слышали сегодня; «Азбука» на стихи Б. Заходера, муз. Г. Воронова; «Урок родного языка» на стихи С. Маршака, муз. С. Прокофьева.

Другие песни – самостоятельные произведения, которые были созданы вместе с поэтом и композитором и были сразу задуманы как песня. Это «Наш край» (слушали сегодня); «Антошка» – стихи

Ю. Энтина, муз. В. Шаинского; «Песенка про чибиса» – стихи А. Пришелеца, муз. М. Иорданского и многие другие.

Что же главное в песне? Что передает слушателю музыка песни?

Ученики. Общее настроение, темп, ритм, характер.

– Что передают слушателю музыка песни?

Ученики. Смысл, чувства.

– Что главное в песне?

Ученики. И музыка, и слова. Авторами песни являются и поэт, и композитор.

Учитель: Правильно. Песня – словесно-музыкальное произведение. В песне важны и музыка и слова. Песню можно изучать на уроках музыки и литературного чтения.

8. Домашнее задание. Ответы на вопросы с. 32, Определите, какой песне принадлежит мелодия на с. 32. Урок окончен. Оценочные итоги.

На протяжении всего урока переплетался материал уроков музыки и литературного чтения. Например, в начале урока литературного чтения для разогрева речевого аппарата произносятся скороговорки. На данном уроке при произношении скороговорки мы меняли темп речи, обратили внимание на паузы, ритм, тембр, дали термины, определения.

Позже ученики обратили внимание на эти же характеристики в музыке, при работе над песней. В конце урока дети смогли сами ответить на вопрос, что в песне главное. Ребята сами сделали вывод, что в песне одинаково важны и музыка и слова – синкретичное музыкально-литературное произведение. Незаметно, на знакомом материале, ребята смогли сделать важное открытие, что не всегда в жизни все четко разделяется по разным «отделам» науки, что мир целостен, иногда мы не можем разделить знания по разным предметам, как делим в школе, что это деление в чем-то искусственно. Так, песню мы можем изучать и на уроке музыки, и на уроке литературного чтения, и на «совместном» уроке.

Данный урок показал ученикам многообразие мира культуры, разбудил интерес и творческую активность. Учителя же увидели, что при некоторых «минусах» (на таком уроке нельзя конкретно проверить первичное усвоение темы каждым учеником, поработать со слабыми учениками) преимуществ в таком уроке гораздо больше. И самое важное – он отвечает главным требованиям времени – воспитанию гармонической, современно мыслящей личности.

Статья посвящена проблеме обучения и воспитания учащихся младших классов в процессе преподавания гуманитарных дисциплин и освоению такой формы как интегрированный урок.

Ключевые слова: интегрированный, терминология, поэзия, музыка, межпредметные связи, гармонизация.

Статтю присвячено проблемі навчання та виховання учнів молодших класів в процесі викладання гуманітарних дисциплін та осягненню такої форми як інтегрований урок.

Ключові слова: інтегрований, термінологія, поезія, музика, міжпредметні зв'язки, гармонізація.

The article is dedicated to problem of the learning and education pupils of junior classes at process of the teaching of humanitarian discipline and mastering of such form as integrated urok.

Key words: integrated, terminology, poetry, music, intersubject communications, harmonizaciya.

УДК 81-11

И. В. Фирсова

**КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВА
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ
(к постановке проблемы)**

В классическом научном мышлении было традиционным определение пространства в качестве объекта естественнонаучных и умозрительно-философских построений. Основание для становления «пространства» как научного термина было заложено в контексте западно-европейской традиции в античности, в трудах Платона и Аристотеля, которые ввели рациональную теорию как таковую. В Новое время Ньютон и Лейбниц операционализировали пространство, превратив его в физическую величину и сделав пространство элементом рациональной теории. Таким образом, благодаря Лейбницу и Ньютону на протяжении нескольких веков пространство считалось сугубо научным понятием. Но следует отметить, что уже в Новое время начинается переосмысление роли науки в культуре. Так Кант и его сторонники заговорили о культуре как об особой реальности. Культура вовсе не едина, она представляет собой комплекс множества частей. Каждая из них полна собственного смысла и является ценностной сама по себе.

Содержание современной культуры свидетельствует о необходимости пересмотра сложившихся в вопросе изучения пространства установок и требует всестороннего изучения данного феномена. Наиболее эффективным инструментом для философии культуры в изучении пространства является концепт.

Концепт – один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики. Он связан, прежде всего, с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно –

прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс», «картина мира» и др., для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в ее творениях – текстах.

В когнитологии под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с. 114]. Термин и понятие концепт широко используются и при описании языковой семантики. Нередко значения языковых выражений приравниваются к соответствующим концептам. Однако как перспективное оценивается то направление в семантике, которое придерживается идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому, поскольку общечеловеческие концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях.

В лингвокультурологии концепт мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование. Приведем наиболее известные и интересные определения концепта.

По мнению В.В. Колесова, концепт представлен в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ.

И.А. Стернин рассматривает концепт как комплексный мыслительный образ, являющийся операционной единицей мышления и вербализуемый в процессе коммуникации теми или иными речевыми средствами [2, с. 58].

Н.Д. Арутюнова считает, что концепт является результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, система ценностей [3, с. 36].

Д.С. Лихачев под концептом понимал «алгебраическое выражение значения, которым носители оперируют в устной и письменной речи» [4, с. 28].

С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово» подчеркивал, что наиболее важной функцией концепта является функция заместительства. [5, с. 268].

С точки зрения В.Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструктор, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание [6, с. 67].

Удачное определение концепта дает А. Вежбицкая, которая понимает под концептом объект из мира «Идеальное» отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [7, с. 90].

По мнению С.Х. Ляпина, концепт – это «вариант отражения значения» [8, с. 322].

Принципиальное отличие концепта состоит в том, что он, служа единицей исследования языка и культуры, сам не лежит ни в языковой, ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно. Концепт есть ментальная единица, элемент сознания.

Концепт связан со знанием, которое отражает существующие признаки объекта. Концепт богаче по содержанию и неразрывно связан с миром культуры.

И здесь будет уместным привести определение «концепта» Ю.С. Степановым, которое мы возьмем за основу: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 40].

Предложенное Ю.С. Степановым определение относит концепты к сфере языка. По мнению этого ученого, в структуру концепта, с одной стороны, входит все, что имеет отношение к строению понятия; с другой, к структуре концепта относится все то, что делает его фактом культуры.

Учитывая все вышесказанное, перейдем к рассмотрению концепта пространства в разрезе современных лингвистических направлений, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Проблемами изучения пространства и времени человеческая мысль занята еще с древних времен. Все древние мыслители и философы пытались осмыслить и объяснить эти кардинальные для человеческого бытия категории.

Как справедливо отмечает В.Г. Гак, из двух основных свойств движущейся материи – пространство и время – пространство легче воспринимается человеком. Для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком [10, с. 670]. Пространственные представления человека постепенно эволюировали от наивно-бытового, наглядного, архаического, восприятия пространственных форм и отношений к более умозрительному, абстрактному и научному его объяснению.

Е.С. Кубрякова считает, что в сознании архаического человека пространство воспринималось как «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей, которое наблюдаемо, видимо и осязаемо, частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты» [11, с. 26].

Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие пространства, представление об его непрерывности/прерывности, абсолютном или относительном характере, конечности/бесконечности, протяжности, трехмерности, размерности, геометрической и топологической разновидности, стали различать геометрическое, физическое, географическое, космическое и другие виды пространства. Пространство – одна из основных категорий бытия, форма существования материи, отражающая протяженность и расположение предметов в мировом континууме, их положение относительно друг друга.

В связи с этим необходимо уточнить определение термина.

Большой энциклопедический словарь дает следующее определение: «Пространство и время – всеобщие формы существования материи; пространство – форма сосуществования материальных объектов и процессов /характеризует структурность и протяженность материальных систем/; время – форма последовательной смены явлений и состояний материи /характеризует длительность их бытия/. Пространство и время имеют объективный характер, неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью. Универсальные свойства времени – длительность, неповторяемость, необратимость; всеобщие свойства пространства – протяженность, единство прерывности и непрерывности» [12, с. 1067].

Словарь русского языка определяет пространство как неограниченную протяженность (во всех измерениях, направлениях). Это одна из основных всеобщих объективных форм существования материи, характеризующая протяженностью и объемом [13, с. 528].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова, И.Ю. Шведовой пространство является одной из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся объемом и протяженностью. Протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами [14, с. 622].

В.И. Даль находит, что пространство – состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; самое место это, простор, даль, ширь и глубь, место по трем измерениям своим [15, с. 514–515].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Б.М. Волина и проф. Д.И. Ушакова можно найти следующее определение: «Пространство – состояние материи, характеризующееся наличием протяженности и объема. Промежуток между чем-н.; место, способное вместить что-нибудь» [16, с. 1011–1012]

Украинский толковый словарь рассматривает пространство как фундаментальную категорию философии, естествознания, физики: «Простір – одна з основних об'єктивних форм існування матерії, яка характеризується протяжністю й обсягом. Необмежена протяжність (в усіх вимірах, напрямках); тривимірна протяжність над землею» [17, с. 298].

Нельзя обойти вниманием и определение пространства, данное французским толковым словарем: «Espace (lat. spatium) – entendue indéfinie qui contient et entoure tous les objets» [18, с. 342].

Н.И. Лобачевский, а вслед за ним А. Эйнштейн доказали, что пространство – это движущаяся материя. Таким образом, в исследовании этого концепта можно выделить несколько подходов: философский, культурологический, лингвистический и др. Для нас важно, прежде всего, как эти категории отражаются в языке, фиксируются в письменной речи и в произведениях искусства.

Влияние пространственных представлений на формирование национального менталитета отмечается современными культурологами, философами и лингвистами.

Ю.С. Степанов отмечает особенности национально-культурного восприятия пространства: «Обращение с пространством - определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns)» [9, с. 95].

На Ближнем Востоке, иностранец чувствует себя как бы в давке, и у него часто возникает ощущение тревоги. Дома и служебные помещения там устроены столь отлично от американских и европейских, что постоянно чувствуется недостаток места.

Различия организации пространства этим не ограничиваются. В Японии пересечения улиц имеют названия, а сами улицы – нет. Араб на простой вопрос, как пройти, дает такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему указаний. Колумбиец часто находит, что североамериканец, с которым он разговаривает, держится холодно и отчужденно только потому, что североамериканец не любит, чтобы до него дотрагивались и отступает назад тогда, когда колумбиец считает, что он подошел достаточно близко, чтобы заговорить.

Г. Гачев в своих трудах по культурологии уделяет значительное место влиянию географических и геополитических факторов на формирование национального менталитета различных народов. «Природа, среди которой народ вырастает и совершает свою историю, есть первое и очевидное, что определяет лицо национальной целостности. Она – фактор постоянно действующий» [19, с. 63].

Философское толкование категории пространства представляет собой еще более высокую степень абстракции в сравнении с наивно-

бытовой, географической и культурологической трактовкой его специфики и разновидностей. Пространство стремились осознать, определить и объяснить представители всех философских школ и направлений, начиная с античности и до наших дней.

Анализируя языковую концептуализацию категории пространства, столь сложно и противоречиво объясняемую и описываемую в научных исследованиях по философии, физике, геометрии, астрономии и другим наукам, имеющим отношение к локализации изучаемых явлений, лингвисты отмечают специфический характер восприятия и кодировки пространственных отношений в человеческом сознании и в языке. Представления о пространстве и времени являются существенным и важным фрагментом как научной, так и наивной картин мира, отражаемых каждым отдельным языком. Языковая репрезентация этих категорий базируется на весьма сложном их отражении в человеческом сознании, вбирающем в себя как наивно-бытовое их восприятие и толкование, так и некоторые строго научные методы, понятия и единицы, характерные для различных областей познания.

Кроме того, в языковом представлении сложно смешиваются различные типы пространств: реальное, перцептуальное и концептуальное, умозрительное, физическое, геометрическое, географическое, астрономическое и космическое, абсолютное и относительное, пустое, абстрактное и обжитое, антропоцентрическое, социальное, мифологическое, художественное и др.

Категория пространства лишь в последнее время стала привлекать внимание лингвистов как компактное и интегративное явление.

В последние несколько лет интерес к языковым единицам с пространственным значением чувствительно усилился в связи с применением когнитивного анализа, изучением языковой концептуализации мира, с языковой картиной мира и ее национально-специфическими особенностями. В работах нескольких представителей московской семантической школы началось последовательное изучение пространственной лексики и отдельных концептов, формирующих суперкатегорию пространства. Самые авторитетные представители семантического и когнитивного направления в современной русистике последних лет Ю.Д. Апресян, Р.М. Фрумкина, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, А.В. Кравченко, Е.С. Яковлева, И.М. Кобозева имеют разработки по методологии когнитивного анализа и описанию пространства.

Таким образом, концепт пространства достаточно актуален в наше время и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией

Е.С. Кубряковой. – М., 1996. **2. Стернин И.А.** Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. **3. Арутюнова Н.Д.** Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. **4. Лихачев Д.С.** Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М., 1997. **5. Аскольдов С.А.** Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака. – М., 1997. **6. Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. **7. Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. – М., 1996. **8. Ляпин С.Х.** О концептах и концептологии (в поисках нового подхода к моделированию деятельности) // Сб. резюме. – М., 1993. **9. Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. **10. Гак В.Г.** Пространство времени // Логический анализ языка: язык и время. – М., 1998. **11. Кубрякова Е.С.** Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). – М., 1997. **12. Большой энциклопедический словарь** / Под ред. А.М. Прохорова. – М., 1997. **13. Словарь русского языка** / Под ред. А.П. Евгеньева. – М., 1981. **14. Толковый словарь русского языка** / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М., 2000. **15. Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981. **16. Толковый словарь русского языка.** / Под ред. Б.М. Волина и проф. Д.И. Ушакова. – М., 1939. **17. Словник української мови** / Під ред І.К. Білодід та ін. – К., 1977. **18. Nouveau petit Larousse en couleurs.** – Paris, 1971. **19. Гачев Г.Д.** Наука и национальные культуры: Гуманитарные комментирования к естествознанию. – Ростов-н/Д., 1992.

Концепт пространства является одним из важнейших концептов культуры. Это фундаментальная категория философии, естествознания, социологии, физики и других гуманитарных и точных наук. Категория пространства характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, трехмерность. Она является важнейшей формой мира и жизни в нем человека. Пространство многообразно представлено в языке, сознании, культуре.

Ключевые слова: концепт, пространство, когнитивная лингвистика, дискурс, лингвокультурология, картина мира.

Концепт простору є одним з найважливіших концептів культури. Це фундаментальна категорія філософії, природознавства, соціології, фізики й інших гуманітарних та точних наук. Категорія простору характеризує довжину світу, його зв'язність, безперервність, структурність, тривимірність. Вона є найважливішою формою світу й життя в ньому людини. Простір різноманітно репрезентован у мові, свідомості, культурі.

Ключові слова: концепт, простір, когнітивна лінгвістика, дискурс, лінгвокультурологія, картина світу.

The concept of space is one of the major cultural concepts. It is a fundamental category of philosophy, natural sciences, sociology, physics and others humanitarian and exact sciences. The category of space characterizes the extent of the world, its coherence, continuity, structural properties, tridimensionality. It is a major form of the world and person's life in it. Space finds its variegated representation in language, consciousness, culture.

Key words: concept, space, cognitive linguistics, discourse, linguistic, culturology, world picture.

УДК 616.89.001.4

З. Н. Хомицкая

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА
(полисемия и омонимия в психиатрической терминологии)**

Исследования в области клинической медицинской терминологии направлены на ее упорядочение и унификацию, что, по мнению специалистов, является важной и насущной задачей, решение которой возможно на базе всестороннего ее исследования.

Функциональное значение термина — кратко, точно и однозначно выражать научное понятие, служить средством его отождествления и различения в специальном языке.

В языковедческой полемике 60–70-х годов XX века противопоставляли лексическое значение термина понятию, называемому термином. Анализ разнообразия мнений по этому вопросу резюмирует А. С. Герд: «1) термины имеют лексическое значение, но оно не сводится к обозначаемому понятию; 2) термины имеют лексическое значение, которое и есть понятие; 3) значение терминов и есть понятие, но лексического значения они не имеют; 4) термины обозначают углубленные научные понятия, в то время как обычные слова обозначают лишь наивные, обыденные понятия [1]. 2-й и 3-й подходы называют собственно терминологическим, терминоведческим, т. к. в рамках этих представлений семантическая сторона терминов изучается на основе заданной тем или иным объяснением значения терминов, как правило, — определением, дефиницией (подобной точки зрения придерживаются ученые А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, В.М. Лейчик, Е.Н. Толикина и др.). 1-й и 4-й подходы — лексикологические, представляется бесспорным в работах Л.Л. Кутиной, В.П. Даниленко, В.Н. Прохоровой, Б.Н. Головина, Р. Ю. Кобринина, Т.Б. Крючковой, С.В. Гринева. Если следовать ему, то не возникает вопрос о расхождении значения термина и понятия, выраженного термином, если употребление термина как знака ограничено только узкой профессиональной или тематической областью. Этот подход ориентирован на решение проблемы полисемии и многозначности терминологии, при котором лексические единицы с различными (хотя порой и близкими) значениями объединяются в одну словарную лексему [2].

Лексическое значение относится к концептуальной сфере и связывает концепт и слово. По определению В.М. Микитина, «значение есть концепт, схваченный знаком» [3]. «Концепт как единица когнитивная находится в диалектической взаимосвязи со значением — категорией семантической. Отличаясь степенью структурированности своего содержания (концепт менее структурирован), концепт и значение обнаруживают общий для них полевой принцип изоморфной организации, что и позволяет рассматривать семантику языкового знака как источник концептуальной информации» [4].

Концепты выполняют функцию «рубрикации опыта, различения и отождествления объектов, сохранения и передачи знаний» [5]. Средством репрезентации концептов психиатрических терминов является дефиниция. «Среди всех способов объяснения и фиксации терминологического значения дефиниция выделяется как особо значимый в силу того, что таким образом полностью вербально идентифицируется понятийная сторона знака, во-первых, и делается это с наибольшей точностью, во-вторых» [6]. Именно дефиниции, для которых обязательным является выполнение целого ряда логических и лингвистических требований, являются в своей совокупности «существенным моментом в познании мира» [7].

Следует подчеркнуть, что между словом и концептом нет однозначного соответствия, потому что один и тот же концепт может быть выражен разными словами (синонимические отношения), разные концепты могут быть выражены одним словом (отношения полисемии и омонимии) [8]. В данной статье остановимся на явлениях полисемии и омонимии в психиатрической терминологии.

Полисемия научно-технических терминов представляет собой естественное, неизбежное и закономерное языковое явление, обусловленное непрерывным формированием и развитием логико-семантических связей в силу возникновения новых понятий [9].

«Термины не вообще многозначны. Они вынуждены обслуживать несколько систем понятий, сосуществующих в данной области знания, и поэтому-то мы имеем явление многозначности» [10].

Полисемия — важнейшее явление языка, которая свойственна всем естественным языкам. «Принято считать, что существование полисемии обусловлено, прежде всего, несоответствием между ограниченным числом языковых единиц (слов) и бесконечным числом предметов и явлений внешнего мира» [11]. Важнейшим признаком полисемии является семантическая целостность слова, которая обеспечивается наличием связи между значениями (семами) многозначного слова [12].

Д.С. Лотте писал о вреде полисемии: «Самый существенный недостаток для всех терминологических систем — многозначность» [13]. Но полисемия существует в научной терминологии, и мы находим большое количество многозначных терминов в психиатрической

терминологии. Приведём примеры, которые располагаем по видам возникновения полисемии:

1. Способность одного термина иметь несколько значений в психиатрической терминологии, которые отражают различные понятия:

асемия (*a-* + *sema* — *знак; гр.*) — 1) утрата способности образовывать и понимать звуковые и письменные знаки; 2) расстройство способности рисовать;

асимболия (*a-* + *symbolon* — *знак; гр.*) — 1) утрата способности понимать значение условных знаков и их правильного использования; 2) утрата памяти на образы, необходимые для образования понятий;

афразия (*a-* + *phrasis* — *речь, манера говорить; гр.*) — 1) невозможность говорить, обусловленная психотическими процессами (ступор, тяжелая деменция и др.); 2) утрата способности к логическому построению предложений, обусловленная патологическим мышлением;

дислексия (*dys-* + *lexis* — *речь, слово; гр.*) — 1) всякое расстройство чтения; 2) особое расстройство чтения, при котором больному удается прочитать первые слова правильно, но не удается прочитать следующие; 3) легкая степень алексии;

индоленция (*in-* + *dolens* — *болящий; лат.*) — 1) отсутствие болезненных ощущений, как следствие неврологического или психического заболевания, напр., при кататоническом ступоре, аналгезии и пр.; 2) безразличие, вялость, инертность;

гипестезия (*hypo-* + *aesthesia* — *чувствительность; гр.*) — 1) понижение поверхностной чувствительности; 2) ослабление чувствительности, интенсивности ощущений вообще. Неясное, отдаленное восприятие окружающего;

соматизация (*soma* — *тело; гр.*) — 1) патоморфоз некоторых психических болезней, при котором вегетативные расстройства преобладают над психопатологическими; 2) возникновение заболевания внутренних органов в результате психических конфликтов.

эквиваленты депрессивные — 1) приступообразно возникающие состояния, характеризующиеся соматическими жалобами (головная боль, мигрень, тахикардия), которые являются спутниками гипотимии, но не основным и ведущим симптомом циклотимической депрессии; 2) ипохондрические состояния, доминирующие в своей картине депрессивной фазы циркулярного психоза и нередко маскирующие основную психопатологическую симптоматику;

автоматизм речедвигательный — 1) кинестетический автоматизм, выражающийся в насильственных импульсах речи, принудительное движение языка и гортани (без речи). 2) разновидность психического автоматизма, выражающегося в насильственном восприятии собственной речи как чужой в результате мнимого внешнего воздействия.

2. В результате несовпадения значения слова общезыковой лексики и значения, выраженного идентичным по форме научным термином:

Термин	Значение в психиатрии	Значение в общезыковой лексике
Фурор	наивысшая степень эмоционального переживания — восторга или чаще гнева, наблюдается при маниакальной фазе циклофрении	шумный успех; восторженное одобрение
Ритуал	простое или сложное движение или действие, выполняемое в строго определенном порядке против воли и вопреки разуму с целью предотвращения воображаемого несчастья; наблюдается при навязчивом неврозе	священный обряд; церемония
Конфликт	наличие внутренних противоречий в психике индивида, противоречивых тенденций, установок и эмоций	столкновение, распря, разногласие, спор, грозящий осложнениями
Персонификация	приписывание сложным (зрительным и слуховым одновременно) галлюцинаторным образам свойств (качеств) конкретных лиц	олицетворение, представление отвлеченного понятия в человеческом образе
Компенсация	уравновешивание нарушенных функций, патологических процессов путем развития приспособительных процессов в организме или в органах. В психиатрической практике чаще всего упоминается в связи с психопатиями	вознаграждение за труд или за какой-нибудь ущерб; и др.
Комплекс	группа представлений, объединенных каким-либо переживанием, обычно сильно эмоционально окрашенным; во многих случаях комплекс определяет целостное поведение больного, а может стать и причиной психических заболеваний	совокупность предметов или явлений, составляющих одно целое; и др.

3. Этимологическая: примеры приводим *via* экскурса в развитие концептов терминов *меланхолия* и *мания*, руководствуясь тем, что: «Значения всех слов статичны как значения отработанной и характеризуемой постоянством знаковой системы и подвижны в зависимости от изменения действительности, ее освоения и развития мышления. Значения терминов, сверх того подвижны в зависимости от движения и разных форм научного знания» [14].

Термин «*меланхолия*» Гиппократ употреблял для обозначения состояний, возникающих в связи с развитием «черной желчи». Меланхолики, по Гиппократу, — это люди, отличающиеся робостью, печалью, молчаливостью, они боятся света и избегают людей, а меланхолия характеризуется страхом и печалью. Цельс (Рим, I век н.э.) говорит о ней уже как об одном из трех главных видов безумия, считая, что она состоит в печали, которая, по его мнению, причиняется разлитием черной желчи. У многих крупных западных психиатров, а если верить источникам, то и у древних писателей мы наталкиваемся на своеобразное изменение и расширение этого основного представления. Об этом свидетельствует замечательный итальянский врач XVII столетия Заккиас «в вопросе об отличии *мании* от *меланхолии* до сих пор не было ясности: Гиппократ пользовался обоими терминами как попало для обозначения одних и тех же расстройств; у Аретея, Целия Авремана и Павла Эгинского *мания* и *меланхолия* также сливаются между собой. Цицерон указал на то, что *меланхолия* и *неистовство* у римлян означали одно и то же; с другой стороны, *неистовство* — это то же, что *мания*» [15]. Заккиас четко различал обе болезни: по его мнению симптомами *меланхолии* были тоска и неподвижность, а агитация и возбуждение были симптомами *мании*. Пинель (Франция, 1745–1826) всякий вид частичного бреда причислял к *меланхолии* и считал, что она представляет две противоположные формы, одна из которых характеризуется чванной гордостью и нелепым обладания несметным богатством или неограниченной властью, а другая — малодушным унынием и нередко глубоким отчаянием. Эскироль причислял *меланхолию* к помешательству, сближал ее с тупоумием, делил ее на два вида, один из которых сопровождается экзальтацией, другой, названный им *липеманией*, поддерживался аффектами печали и подавленности. Рейль относил *меланхолию* к расстройствам движения, Гейнрот видел в основе ее отсутствие воли. Отечественные врачи в своем большинстве держались вышеуказанного основного представления о *меланхолии*, не расширяя его. В конце XVIII в. слова «тоска» и «меланхолия» нередко употреблялись как синонимы. В западной литературе термин *меланхолия* стал широко употребляться как общеупотребительное обозначение мрачного настроения. В этом словоупотреблении оно перешло и в славянскую литературу.

С.С. Корсаков во 2-м томе «Руководства по психиатрии» пишет: что касается термина *мания*, то по своему внешнему проявлению *мания*

делилась в XIX веке на несколько отдельных видов, носящих особые названия. Собственно говоря, прежде под названием *mania* разумелось вообще психическое расстройство, и к *мании* причислялись самые разнообразные болезненные формы. Так, прежде употреблялись такие термины, как *mania ambitiosa* (горделивое помешательство), *mania eritica* (любовное помешательство), *nymphomania* (букв. сумасшествие девушки по мужчине), *mania universalis*. В XIX веке термину *mania* старались придать более узкое значение, и им обозначалась характерная форма с определенными симптомами. Сам Корсаков отмечал три вида *мании*: *exaltatio maniacalis* — маниакальная экзальтация, *mania typica* — типичная мания, *mania gravis* — тяжелая мания, добавляя, что эти формы не могут представлять из себя нозологических единиц, а часто составляют лишь степени болезни и могут переходить одна в другую [16].

В настоящее время в психиатрии термин **меланхолия** имеет следующие дефиниции: 1) меланхолическая фаза маниакально-депрессивного психоза, 2) название, больше употреблявшееся в прошлом для всех состояний, характеризующихся подавленным настроением. Синонимом *меланхолии* служит термин *депрессия* (по некоторым авторам *меланхолия* — более выраженная степень *депрессии*). В некоторых современных учебниках по психиатрии (напр., в учебнике М.В. Коркиной et al.) термин *меланхолия* не употребляется вовсе [17]. В Психиатрическом энциклопедическом словаре термин *меланхолия* имеется и даже присутствуют 17 терминов 2-х, 3-х словных (основная схема их образования: *сущ. Nom. sing. + прил. Nom. sing.*). В данном случае перед нами яркий пример синонимии, когда наряду с современным термином *depressia* употребляется устаревший *melancholia* [18].

Термин **мания** имеет следующие дефиниции: 1) маниакальная фаза маниакально-депрессивного психоза, 2) устаревшее название, обозначающее любое психопатологическое состояние, сопровождающееся двигательным возбуждением и повышенным настроением, 3) устаревшее название, обозначающее изолированные психические нарушения, имеющие характер непреодолимых болезненных влечений, названные мономаниями, напр., клептомания, пиромания, дромомания, эротомания, суицидомания и др. С этого периода истории психиатрии сохранились и термины: *мания преследования*, *мания величия* и др. В «Психиатрическом энциклопедическом словаре» — 43 подобных термина (это или производные термины, где слово мания употребляется как конечный терминологический элемент: *арифмомания*, *астеномания*, *библиомания* и т.п. — подобные термины употребляются в современных учебниках по психиатрии как симптомы импульсивных действий; или двухсловные, напр., *мания веселая*, *мания величия*, *мания без бреда* и др.) [19].

4. Разные школы в разных странах:

синдром Обломова (назван по имени героя одноименного романа И. А. Гончарова) — 1) описан А. Маскиони (1957) и Дитрихом (1965) у психопатических личностей, чаще всего из высокопоставленных и хорошо обеспеченных семейств. Характерны слабоволие, апатия, лень. Эти лица длительно нуждаются в опеке и покровительстве старших, ждут от последних постоянных услуг, являются тиранами в семье; 2) описан Вермутом (1975) и проявляется у депрессивных больных, испытывающих трудности при утреннем подъеме из постели.

Проблема **омонимии** не только неразрывно связана с проблемой полисемии, но, несомненно, является важной составной частью последней, ибо сама омонимия — не что иное, как предел семантического варьирования слова [20].

Термины, существующие в разных профессиональных областях научной терминологии, идентичные по форме, но несовпадающие по значению, т.е. имеющие разные концепты, мы относим к омонимам. В таблице приведены примеры подобных омонимов, даже беглое прочтение дефиниций которых говорит о том, что в большинстве из них (дебют, компенсация, аттитюд и др.) ломки в семантике не происходит (делаем акцент на этом характерном признаке омонимии в научной терминологии, считая, что это главное расхождение с омонимамии общеязыковой лексики, определение которых закреплено в словарях как: омонимы — это слова или формы слов, тождественные по звучанию, но совсем различные по значению). Можно, конечно, подобные термины отнести к многозначным, которые мы фиксируем под пунктом 2 (*в результате несовпадения значения слова общеязыковой лексики и значения, выраженного идентичным по форме научным термином*), не ограничиваясь общеязыковой лексикой. Возникновение подобного вопроса говорит о том, что в современной лингвистике существует проблема разграничения омонимии и полисемии и ученые Viehweger; М.П. Кочерган предлагают рассматривать всю проблематику, связанную с омонимией в рамках полисемии, но в таком случае как поступать с терминами, полностью отвечающими классическому определению омонимии (фуга, эквивалент, резонанс и др.). В.В. Левицкий пишет о том, что поиски объективных критериев установления границ между «подлинной» полисемией и омонимией — задача дальнейшего экспериментального изучения смысловой структуры слова [21]. Итак, из большого семейства многозначных слов выделяем группу омонимов на фоне разных научных терминологий:

Термин	Значение в психиатрической терминологии	Значение в других терминологиях
Фонемы	словесно оформленные галлюцинации	<i>в лингвистике</i> — звуки речи, рассматриваемые как звуковой знак языковой системы, способствующий различению значений слов и их грамматических частей
Фуга	внезапное кратковременное двигательное возбуждение	<i>в музыке</i> — одна из основных музыкальных форм многоголосого стиля
Фаза	приступ психической болезни, после окончания которого не наступает существенного изменения личности, протекает чаще в форме аффективных или аффективно-бредовых расстройств.	<i>в астрономии</i> — фаза Луны или планеты — вид небесного тела, изменяющийся в зависимости от освещения его Солнцем; <i>в физике</i> — состояние колеблющейся частицы по отношению к положению равновесия; и др.
Эквивалент	острое расстройство психики при эпилепсии	<i>в экономике</i> — товар, в котором выражается стоимость другого товара; <i>в химии</i> — количество элемента, которое соединяется с одной частью водорода или замещает ее в соединениях
Атитюд	положение тела при истерическом припадке	позиция <i>в классическом балете</i>
Инверсия	качественное расстройство функций (напр., сна) или влечений (сексуального и пищевого инстинкта) по отношению к их содержанию и объекту	<i>в лингвистике, литературе</i> — перестановка слов, нарушающая обычный порядок их в предложении; конструкция с обратным порядком слов
Конституция	совокупность относительно устойчивых морфологических и функциональных (в том числе и психических) свойств человека	<i>в юриспруденции</i> — собрание основных государственных законов

Короткое замыкание	внезапные действия, аффективно обусловленные, внешне упорядоченные, как бы отщепленные от личности	<i>в электротехнике</i> — такое соединение проводов, которое дает электрическому току возможность течь более коротким путем, вне приборов, включенных в цепь, и потому чрезмерно нагревает и воспламеняет провода
Защита	тесно связанное с сопротивлением понятие защиты — “общее название для всех специальных приемов, которые Эго использует в конфликтах, могущих привести к неврозу”	<i>в юриспруденции</i> — защищающая сторона в процессе судопроизводства
Сопротивление	совокупность психологических сил у субъекта, находящегося в процессе психоанализа, которые противопоставляются прогрессу познания себя	<i>в электротехнике</i> — степень электропроводимости тел
Резонанс	способ “восприятия” события, переживания или мысли, существующих вне человека, его психики	<i>в физике</i> — ответное звучание одного из двух тел, настроенных в унисон
Дебют	начало психического заболевания, напр., дебют шизофрении	<i>в искусстве</i> — первое выступление артиста
Комициальный	комициальная болезнь, т.е. эпилепсия (<i>эпилептический припадок с участником народного собрания считался дурным предзнаменованием, и собрание прерывалось</i>)	<i>в юриспруденции</i> — комициальное уголовное производство (комициальный — относящийся к народному собранию)

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) значение является концептом, который подлежит полной языковой интерпретации и находит свое выражение в конкретной форме;
- 2) при возникновении полисемии в идентичных по форме терминах сосредотачиваются разные концепты, связанные между собой основным значением термина;
- 3) в психиатрических терминах — омонимах в большинстве случаев ломки в семантике не происходит;

4) психиатрические термины обладают большой когнитивной насыщенностью, т. к. в них закреплены результаты познавательной деятельности человека.

Литература

- 1. Герд А.С.** Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии. – Воронеж, 1980. – С. 3–9; цит. по: Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб., 2003. — С. 6. **2. Шелов С.** Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб., 2003. — С. 8–9. **3. Никитин В.** Лексическое значение в слове и словосочетании. — Владимир, 1974; цит. по: Кубрак И. С. Фразеологизмы-идиомы в антропоцентрическом и когнитивном осмыслении // Мова і культура. — Вип. 8. — К.: Дом Дмитра Бурого, 2005. — С. 227. **4. Чесноков И.И.** Культурные концепты и ономастическое пространство языка // Ономастика Поволжья: Материалы IX конф.. — М., 2004. — С. 91; цит. по: Сироткина Т.А. Когнитивная этнонимика // Культура народов Причерноморья: Материалы науч. конф. Ялта, 2006 г.– 2006. – № 82. – Т. 2. – С. 153. **5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др.** Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: МГУ, 1997. — С. 90. **6. Шелов С.Д.** Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб., 2003. — С. 32. **7. Там же.** **8. Бессонова О.Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецк, 2002. — С. 40. **9. Медведев А.Р.** К вопросу о многозначности терминов // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: Науч. симпозиум. — М.: МГУ, 1971. — С. 451–455. **10. Канделаки Т.А.** Национальная терминологическая работа и словари системного типа // Роль теории... — Таллин, 1982. — С. 69–76. **11. Левицкий В.В.** Семасиология. — Винница: НОВА КНИГА, 2006. — С. 159. **12. Там же.** — С. 176. **13. Логте Д.С.** Как работать над терминологией. — М., 1968. — С. 8. **14. Котелова Н.З.** Семантическая характеристика терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л.: Наука, 1976. — С. 37. **15. Осипов В.П.** Курс общего учения о душевных болезнях. — Берлин, 1923. — С. 155. **16. Корсаков С.С.** Курс психиатрии. — М., 1901. — Т. II. **17. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е., Сергеев И.И.** Психиатрия. — М., 2004. — 566 с. **18. Психиатрический энциклопедический словарь.** — К.: МАУП, 2003. — 1193 с. **19. Там же.** **20. Ахманова О.С.** Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с. **21. Левицкий В.В.** Семасиология. — Винница: НОВА КНИГА, 2006. — С. 186, 189.

В статье рассматривается вопрос о значении термина. Фиксируется существование в психиатрической терминологии проблемы разграничения полисемии и омонимии.

Ключевые слова: психиатрическая терминология, значение, концепт, полисемия, омонимия.

У статті розглядається вопрос о значенні терміна. Фіксується існування в психіатричній термінології проблеми розмежування полісемії і омонімії.

Ключові слова: психіатрична термінологія, значення, концепт, полісемія, омонімія.

The article is dedicated to the question of semantics of term. The existence in psychiatric terminology a problem of differentiation of polisemy and homonymy is fixed.

Key words: psychiatric terminology, semantics, concept, polisemy, homonymy.

УДК 821.161.1.09 + 821.161.2.09]

А. А. Чернов

КОНЦЕПЦИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬМАНАХА «КРЫЛЬЯ»

Литературная картина эпохи без продолжающихся специальных изданий не может быть полной. Издания, концентрирующие в себе живой литературный процесс, – это в первую очередь журналы и альманахи. Ю.Н. Тынянов отмечал, что журнал является «самостоятельным *литературным* явлением» (выделено Ю. Тыняновым. – *А. Ч.*) [1, с. 147]. По его мнению, журнал должен обладать рядом черт, выражающих «литературную нужность» журнала. Отсутствие «литературной нужности» делает журнал неинтересным читателям, произведения, опубликованные в таком журнале, обречены на безразличие современников.

Рассуждая о литературной периодике 20-х годов XX века, Тынянов приходит к мысли, что нужность журнала определяет не его направление, а сама конструкция. «Сейчас “журнал”, “альманах”, “сборник” – всё равно; они различны только по направлениям и по ценам... Но ведь это не всё – самая конструкция журнала ведь имеет своё значение; ведь весь журнальный материал может быть хорош, а сам журнал как таковой плох» [1, с. 147]. При этом сам Тынянов видел основную роль журнала как литературного явления в полемической критике.

Термин «конструкция», применяемый Юрием Тыняновым, нужно понимать шире, нежели структурирование или упорядочивание материалов в журнале (или альманахе). Как нам кажется, автор вкладывал в данный термин более глубокое содержание, выражающее

смысловую целесообразность помещаемых в периодическое издание материалов. Поэтому «конструкция» – это не только форма, но и содержание, главная идея, находящая свое воплощение в конкретной форме. В связи с этим, тыняновский термин «конструкция» близок по смыслу термину «концепция».

При изучении русскоязычной литературы Украины последних лет невозможно обойти стороной журналы и альманахи, которые, отражая движение литературы, участвуют в формировании литературного процесса. Большинство журналов и альманахов издается в провинции, что говорит не только об отсутствии единого литературного центра в стране, но и о сформированности литературных элит в ряде крупных городов: журналы «Радуга» (Киев), «Ковчег» (Житомир); альманахи «Свой вариант» и «Крылья» (Луганск), «Провинция» (Запорожье), «Звукоряд» (Одесса) и др.

Специфике современного литературного процесса на Украине посвящено значительное количество публикаций, однако серьезных работ, исследований концепции литературных журналов либо альманахов, пока нет. Это вносит существенный пробел в осмыслении современного русскоязычного литературного процесса Украины.

Цель данной статьи – представление концепции регионального литературно-художественного издания.

Под *концепцией* (от лат. *conceptus* – мысль, представление) *альманаха* мы понимаем объективный результат творческого взаимодействия редколлегии и литераторов, выраженный в идейно-эстетической направленности содержания конкретного литературного издания. Объект исследования – луганский альманах «Крылья».

Литературно-художественный альманах «Крылья» издается с сентября 2006 года. На данный момент вышло два номера, в производстве третий. Альманах содержит несколько разделов: «Поэзия», «Проза», «Литературный перевод», «Литературоведение», «Литературное наследие», «Критика». Во втором выпуске альманаха началась публикация воспоминаний Н. Милоновой, вдовы советского поэта, ученика С. Есенина, Ивана Приблудного.

В качестве иллюстраций в альманахе представлена графика луганских художников.

Несмотря на непродолжительность издания, «Крылья» уже получили высокую оценку со стороны некоторых литераторов. Так, известная русская поэтесса, член Правления Союза писателей России, Татьяна Смертина прислала редколлегии письмо (опубликовано в «живом журнале» поэтессы), в котором, в частности, заметила: «Думаю, луганский альманах «Крылья» по содержанию и разнообразию материала не уступает столичным журналам России» [2].

Столь высокая оценка говорит прежде всего о высоких критериях отбора материала в альманахах. Но альманах – это не только совокупность прозы и поэзии. Качественная поэзия и проза не могут сделать из

сборника литературный альманах (пример тому – многочисленные сборники литобъединения СТАН). Здесь уместно вспомнить мнение Юрия Тынянова, который называл главным критерием «нужности» периодического издания наличие критического материала, а также критической полемики [1].

В первом выпуске альманаха «Крылья» (сентябрь 2006) было опубликовано пять критических статей разного жанра, в частности рецензии, критическая статья, литературно-критическое эссе. Во втором выпуске альманаха (апрель 2007) в разделе критики было опубликовано одиннадцать статей, хотя жанровый спектр стал не намного шире. В двух статьях-рецензиях на предыдущий выпуск альманаха авторы (Л. Черниенко и И. Зайцева) вступают в полемику с мнением редколлегии. Суть возражения в том, что редколлегия в предисловии к альманаху заявила об отсутствии литературной критики в Луганске [3; 4].

Отметим, что живая полемика по существу вопроса – беспрецедентное для Луганска явление (по крайней мере, в последние 25-30 лет). И не только для Луганска. Даже московские литературоведы (А. Немзер, Н. Иванова, Л. Данилкин и др.) негодуют по поводу «недискуссионности» современной критики.

Обилие литературно-критических статей в альманахе «Крылья» особенно контрастирует в сравнении с литературным альманахом «Свой вариант», также издающимся в Луганске, но являющимся органом Межрегионального союза писателей Украины (всеукраинский центр МСПУ находится в Луганске). Так, в последнем, девятом, номере «Своего варианта» (2006) было опубликовано только две критические статьи.

Критические статьи, эссе, рецензии в альманахе «Крылья» посвящены литературному процессу Луганщины и отображают интерес читателей к луганской литературе (лишь одна статья во втором выпуске посвящена не луганскому, а московскому автору).

Таким образом, литературная критика – важнейшая составляющая «Крыльев», во многом определяющая облик альманаха.

В разделе литературоведения публикуются материалы, касающиеся как местной (Бишарев, Смоленский, Приблудный), так и русской классической литературы (Есенин, Набоков). Большинство статей эссеистичны, что соответствует духу времени, т.к. эссеистичность стала на рубеже XX–XXI столетий знаковым явлением как в художественном творчестве, так и в науке.

Художественная литература в альманахе представлена прозой и поэзией. «Традиционное» и авангардное направления литературы представлены практически в равном соотношении, что говорит о сформировавшихся литературных школах на Луганщине. В гендерном отношении преобладают авторы-женщины, и это также отображение общелитературных процессов, связанных с феминизацией.

Заявленный редколлегией в предисловии ко второму выпуску «Крыльев» ориентир на свободу мнений, оценок, идей, методов, форм словесного творчества также определяет лицо альманаха.

Литература

1. Тынянов Ю.Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 147–149. **2. www.t-smertina.livejournal.com.** **3. Черниенко Л.** «Первый взмах» – не первый блин (попытка рецензии) // Крылья: Взмах второй. – Луганск: Янтарь, 2007. – С. 87–88. **4. Зайцева И.** Альманах «Крылья»: Взмах первый (рец.) // Крылья: Взмах второй. – Луганск: Янтарь, 2007. – С. 89.

В статье представлена концепция регионального литературно-художественного альманаха «Крылья». Раскрыты особенности содержания и формы альманаха.

Ключевые слова: литературно-художественный альманах, литературный процесс, критика, концепция.

У статті висвітлена концепція регіонального літературно-художнього альманаху «Крила». Розкриті особливості змісту і форми альманаху.

Ключові слова: літературно-художній альманах, літературний процес, критика, концепція.

The conception of the regional literary and artistic miscellany «Krylya» is presented in the article. The specific features of content and form of the miscellany are shown.

Key words: literary and artistic miscellany, literary process, criticism, conception.

УДК 81. – 11/165.194

Л. В. Четырешникова

КОНЦЕПТ: ПОДХОДЫ В ЕГО ПОНИМАНИИ

Приоритетными в современной лингвистике признаются научные работы, выполненные в рамках филологического концептуализма. Его базисным термином выступает концепт – сложное структурно-смысловое образование, которое не имеет сегодня однозначного толкования среди исследователей. Авторы часто связывают с ним различные теоретические трактовки, а это усложняет его адекватное восприятие. Анализ современных лингвокультурологических исследований свидетельствует о том, что ученые стараются найти самые точные характеристики для этого термина.

Объектом исследования в рамках данной статьи является феномен концепт. Такое определение объекта исследования свидетельствует о его актуальности. Перспективы развития современной лингвистической науки видятся в изучении различных

видов взаимодействия когнитивных и языковых структур, в моделировании структур знания, лежащих в основе конкретных языковых единиц, категорий и их реализаций, в установлении места и роли этих структур в языковой картине мира. Именно концепты занимают особое место среди них.

Целесообразно вначале будет обратиться к происхождению и внутренней форме (этимону) слова *концепт*. В латинском языке слово *conceptus* является замыкающим в следующей деривационной цепочке: *cario* «брать, взять; получать, принимать; выбирать, избирать; захватывать; ловить, поймать; усваивать, понимать, постигать» > *concipio* «собирать, принимать; вбирать в себя; представлять себе, воображать; соображать, задумывать; зачать» > *conceptus* «накопление; зачатие; плод, зародыш». Родственное слово *conception* означает «соединение, сумма, совокупность; зачатие; словесное выражение». Для многих исследователей важна идея: «взять извне и собрать вместе > понять (т.е. поймать/ схватить умом)» [15, с.15–16].

Существует ряд подходов в понимании концепта: когнитивный, культурологический, антропоцентрический (помогает выявить «человеческий фактор» в языке.), аксиологический (позволяет интерпретировать концепты как культурно значимые для языкового сознания, предопределяющие выбор пути человека в познании действительности и посредством которых человек выражает свое отношение к миру), общефилософский и др.

Ц е л ь данной работы – рассмотреть принципы изучения смысла концепта, представленные в современных лингвистических исследованиях.

Когнитивный подход (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин и др.) позволяет декодировать «скрытые» механизмы вербализации мыслительных структур в процессе познания. Данный подход представляет язык как средство доступа к сознанию носителей языка.

Е.С. Кубрякова постулирует концепты как «оперативные единицы ментального и психологических ресурсов нашего сознания, которые служат объяснению той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, содержательные единицы памяти, ментального лексикона, языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7, с. 90]. Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов знания». Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать сведения как об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах. Эти сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает и

воображает об объектах мира. Концепты сводят разнообразия наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строителями концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенную выработанную обществом категорию и классы. Два и более разных объекта получают возможность их рассмотрения как экземпляров и представителей одного класса или категории [9, с. 157]. Всю познавательную деятельность человека можно рассматривать, как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты. Концепт возникает для обеспечения операций этого рода.

Подход, предложенный Е.С. Кубряковой, поддерживает в своих работах Е.А. Селиванова, которая приравнивает концепт к ментально-психонетическому комплексу. Ментально-психонетический комплекс – «определенным образом организованная, разнотрансная единица знаний, включенная в сознание человека и его коллективное бессознательное и выделяющаяся нами в концептосистеме для описания мотивирующей базы внутреннего программирования наименований» [11, с. 112]. В составе ментально-психонетического комплекса представлены: 1) вербализованный компонент мышления, включающий знания в языке и знания о языке, где знания в языке – это любые описания мира – научные, художественные, фольклорные, отразившиеся на нашей концептуальной модели, но прошедшие перед этим вербальную обработку другими говорящими и потому приходящие к нам тоже в языковой форме, и знания о языке – информация пользователей языка как системы в плане знаний об уровнево-категориальной иерархии, семантике, синтактике, прагматике языковых знаков; 2) невербализованный компонент мышления (опытные, образные, математические знания, знания культуры, искусства и проч.); 3) образы (гештальты), могущие иметь невербальный и вербальный статус [11, с. 113–114].

Вслед за М.В. Пименовой полагается, что концепт имеет сложную, не жестко организованную структуру, состоящую из признаков. Структура концепта – это «совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Признак – мельчайшая единица концепта, сходство между известным и неизвестным, утверждающееся на основе уподобления. Реконструкция структуры концепта осуществляется путем наиболее полного выявления возможных признаков, которые могут быть объединены по общей для них видовой или родовой ассоциативной характеристике» [цит. по: 13, с. 295]. Концепт имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень, опираясь на который можно выявить практически весь набор значимых

компонентов, которые формируют структуру того или иного концепта. Изучение всякого концепта предполагает вычленения мотивирующих признаков (установление этимологии обозначающего знака), понятийных признаков (выявление путем анализа значений слова, репрезентирующего концепт) и образных признаков (общие основания, по которым сравниваются некоторые несхожие явления) Образные признаки концепта делятся на 9 групп: витальные, антропоморфные (гендерные, социальные, эмоциональные, ментальные), зооморфные (анималистские, орнитологические, энтомологические), вегетативные, стихийные, предметные (артефактные), гастрономические, пространственные и временные [цит. по: 13, с. 295–303].

Одним из первых в лингвистике А.П. Бабушкин сделал попытку типологизировать концепты как когнитивные структуры с точки зрения содержания, организации и способа репрезентации как в сознании носителей языка, так и на уровне языковых форм выражения. Исследователь выделяет такие типы концептов: концепты-мифемы («снимаются» в коллективном представлении носителей языка с присущих предметам характеристик вследствие их здорового восприятия, а поэтому содержательным наполнением таких концептов являются линейные, объемные параметры объекта, особенности конфигурации и характеристик цвета); концепты-схемы (формируют перцептивную и когнитивную модель мира, выделяют общее в предметах, которые принадлежат одному классу, абстрагируясь от деталей, имеют иерархический характер, могут объединяться, формируя новые, сложные структуры, например, схема «стол» может взаимодействовать со схемами «мебель», «дом»); концепты-гиперонимы (идея которых передается гипонимом-прототипом (родо-видовые отношения и собственное функциональное общее понятие типа «воробей», «ласточка» – «птицы»)); концепты-фреймы (схемы стереотипных ситуаций, которые допускают определенные типичные роли и действия, например, «торговля», «рынок», «ресторан»); концепты-сценарии/скрипты (схемы событий, которые имеют временное пространство, сюжетный характер, состоят из эпизодов, последовательность и содержание которых зависит от культурных и социальных факторов, например, сценарии «лекция», «драка»); концепты-инсайты (денотаты лексем, которые репрезентируют этот тип концептов как мгновенное понимание, известное каждому человеку с детства и не требующие детального описания – «ножницы»); «калейдоскопические» концепты (концепты абстрактных имен, совокупность картинок, фреймов, сценариев, например, «совесть», «верность») [1].

В культурологическом подходе (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Бабаева, Т.В. Булыгина, В.В. Жайворонок, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, В.Т. Клоков, В.П. Нерознак, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев) подчеркивается, что

концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [14, с. 43]. Это изучение культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента, содержащего информацию о тех или иных предметах, явлениях, идеях, которые предоставляют ценность для носителей определенной культуры.

По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это то, посредством чего обычный человек сам входит в культуру и в некоторых случаях влияет на нее. Концепты не только мыслятся, они переживаются, они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека [14, с. 43]. Концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры. Ю.С. Степанов выделяет в концепте такие структурные слои: 1) этимологический слой (внутренняя форма); 2) пассивный (исторический) слой; 3) активный слой (актуальный признак). Каждый из этих слоев, разный как по времени образования, и по происхождению, так и по семантике, является результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Слои формируются в концепте соответственно изменению культурно-исторического окружения и сменяют друг друга. Первый – этимологический – основа концепта, второй – исторический – путь его развития, третий – актуальный – его современное состояние. В основном признаке, «активном» слое концепты актуально существуют для всех, пользующихся данным языком как средство их взаимопонимания и общения. В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Во всех таких случаях оживают «исторические» признаки концепта при общении людей внутри данной социальной группы. Внутренняя форма или этимология существует для пользователей данным языком опосредованно, как основа, на которой возникли и держаться остальные слои значений. Именно этимология делает концепт фактом культуры [14, с. 48–51].

В.В. Жайворонок обращает внимание на то, что за концептом стоит «не только предметная отнесенность, предметный смысл, но и слово – имя реалии, слово-знак как определенная интеллектуально осмысленная сущность, как субстанция значимая, или знак смысла... Концепт – это и содержание понятия, и смысл (а чаще всего комплекс смыслов) слова» [3, с. 25].

Лаконичным и емким является определение концепта В.И. Карасика: «Культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [5, с. 109]. Понятийная составляющая – это соотношенность концепта с денотатом (значением). В основе любого концепта лежит понятие – феномен логического, а потому и наднационального порядка. Но не каждое понятие имеет свой концептуальный коррелят, например, «бук» в сознание русского – просто понятие, а «береза» –

концептуализированное понятие. Понятие является рационально-логическим феноменом общечеловеческой значимости, концепт – когнитивно-перцептивным, отображающим специфику этнокультурного постижения определенного фрагмента мира. Образно-перцептивная составляющая – это те знания, образы, ассоциации, которые возникли в сознании в связи с денотатом. Воспринимаемые объекты реального мира вызывают в голове человека определенный ментальный образ соответствующего референта. Так, с помощью когнитивных операций мы можем воссоздать образ березы. Ценностная (валоративная) составляющая – суть коллективное подсознательное, она объективируется в единстве этнопсихологического, социодискурсивного и лингвокультурного начал концепта. Этнопсихологическая ценность – это те знания, образы и ассоциации, которые оживают в сознании человека благодаря его принадлежности к тому или иному этническому сообществу. Социодискурсивная ценность – эта функциональная сторона концепта, обусловленная теми знаниями, образами и ассоциациями, которые задаются жизненным миром человека вместе с коммуникативной культурой общества. Лингвокультурная ценность – это то, что наслаивается на понятия через знаковый код языка, а потому является интериоризованным знанием каждого члена лингвокультурного коллектива [10, с. 21–23].

По определению С.Г. Воркачева, концепт – лингвокультурологическая единица, единица коллективного сознательного \ бессознательного знания \ сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой, этнокультурной авторизацией семантических единиц [цит. по: 2, с. 108]. Исследователь выделяет концепты-автохтоны (внутриязыковые единицы, абстрагированные от значений своих конкретных языковых реализаций, которые содержат в своей семантике и предметные и этнокультурные семы), протоконцепты (ментальные единицы, которые обеспечивают эталон сравнения в межъязыковом сопоставлении и переводе), метафизические концепты (ментальные сущности высокой или граничной степени абстрактности) и потенциальные концепты (ментальные структуры, которые не имеют соответствующих лексем для своего выражения, а также не являются ценностно-значимыми для языкового общества, поскольку не могут быть описаны с помощью оценочных предикатов «хорошо», «плохо» и проч.) [4, с. 55–56].

Под концептом В.В. Красных понимает самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую идею «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью, и отличающуюся содержательной и структурной многомерностью с инвариантным прототипическим центром и размытой периферией [12, с. 281].

Общефилософский подход (В.В. Колесов) способствует пониманию онтологии объекта. Обратимся к определению понятия

концепт, которое предлагает В.В. Колесов. Он выделяет следующие функциональные свойства концепта: «постоянство существования, т.е. развитие семантики слова с развертыванием внутренней формы до логического предела (символ, миф); художественная образность, т.е. сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню; сохранение семантического синкретизма значений корня как семантический инвариант всей словообразовательной модели, встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры; общеобязательность для всех, сознающих свою принадлежность к данной культуре» [6, с. 35].

Необходимо отметить, что на основе взглядов различных исследователей выделяют пять подходов к термину «концепт»: концепт-заместитель (заменяющий предмет реального мира при осуществлении логических операций), концепт-представление (содержащий культурные и ценностные установки), концепт-посредник (как универсальная социокультурная единица, обобщающая опыт этноса в какой-либо сфере жизнедеятельности; с ее помощью осуществляется взаимодействие между субъектом и окружающим миром), концепт-квант (структурирующий знание, накопленное социумом) и концепт-комплекс (в составе которого выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты) [8, с. 346].

Итак, мы рассмотрели основные подходы к изучению понятия концепт, предложенные такими исследователями как Е.С. Кубрякова, Е.А. Селиванова, М.В. Пименова, А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов, В.В. Жайворонок, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, В.В. Красных, В.В. Колесов. Выбор методики исследования концепта определяется содержанием, которое вкладывает исследователь в термин. Учитывая собранный лингвокогнитологией опыт, мы определяем концепт следующим образом: концепт – единица сознания, которая включает мотивирующую, понятийную, образную, ценностную стороны; вербализованный и невербализованный компоненты; может вступать в отношении с другими концептами, воплощая определенные культурно обусловленные представления носителей языка о мире.

Перспективным для дальнейшего исследования представляется рассмотрение способов языковой репрезентации концептов в художественной литературе на материале английского языка и изучение национальной концептосферы с целью выявления ментальности ее носителей.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с. **2. Гершанова А.Ф.** Рай и ад // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – С. 106–118. **3. Жайворонок В.В.** Етнолінгвістика в колі суміжних наук // Мовознавство. – 2004. - № 5–6. –

С. 25. **4. Івашенко В.Л.** Типологічна диференціація концептуальних структур як одиниць ментального простору // Мовознавство. – 2004. – №1. – С. 54–61. **5. Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 109. **6. Колесов В.В.** Философия русского языка. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с. **7. Краткий словарь когнитивных терминов** / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 254 с. **8. Крюков А.В.** Интеллект // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т.3. – С. 344–347. **9. Кубрякова Е.С.** Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1988. – С. 150–157. **10. Приходько А.Н.** Концепт как трехмерное ментальное образование // Вісн. ХНУ. Сер. «Романо-германська філологія». – Х.: Константа, 2006. – Вип. 49. – С. 20–25. **11. Селиванова Е.А.** Когнитивная ономазиология (монография). – К.: Изд-во укр. философич. центра, 2000. – 248 с. **12. Сергеева Е.Н.** Судьба // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – С. 279–294. **13. Сергеев С.А.** Мечта // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – С. 294 - 316. **14. Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академ. проект, 2004. – 992 с. **15. Сусов А.А., Сусов И.П.** Размышления о концептах // Вісн. ХНУ. Сер. «Романо-германська філологія». – Х.: Константа, 2006. – Вип. 49. – С. 14–20.

В статье рассматриваются основные подходы к изучению понятия концепт. Анализ исследований свидетельствует о том, что существуют такие подходы как когнитивный, культурологический, антропоцентрический, аксиологический и общеполитический. Представители данных подходов вкладывают разнообразное содержание в толкование концепта.

Ключевые слова: концепт, ментальный лексикон, вербализация, признак, сознание.

У статті розглянуто основні підходи до вивчення поняття концепт. Аналіз досліджень свідчить про те, що існують наступні підходи: когнітивний, культурологічний, антропоцентричний, аксіологічний та загальнофілософський. Представники даних підходів укладають різний зміст у тлумачення концепту.

Ключові слова: концепт, ментальний лексикон, вербалізація, признак, свідомість.

The article deals with the basic approaches to the study of concept. The analysis of the researches states that there are such approaches as cognitive, cultural, anthropocentric, axiological and philosophical. The representatives of the given approaches put various content into the interpretation of concept.

Key words: concept, mental lexicon, verbalization, sign, consciousness.

И. В. Шаповалова

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПОДТЕКСТОВЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ
М. ВОЛОШИНА**

Комплексное осмысление идиостиля художника слова сегодня вряд ли возможно без обращения к понятию «концепт». Проблема концептуализации отдельных понятий в рамках авторского идиостиля в последнее десятилетие XX – начале XXI в. оформилась в поэтической лингвистике как одна из наиболее важных при исследовании особенностей авторского миропонимания.

Концептуальная модель в идиостиле М. Волошина до настоящего времени, по нашим наблюдениям, исследована недостаточно, поэтому целью исследования в рамках данной статьи является рассмотрение данного аспекта с позиций теории интертекстуальности.

При концептуальном анализе художественного (в том числе и поэтического) дискурса «основу отталкивания составляют понятийные категории» [1, с. 429] и способы репрезентации концептов в тексте. Представляется, что характерной особенностью функционирования концепта в художественном лирическом тексте является его одновременная представленность как элемента индивидуальной картины мира и языковой личности лирического героя, и затекстового субъекта – автора (базового концепта текстового пространства).

В тексте концепт обычно репрезентуется через *слово* – как правило, через *ключевое слово* дискурса или так называемое *слово-тему*. Слово-концепт может основываться как на архетипе, так и на кенотипе, т. е. или на «устойчивом образе, повсеместно возникающем в индивидуальных сознаниях и имеющем распространение в культуре», или на «”духовном” новообразовании», познавательно-творческой структуре, отражающей «новую кристаллизацию общечеловеческого опыта», которая сложилась «в конкретных исторических обстоятельствах» и выступает «как прообраз возможного и ли грядущего» [2, с. 389].

Концепт, существуя в определенной «идеосфере», обусловлен определенными ассоциациями каждого отдельного человека и «возникает в индивидуальном сознании не только как намек на возможные значения, но и как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом – художественно-словесный, научный, социальный, исторический» [3, с. 162].

«*Концептуализация...* – понятийная классификация... – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему *информации* и

приводящей к образованию **концептов**, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [4, с. 93]. Под концептуализацией В. Маслова понимает процесс, при котором «язык по-своему членит мир» и «отражает определенный способ восприятия и организации мира» [5, с. 64–65]. Изучение самого процесса формирования концепта, т. е. исследование языкового содержания с концептуальной точки зрения, имеет важное значение, так как именно изучение процессуального механизма может подводить к пониманию того, как «концептуализируется мир через призму языка и какую картину мира демонстрирует изучаемый нами и отдельно взятый язык» [6, с. 45–46].

Как отмечает В. Маслова, художественный (индивидуальный) концепт всегда представляет собой более сложный комплекс понятий, чувств, эмоций, которые возникают в сознании поэта на основе художественно-эстетической ассоциативности [5]. Такой концепт всегда глубоко индивидуален, он несет «отпечаток» творческой личности: чем богаче опыт, эмоциональный и культурный, автора, тем ярче и неповторимее его концепты, хотя, несомненно, в той или иной степени, в него включены и универсальные категории.

Интертекстуальность и циклизация принадлежат к главным системообразующим особенностям идиостиля М. Волошина, в которых отражены мироощущение, мировидение и миропонимание поэта. Применительно к творчеству этого автора, как представляется, справедливо говорить об индивидуально-авторском наполнении ряда понятий, отражающем процесс их индивидуально-авторской концептуализации, в том числе и при активном использовании эксплицитных и имплицитных интертекстуальных форм и элементов. К числу такого рода понятий следует, на наш взгляд, отнести понятие *Лик*.

Лексические средства связи в цикле между стихотворениями выполняют, среди прочих, и интертекстуальную функцию; повторяющиеся слова-символы несут в каждом своем употреблении особую эстетическую нагрузку, всегда семантически осложнены, что позволяет расширять смысловые ассоциации слов, соединяющих тексты.

Слово – понятие – образ «лик» демонстрирует концептуальную значимость на протяжении всего творчества М. Волошина, получая индивидуально-авторское осмысление. Это понятие поэт соотносил не только с внешностью, чертами лица человека: для поэта и художника был важен и *лик души*, и *лик земли*, и *лик города*, и *лик общественного события*. Вот как сам Волошин определял важность этого понятия для художника (а мы добавим – и для поэта): «Художник, пишущий портрет, только тогда сможет воссоздать *лицо* человека, когда разберет и передаст всю совокупность внешних и внутренних знаков, оставленных на нем стилетом времени. Такой портрет становится *историческим*... Точно так же исторический пейзаж стремится стать *историческим портретом* земли. Лицо земли складывается геологически, так же, как человеческое

лицо – анатомически, и точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на них стихиями и людьми: знаками мгновений» (из статьи «Константин Богаевский (1912)» [7, с. 219]. Именно поэтому в акварелях и поэтических произведениях Максимилиана Волошина мы зримо, выпукло видим и лица людей, и лицо его странной, суровой, прекрасной Киммерии, замершей в «трагическом жесте», через него с нами говорит древняя земля, уста которой «сжаты вековым молчанием». В Лике «Дух» должен быть «обнажен до дна» («Неопалимая Купина», цикл «Пути России»).

Интересным является тот факт, что поэт Сергей Наровчатов называл «киммерийский» цикл *сердоликом*, а не алмазом, как Брюсов, камнем, привычным для коктебельского берега. И если всмотреться и вслушаться в это метафорическое определение – «*сердолик*» – мы и там увидим и услышим отзвук знакового и значимого для Максимилиана Волошина слова: «-лик-»...

Это понятие будет оставаться важным для Волошина на протяжении всей его жизни, получая свое развитие не только в поэзии, но и в прозе (цикл критических статей «Лики творчества», где это слово уже может трактоваться как «метка», т. е. то, что дает возможность делать едва заметные, скрытые очертания личности и творчества «видимыми, явными», «распознаваемыми среди других»; позже это же слово трансформируется в «*личины*» (в старославянском языке обозначавшем «накладку, скрывающую лицо», «маску») [8, с. 213–214], когда речь пойдет о лице революции. Так будет названа часть цикла «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции», а в стихотворении «Я верен темному завету...» (цикл «Блуждания») Волошиным использован образ «личина труп».

Нами отмечено, что слово *лик* является в индивидуально-авторской системе М. Волошина одним из ключевых и, возможно, одним из самых частотных слов. Под ключевыми словами некоторые исследователи художественной речи понимают слова, «выражающие главную идею целого художественного текста» [9, с. 153]. Ключевые слова и словосочетания могут выступать в виде слов, словосочетаний и сочетаний слов разной грамматической оформленности. Ключевые слова, увеличивая смысловую емкость художественного текста, расширяют изобразительные возможности художественной речи. На их основе формируется концептуально-значимые понятия – художественные концепты, они же осуществляют функционирование автоинтертекстуальности в пространстве метатекста.

Так, практически во всех лирических циклических структурах во всем метатексте М. Волошина – от миницикла до метацикла – встречается слово *лик* в различных своих модификациях: *лик* – *лицо* – *облик* – *многоликий* – *ликовать* – *личины*. Звуковые повторы, формирующиеся на его основе, часто в позиции парных (смежных) рифм (например, *лик* – *миг*, *лик* – *майолик*, *лики* – *повелики*, *многолицей* –

птицей и т. д.), устанавливают дополнительные семантические связи между словами, их содержащими. Рифмующиеся слова, как отмечает Н. Черемисина, ассоциативно связаны на расстоянии «не только звучанием, но и по смыслу» [10, с. 91], и эта смысловая рифменная связь выступает как своеобразная автоинтертекстуальная переключка. Рифмы определенно связаны и семантически, если перевести их из вертикального ряда в линейный [Там же]. Они могут образовывать своеобразные «неполные предложения»; например, ассоциативные отношения типа атрибутивных: *лик – миг* (лик как миг, подобен мигу), *многолицей – птицей* (какой птицей?) и под.

Несмотря на то, что целостность подтекста «не закреплена в языке в полном объеме», но *диалогичность* взаимоотношений между текстом и подтекстом, вызываемых к жизни именно словом текста, обогащает текст и осуществляет *подтекст* [11, с. 167]. Подтекст является неким концептуальным результатом в организации текста, синтезом «вербального и невербального» [11, с. 167–168]. В роли стимулов, способствующих постижению подтекста, «могут выступать языковые “сигналы”, семантика которых» согласована с подтекстом как указывающий «путь к чему-то, не вмещающемуся в пределы языкового знака» [11, с. 168]. В таком случае текст может рассматриваться как «комплекс “сигналов”», через который происходит «сцепление» текста с подтекстом [Там же]. Являясь принципиально открытыми категориями, «сигналы» согласуются с самой «природой художественного мышления и постоянно обновляющегося поэтического языка», а в их роли «выступают, как правило, “напряженные” участки текста» [Там же]. К числу «“напряженных” участков текста» можно отнести и интертекстуальные знаки во всем многообразии их проявления и реализации, представляющие пресуппозиционные знания как автора, так и читателя.

Реализация интертекстуальных связей на подтекстовом уровне связана, прежде всего, с тем, что можно условно назвать «биографической цитацией»: реалии, события, входящие в «личную сферу» поэта находят отражение на вербальном уровне текста, составляя «скрытые» источники, «скрытые родники, под землей идущие долго, все питающие по дороге и прорывающиеся – в свой час» [12, с. 518].

Рассмотрим в качестве примера подтекстовой интертекстуальной информации, а также возможного индивидуального художественного (волошинского) концепта, одно из ключевых понятий – *полдень*. В метацикле «Годы странствий» это слово было употреблено 4 раза, в «*Selva oscura*» – 7 (в том числе этот час суток – «Полдень» – вынесен в позицию названия дважды).

«Полдневная сущность», столь близкая Волошину, разлита по всему пространству его метациклов, поддержанная контекстом, наполненным целой системой слов, содержащих семы 'огня', 'света', 'золота', 'зноя' и под., например:

Словно шелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом
(«Кастаньеты», цикл «Годы странствий»);

Темным золотом полудней
Осмугленный, знойный луг
(«Призыв», цикл «Алтари в пустыне»);

К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха...
В зное полудней глухих мы пьянеем, горькие травы...
(«Полдень», цикл «Алтари в пустыне»);

Я, полуднем объятый,
Точно терпким вином,
Пахну солнцем и мятой
(«Я, полуднем объятый...», цикл «Блуждания»);

Я весь внимающее ухо,
Я весь застывший полдень дня
(«Я верен темному завету...», цикл «Блуждания»);

Голос пламени в тебе напевней,
Чем глухие всхлипы древних вод...
И не ты ль знойнее и полднечней?
(«Напутствие Бальмонту», цикл «Облики») и т. д.

Но и сама сущность Волошина – «полднечная», как утверждает Марина Цветаева, «а полдень из всех часов суток – самый *телесный* (курсив наш. – *И. Ш.*), вещественный, с телами без теней и с телами, спящими без снов, а если их и видящими – то один сплошной сон земли. И, одновременно, самый магический, мифический и мистический час суток, такой же маго-мифи-мистический, как и полночь. Час Великого Пана, *Demon de Midi* (Демон Полудня (франц.)), и нашего скромного русского полуденного... – магия, мифика и мистика самой земли, самого земного состава» [12, с. 444–445].

Поэтому многие лирические тексты, и прежде всего «киммерийские», полны солнцем, насквозь прогретой сухой и сожженной им землей, запахом трав, расплавленных полднечными лучами.

Главным «интертекстуальным» фактором, оказывающим влияние на многие стихотворения «киммерийского» цикла, является, на наш взгляд, образ самой земли Киммерии, которая присутствует практически в каждом произведении цикла в тех или иных вариациях: в пейзаже («Полдень», «Карадаг», «Коктебель»), в горьком запахе «киммерийских» трав – полыни, шалфея, мяты, чобра, в «приметах» исторических событий, происходивших на этой земле («Гроза», «Пустыня», «Каллиера»); сюда же можно отнести и стихотворение «Дом поэта».

Постигая пейзаж, Волошин не воссоздает в лирических произведениях его внешние черты, а ищет корни каждого возникшего

образа, обнаруживает скрытый его смысл: «Художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Он должен пережить историю каждой ее долины, каждого холма, каждого залива. Опыт сердца, исходившего тоской в ее сумерках, и опыт ступней, касавшихся всех ее тропинок, ему дают не меньше, чем впечатление глазами» [13, с. 18]. В «киммерийских» циклах М. Волошина слышим и видим словесно-художественно зафиксированный «опыт сердца»; *Лик Киммерии* представлен адресату как результат слияния, «сплавления» культур и народностей, «овеществленных» в лирических текстах во всем многообразии интертекстуальных знаков и связей. Благодаря этому современный пейзаж вырастает из исторического, сквозь современность просвечивает древность, сквозь трезвый взгляд человека XX века – поэтические верования эллина. Поэтому в осмыслении поэта реальный Ревущий грот в обрыве Карадага – это еще и «вход в Аид» («Карадаг»), домашнее прозвище матери поэта, «неусыпной хозяйки» дома Волошиных – Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной – Пра, а южный склон горы Кок-Кая на Карадаге, обращенный к морю – это еще и профиль поэта:

И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой
(«Коктебель», цикл «Киммерийская весна»).

Душа Поэта сливается с душой земли:

...вся душа моя в твоих заливах,

О, Киммерии темная страна,
Заклочена и преображена
(«Коктебель», цикл «Киммерийская весна»).

Можно сказать, что и сам Максимилиан Волошин стал олицетворением Коктебеля, Киммерии, став своеобразным **genios loci**, духом хранителем этого места.

Мы знаем, что почти все акварели М. Волошина посвящены Крыму. «Но это не тот Крым, который может снять любой фотографический аппарат, а это какой-то идеализированный, синтетический Крым, элементы которого он находил вокруг себя, сочетая их по своему произволу, подчеркивая то самое, что в окрестностях Феодосии наводит на сравнение с Элладой, с Фиваидой, с некоторыми местами в Испании и вообще со всем тем, в чем особенно обнаруживается красота каменного остова нашей планеты» (Александр Бенуа, 1932) [14, с. 5].

«Симбиоз» в Максимилиане Волошине поэта и живописца вызвал к жизни целый ряд стихотворных пейзажей, в которых вербально представлена подтекстовая, личностная информация. Это, прежде всего, пейзажи его любимой Киммерии, созданные в изобразительной манере, наполненные поэтическими символами и философскими обобщениями. Поэт мыслит объемами, светом и цветом как художник, добавляя в эту

живописную картину еще и терпкий, горько-сладкий запах трав степного Крыма.

Например, в цикле «Алтари в пустыне» ИС *Киммерия* вербально не введено в текст, оно представлено через *пейзаж, цвета и запахи*, свойственные этой части Крыма, делающие ее неповторимой и осязаемой.

Исследователи выделяют в творческой натуре Максимилиана Волошина способность к визуальному мышлению. По своей природе глаз поэта был, прежде всего, глазом живописца, который бесконечно наблюдает, сопоставляет, организует предметный мир в законченную картину. И довольно часто картина эта находит свое отражение не только на живописном холсте, но и в поэтических строчках: и там и там перед нами возникает *лик Киммерии*. Вяч. Иванов еще в 1904 г. так определил сущность поэтического дара Волошина: «У Вас глаз непосредственно соединен с языком. В Ваших стихотворениях как будто глаз говорит. Все необыкновенно закончено».

Одним из универсальных компонентов художественного текста издавна считается *пейзаж*, выступающий как форма воплощения авторской концепции восприятия и отражения мира. Культурологический смысл и познавательно-эстетическое значение пейзажа связаны и двойственностью данного феномена: в нем соединяются рациональный и субъективный моменты. Пейзаж одновременно участвует в сюжете и композиции лирического произведения, оформляя внешнюю его сторону, и выражает внутреннее состояние человека. Восприятие природы часто становится неким критерием, по которому читатель судит о внутреннем состоянии лирического героя, его эволюции. Поэтика ландшафта служит в таких случаях средством «объективации» душевных состояний героя.

Немаловажную роль в индивидуально-языковой картине мира поэта играет и *цветовая картина*, являясь элементом его стиля и мировосприятия. Цвет выполняет не только номинативно-иллюстративную функцию, но является и своеобразной характеристикой, символом, и анализ цветообозначений-символов может стать ключом к более глубокому анализу образов и идей произведения. В поэтическом творчестве поэтика пейзажа и цвета является мощным фактором формирования индивидуального стиля автора.

Свое символическое понимание цвета Волошин наиболее полно выразил в статье «Чему учат иконы?» (1914). Раскрывая символизм трех основных цветов – желтого, красного и синего, он говорил, что они образуют для нас «все видимое»: красный – это земля, желтый – солнечный свет, синий – воздух. «Красный будет означать глину, из которой создано тело человека – плоть, кровь, страсть. Синий – воздух и дух, мысль, бесконечность, неведомое. Желтый – солнце, свет, волю, самосознание, царственность». Далее он раскрывает символику дополнительных цветов (мы остановимся на тех цветах (и основных, и

дополнительных, которые присутствуют в палитре «киммерийских» циклов). «...Лиловый цвет образуется из слияния красного с синим. Физическая природа, проникнутая чувством тайны, дает молитву. Лиловый, цвет молитвы, противопоставляется желтому, цвету царственного самосознания и самоутверждения. Оранжевый, дополнительный к синему, является слиянием желтого с красным. Самосознание в соединении со страстью образует гордость. Гордость символически противопоставляется чистой мысли, чувству тайны» [15, с. 292–293).

Изучив словесно-поэтическую и живописную палитру Волошина в цикле «Алтари в пустыне», мы можем выделить сочетание *лиловых* и *золотистых* цветов (включающее и весь набор их оттенков) как основное, доминирующее. Важно и то, что *желтый* (основной цвет пустыни, степи) преобразуется в *божественно-светоносно золотой*, что поддерживает развитие лирического сюжета в цикле и систему употребленных в нем ИС.

Вся система концептуально означенных и подтекстовых интертекстуальных элементов, присутствующих в лирических произведениях Максимилиана Волошина, являются универсальными компонентами идиостиля поэта, составляя часть имплицитно выраженной информации. В его лирических произведениях всегда присутствует «духовный автопортрет» автора, его мироощущение и мировосприятие. Его преображенная духовная сущность явлена нам в гармоничных поэтических образах картины прекрасного мира.

Формирующиеся в результате повторов ключевых слов художественные концепты, поддержанные всей системой не только контекстных, но и подтекстовых связей, являются отражением особенностей мироощущения, мировосприятия и миропонимания поэта, включающие как общий (базовый) компонент концептуальной структуры, так и индивидуально-авторский. На наш взгляд, в концептуальной системе, возникающей в идиостиле М. Волошина, отмечается преобладание именно индивидуально-авторского компонента. Именно индивидуально-авторский компонент в структуре концепта позволяют говорить и о феномене автоинтертекстуальности как основном свойстве языковой личности поэта (это можно наблюдать на примере не только «поэтической составляющей» его творчества, но и прозаической (художественно-критическое и эпистолярное), а также живописной, погруженными в глубоко личностный и общегосударственный контекст.

Литература

1. **Николина Н.А.** Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
2. **Эпштейн М.Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.
- 3.

Зайцева И.П. Концепт «Театр» в индивидуальном мировосприятии Максимилиана Волошина // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Науч.-метод. сб. / Отв. ред. В. А. Глущенко. – Вып. XIV. Памяти проф. О. Е. Ольшанского. – Ч. 1. – Славянск: СГПУ, 2006. – С. 160–181. **4. Краткий** словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с. **5. Маслова В.А.** Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с. **6. Кубрякова Е.С.** Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. – М., 1989. – 272 с. **7. Волошин М.** К. Ф. Богаевский – художник Киммерии // Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З. Д. Давыдов. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 219–222. **8. Цыганенко Г.П.** Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с. **9. Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с. **10. Черемисина Н.В.** Вопросы эстетики русской художественной речи. – К.: Вища шк., 1981. – 240 с. **11. Синельникова Л.Н.** Аспекты теории подтекста в лирическом стихотворении (роль семантической композиции в формировании подтекста) // Жизнь текста, или Текст жизни: В 3 т. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 1: Лингвистическая поэтика. – С. 163–177. **12. Цветаева М.И.** Живое о живом (Волошин) // Волошин М. Стихотворения. – М.: Книга, 1989. – С. 443–529. **13. Волошин М.** Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З. Д. Давыдов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 248 с. **14. Волошин М.А.** «Я к нагорьям держу свой путь...»: Стихотворения и акварели. – Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 1998. – 16 с. **15. Волошин М.А.** Стихотворения. – М.: Книга, 1989. – 344 с.

В статье рассматриваются концептуально-подтекстовые формы проявления интертекстуальности в лирических циклах М. Волошина.

Ключевые слова: интертекстуальность, лирический цикл, концепт, концептуализация, подтекст.

У статті розглядаються концептуально-підтекстові форми прояву інтертекстуальності у ліричних циклах М. Волошина.

Ключові слова: інтертекстуальність, ліричний цикл, концепт, концептуалізація, підтекст.

The article deals conceptual and undertext of the forms of the manifestation intertextuality are considered at lyrical cycles of M. Voloshin.

Key words: intertextuality, lyrical cycle, concept, conceptualization, undertext.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Архипова Настасья Петрівна, аспірант кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова (*Одеса, Україна*)

Балакіна Злата Юрійвна, кандидат філологічних наук, викладач кафедри іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Бєкрєшева Лариса Олексіївна, викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (*Луганськ, Україна*)

Васильєва Людмила Георгіївна, викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (*Луганськ, Україна*)

Волошина Євгенія Борисівна, викладач кафедри іноземних мов 2 Харківського національного автомобільно-дорожнього університету (*Харків, Україна*)

Грищенко Олена Володимирівна, викладач англійської мови МЧП «Лінгвістичний центр “Клас”» (*Луганськ, Україна*)

Долматова Ганна Олександрівна, магістр документознавства та інформаційної діяльності, методист Інституту післядипломної освіти Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Зайцева Ірина Павлівна, доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Зеленько Анатолій Степанович, доктор філологічних наук, професор кафедри української філології та загального мовознавства Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Ігнатова Олена Валентинівна, аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Камишнікова Яна Сергіївна, пошукувач кафедри російської мови Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Ковальов Валерій Іванович, кандидат педагогічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Кравченко Зінаїда Пилипівна, старший викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Красовська Оксана Володимирівна, докторант Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського, кандидат філологічних наук (сел. Лотіково Луганської обл., Україна)

Крисало Ольга Вікторівна, аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Курєнкова Галина Миколаївна, викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Лучик Алла Анатоліївна, доктор філологічних наук, професор кафедри української мови Національного університету «Києво-Могилянська академія» (Київ, Україна), Шльонський університет у Катовицях (Польща)

Маєвська Віра, кандидат філологічних наук, Ольденбургський університет (Ольденбург, Німеччина)

Матвєєва Світлана Анатоліївна, кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Мороз Тетяна Юріївна, викладач кафедри іноземних мов № 1 Національної юридичної академії імені Ярослава Мудрого, здобувач кафедри української мови Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди (Харків, Україна)

Неловкіна Наталя Ігорівна, аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Понікаровська Світлана Володимирівна, старший викладач кафедри іноземних мов 2 Харківського національного автомобільно-дорожнього університету (Харків, Україна)

Сазонова Євгенія Олександрівна, викладач кафедри іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Сафронова Наталя Вікторівна, аспірант Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди (Горлівка, Україна)

Сергєєва Вікторія Євгенівна, кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Скриник Ганна Василівна, кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри української мови Кіровоградського педагогічного університету імені Володимира Винниченка (Кіровоград, Україна)

Слиська Ганна Олександрівна, викладач кафедри іноземних мов 2 Харківського національного автомобільного університету (Харків, Україна)

Сура Лариса Геннадіївна, викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Тараненко Ольга Геннадіївна, аспірант спеціальності «Загальне мовознавство», викладач кафедри англійської філології Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Ткач Оксана Степанівна, учитель ДЗСШ № 1978 м. Москви (Москва, Російська Федерація)

Фірсова Ірина Володимирівна, викладач кафедри практики французької мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Хомицька Зоя Миколаївна, старший викладач кафедри іноземних мов Національної юридичної академії імені Ярослава Мудрого (Харків, Україна)

Чернов Андрій, викладач Луганського медично-біологічного ліцею (Луганськ, Україна)

Четирєшнікова Людмила Вікторівна, викладач кафедри англійської філології Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Шаповалова Ірина Володимирівна, кандидат філологічних наук, викладач кафедри психології Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)